

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Михайломъ Катеневскимъ.

Ч А С Т Ъ LXVI.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

1812.

Печашашь дозволяешся съ шѣмѣ, чшобы
мо оппечашаніи, до вышуска вѣ продажу, пред-
ставлены были вѣ Ценсурный Комишешпѣ одинѣ
экземплярѣ сей книги для Ценсурнаго Комише-
ша, другой для Депаршашаменша Министерсшва
просвѣщенія, два экземпляра для Имперашорской
публичной Библиошеки и одинѣ для
Имперашорской Академіи наукѣ. Москва
Феврала 3 дня, 1812 года. *Ординарный
Профессорѣ Алексѣй Мерзляковѣ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 21 и 22.

НОЯБРЬ 1812.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Р Ъ Ч Ь

на торжество, по случаю побѣды, одержанной Россійскими воинствомъ надъ Французскою арміею 1812 года Ноября 5го и 6го, говоренная того же Ноября 23го ().*

Благословенъ Господь Богъ, научаяй руцѣ на ополченіе и персты на брань укрѣпляяй! Боже, пѣснь нову воспоемъ Тебѣ во псалмири десятиструннѣмъ! —

Во изліянїи сердечной благодарности, въ преизобилїи умиленнаго благоговѣнїя, поемъ Тебѣ, Господу силъ, дающему спа-

(*) Получено изъ Казани.

сеніе Царемъ земнымъ, избавляющему царства отъ меча люта! — Избави, Господи, и изми люди Твоя изъ руки сыновъ чуждыхъ, ихъ же уша глаголаша суешу, и десница ихъ, десница неправды! —

Уже мечпалъ врагъ въ исповсвѣ своемъ: „нбспъ паденія оплошу моему, „ниже прохода, ниже вопля въ спогнахъ моихъ;“ мыслилъ дерзновенный и полагалъ въ несмысленной гордости души своея: „храни- „лица моя исполнена сущь, овцы моя мно- „гоплодны, множащіяся во исходищахъ своихъ, волове моя полспи, сынове мои яко „новосажденія, водруженная въ юности своей;“ мечпалъ ослѣпленный непомѣрнымъ власполюбіемъ Галль, и рекъ въ озлобленномъ сердцѣ своемъ: „гनावъ поспигну, „раздѣлю корыспь, исполню душу мою, „убію мечемъ моимъ, господспвоваши будешъ рука моя.“ —

Уже исполинскими шагами прешель безмѣрныя проспранспва земель опдаленныхъ; — перешагнулъ границы издревле враждебной народу Россійскому Польши, коснулся древнихъ предѣловъ любезнаго Опечспва нашего, сокрушилъ крѣпкія швердыни Смоленскія, — не оспановила его спремленія ужасная и кровопролишнѣйшая бишва Можайская. —

Въ люпоспи своей, въ испупленномъ бѣшенствѣ вспуилъ, попущеніемъ Божіимъ впоргся въ сердце Россіи, — въ пресловую, многими вѣками зиждемую преспольную Москву; — вспуилъ; — о ужасъ! чье сердце не обольется кровію, при одномъ воображеніи сего, всѣми неисповсшвами преисполненнаго позорища? — чья душа не попрясется?

Вспуилъ, — и мечъ и огонь предшествовали разрушительному его шествію; и огонь и мечъ представили очамъ зришеля одинъ только ничшожный пепелъ вознесеннаго колосса Россійскаго, однѣ ужасныя развалины, одно опущошеніе! —

Горяшъ дома и храмы священныя; подорванъ знаменитый Кремль; ринушся спѣбны, самымъ временемъ сохраненныя; дрожашъ свяшилища, опѣ вѣка въ честь милосердаго Бога усшроенныя. — Сшонъ и вопль народа заглушающъ воздухъ рыданіями; обагреныя въ крови своей, беззащитныя обшашели повержены на спогнахъ и поржищахъ; жены и чада влекушся на жершву неисповой люпоспи ширанновъ; олшари божешвенныя поруганы, попрана свяшыня.

Вспуилъ онъ, — и послѣ шакое бѣшнованія и люпоспи думалъ предписашъ

законы Россіи, или лучше, хотѣлъ водворить въ любезномъ Опечеснѣвъ нашемъ тѣ же буйства, тѣ же неистовства, тѣ же ужасы, то же безначаліе, каковыми ознаменована испорія чудовищнаго перевороша во Франціи.

Но забывый Бога, спасающаго Царей и царства земныя, не помянулъ онъ къ тому имени Сотворшаго небо и землю. — Забылъ онъ, яко Господь колесницы Фараоновы и силу его вверже въ море; избранные всадники — приспашы попопи въ Черномъ мори, и погрязоца, яко олово въ водѣ зельнѣй. — Забылъ онъ, что Господь силъ съ нами; Онъ есть милость наша и прибѣжище, заступникъ нашъ и избавитель, и на Него Единого уповаемъ. —

Забылъ онъ, и не представилъ себѣ, что въ насъ, Россы, еще кипитъ кровь древнихъ героевъ сѣвера, побѣдоносныхъ Варяговъ и Славянъ Новгородскихъ. Забылъ онъ, что въ насъ не просыпалъ еще жаръ непобѣдимой храбрости Александра Невскаго, днесь церковію свѣтло празднуемаго. Забылъ онъ, что, вседержавнымъ промысломъ Всевышняго руководствуемый и охраняемый, Димитрій Донскій сокрушилъ жеспоковую главу кровожаднаго Мамаю. Забылъ онъ, что Господь силъ,

ко избавленію столицы Россійскія избралъ некогда ранами покрышаго Князя Пожарскаго и незабвеннаго въ лѣтописяхъ Минина; что Петръ Великій, единымъ мановеніемъ перста Господня, попрыска и низложилъ вознесенную гордыню полочнаго Александра на поляхъ Полтавскихъ.

Забылъ онъ, какъ великая въ женахъ, Екатерина Вторая, съ твердымъ упованіемъ на помощь Господню, смиряла дерзость кичливыхъ Опшмановъ; какъ непобѣдимый духъ Рымникскаго, съ быспрошою молніею, со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ поражалъ, сокрушалъ и испреблялъ вражескія полчища враждебныхъ Поляковъ; какъ на плодоносныхъ пажитяхъ Италіи, на верхахъ Альпійскихъ горъ поражалъ и сокрушалъ онъ самыхъ даже Галловъ.

Не могъ онъ вообразить себѣ, чтобы тотъ же духъ Суворова въ преемникъ его доблестей и славы, въ Князѣ Кутузовѣ могъ оживиться; чтобы въ состояніи былъ показать тѣ же опыты непобѣдимой храбрости, любви и вѣрности къ Отечеству; тѣ же знаки вѣрноподданческаго усердія къ Престолу Монаршему, то же рвеніе къ защитѣ вѣры праотческія; — не могъ онъ, и не хотѣлъ думать о семъ,

Но Господь смиряетъ гордыхъ, смиреннымъ же даетъ благодать; десница Его оубъ вѣка препрославлена, десная Его сокрушаетъ враги: — Онъ наславляетъ люди своя и ушѣшаетъ ихъ крѣпостію своею! —

И вопль слѣдствія быспраго впорженія вражескаго въ предѣлы Россійскіе! — Уже онъ, поражаемый на каждомъ шагу непобѣдимыми героями нашими, давно показалъ, къ вѣчному посрамленію своему, согбенный пылъ свой, и хребетъ его выну сляцай. Уже онъ, видя непреодолимую силу Русскую, ищетъ убѣжища своего въ достойномъ поемѣянїа бѣгствѣ. Уже враги наши, послѣ усиленныхъ прошивуборствій, опречлись наоонецъ отъ всякой надежды на успѣхъ своего оружія, и будучи не въ силахъ вѣдншь намъ, бѣгнувъ въ совершенномъ разспроиствѣ. Уже союзники ихъ, почувствовавъ безсиліе, и сознавъ невыгоды своихъ хипроспей и коварства, поручили безопасность свою слѣпой неизвѣстности. — Но аще Господь восхощетъ, неизбѣгнутъ праведнаго мщенія и шягошѣющей руки Божіей. —

Побѣденосные Россы! се знаменіе помощи небесной, и покровительствующаго промысла Его! се плоды знаменишой и дошпославной побѣды храбрыхъ защитниковъ

возлюбленнаго Опечества! — О, если бы можно было исчислить всё пораженія врага Россійскаго, по какое ужасное зрѣлище предспавилось бы намъ, любезные сопечесшвенники! — Опъ возлюбленной древней еполицы Россійской почти до самой Калуги лице земли усѣяно было убишыми, израненными, полумершвыми, издыхающими опъ глада и жлада неприяшелями. Бородино, Мало-Ярославецъ, Вязьма пребудушъ неизгладимыми, вѣчными памяшниками непобѣдимосши всесокрушающихъ Россовъ, копорые, въ упованіи на помощь Божію, караюшъ злодѣевъ нечесшивыхъ. . . .

Но оставимъ плачевное позорище сіе, пошрясающее душу и проникающее до глубины сердца. Перейдемъ къ чувспвіямъ, по всей справедливосши восхищающимъ каждаго Россіянина.

Привѣшешвую васъ, моченные сограждане мои, со всерадосшнымъ извѣспіемъ о дарованной намъ свыше новой побѣдѣ! Привѣшешвую васъ, освященное сословіе, смиренномудренные дѣлашеліе небеснаго вершпограда, теплыя молишвы возносящіе ко пресшолу благодати! Привѣшешвую васъ, хрїспоименишыя войны, на самую смерпш опшважно успремляющіеся для спасенія Опечесства! Привѣшешвую васъ, ревносшные

блюстившими внутренняго спокойствія и правосудія, дѣятельностію своею споспѣшествовавшіе неукоsmithельному ополченію! И вамъ, крошкіе сель обитатели, сказую благоуспѣшествованіе и радость!

Со въспревоженнымъ чувствомъ сердечнаго сокрушенія, не для расправленія живыхъ. еще неуврачеванныхъ ранъ вашихъ, къ вамъ склоняю рѣчь мою, опечаленныя сердца, болѣзнующія матери! Въ милосердіи Бога, во внушеніяхъ вѣры, во гласѣ церкви свяшой, въ восклицаніяхъ и памяти цѣлаго Опечества обряцете утѣшеніе въ вашей горести. Если судьба, если необходимая крайность похишила у васъ чадъ вашихъ; но не къ посрамленію вашего племени: — они умерли со славою, за честь имени Русскаго, за славу предковъ своихъ, для защиты престола Монаршаго, за спасеніе Опечества, а тѣмъ заслужили безконечную признательность отъ своихъ собратьевъ. Ихъ память. преидетъ въ родъ и родъ, и слава ихъ никогда не умолкнетъ.

А вы, истинные Герои, покрытые испаряющимися ранами, бранноносные рапники! почійте на лаврахъ своихъ, и преднесите на челъ своемъ знаменіе пресловутыхъ вашихъ подвиговъ. Царство Русское

напечатлѣетъ имена ваши въ неизгладимомъ памятникѣ благодарныхъ сердецъ своихъ; Всеавгустѣйшій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ Первый по достоянью заслугъ вашихъ увѣнчаетъ васъ достойными наградами; самые завистливые сосѣди наши невольнo воздадутъ вамъ должное уваженіе, и въ испоріи не посмѣютъ укорить васъ ни поспыдною прусоспїю, ни вѣроломною измѣною Макковъ: вы спояли добръ, спояли со спрахомъ для гибели врага кровожаднаго,

Пусть, вземлетъ сему вселенная: да слышитъ небо и внушитъ земль, яко велій Господь силъ, и хваленъ зѣло, и надѣ всѣми боги земными обладаетъ. Пусть закоснѣлые въ невѣрствїи, лжеумствующїе послѣдователи мнимой философїи, оспарушя въ своемъ упорствѣ и дѣйствїе сїе приписываютъ обыкновенному порядку вещей, печенію природы: — Всемогущій Боже! мы падаемъ передъ Твоею вседѣятельною силою, преклоняемъ выи сердецъ нашихъ предъ престоломъ Твоего всемогущества, послушествоуемъ Твоему всеобъемлющему владычеству, и молимъ Тя: покрый насъ кровомъ крылу Твоею, и сохрани подѣбнїю Твоего ошеческаго промысленїя!

Соединимъ, шоржествующїе Россы, чувства наши съ шепльвйшимъ моленїемъ сердець нашихъ ко вседаровишому Богу, увѣнчавшему воинство Россійское поль знаменными побѣдами. — Господи силъ! буди съ нами, и поборствуй Вѣрному ИМПЕРАТОРУ нашему АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ, хрїсполюбивому Его воинству и всему возлюбленному Твоему народу Всероссійскому въ побѣжденїи и погранїи врага, гордаго иноплеменника: да въ разныхъ языцѣхъ, разныхъ племенахъ, разныхъ поколѣнїяхъ Славяно-Русскїя земли, во истинну шя исповѣдающихъ Бога, побѣдителей всегда шворяща, прославишся имя Твое во вѣки.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Вождю лобѣдителей ().*

О Вождь Славянъ! дерзнулъ ли робки струмы
Тебѣ хвалу въ сей славный часъ бряцашь?
Вездѣ гремятъ опмщенїя перуны,
И мчится врагъ, стыдомъ покрытый, вспяшь,
И съ Россомъ мїръ тебѣ рукоплескаетъ! . . .
Кшо пѣнью спрунѣ средь плесковъ сихъ внимаешь?

(*) Съ печатаннаго въ селѣ Романовѣ 1812 года Ноября 10 въ походной типографїи.

Но какъ молчать? я истый Славянинъ!
Я зрѣлъ, какъ ты, среди своихъ дружинъ,
Въ кругу вождей, сопутствуемъ громами,
Какъ Божій гнѣвъ, шелъ грозно за врагами!
Со всѣхъ сторонъ дымились Небеса!
Окрестъ земля опѣвъ громовъ колебалась! . . .
Сколь мысль моя тогда воспламенялась!
Сколь дивная являлась мнѣ краса!
О спарецъ Вождь! я мнилъ, что надъ тобою
Тогда самъ Рокъ невидимый лепѣлъ,
Что былъ сокрытъ вселенныя предѣлъ
Въ твоей главѣ, вѣнчанной сѣдиною! . . .

Сколь промыслъ Вышняго неизяснимъ!
Надменный сей не Имѣли былъ хранимъ?
Вошце пески Ливійскіе пылали —
Онъ пущь ошкрылъ среди песчаныхъ волнъ;
Вошце враги пучину осаждали —
Его промчалъ безвредно легкій чолнъ!
Ступилъ на брегъ — въ рукъ его корона!
Ужъ хищный взоръ съ похищеннаго прона
Вселенную въ неволю оковалъ!
Ужъ онъ Царей-рабовъ своихъ созвалъ. . . .
И возстаютъ могущіе Тевтоны,
Досшойные Арминія сыны,
Неаполь, Римъ собираютъ легіоны,
Богемецъ, Венгръ, Саксонъ ополчены,
И спали въ спрой измѣнники Сарматы!
Имъ нѣтъ числа! дружины ихъ крылаты!
И нордъ и югъ пошонъ сей наводнилъ!
Вождю во слѣдъ, а вождь ихъ за звѣздою,
Идушъ, летяшъ; ужъ все подъ ихъ стопою!
Ужъ Россѣ главу подъ низкій миръ склонилъ! . . .
О замыслы! о Неба судъ ужасной!
О хищный врагъ! . . . и трудъ толикихъ
лѣшъ,
И трупами ушланнй пущь побѣдъ,

И мощь, и злость, и козни... все напрасно!
 Здѣсь грозная судьба его ждала!
 Она успѣхъ на то ему дала,
 Чтобъ спарецъ нашъ славнѣй его низринулъ!..
 Хвала, нашъ Вождь! едва дружины двинулъ —
 Ужь хищныхъ рать спремглавъ бѣжишь на-
 задъ!

Ихъ гонитъ страхъ, за ними мчится гладъ,
 И щитъ и мечъ бросають съ знаменами!
 Вездѣ пуги покрыты ихъ костями!
 Ихъ волны жрутъ, ихъ губитъ огонь и холодъ!
 Вопще свой взоръ подвемлютъ ко спасенью!
 Не узрять ихъ опечески поля!
 Обречены въ добычу истребленью!
 И будешь гробъ имъ Русская земля!...
 И скрылася, нашъ Спарецъ, предъ тобою
 Ся звѣзда, сей грозный вождь къ бѣдамъ!
 Какъ Божій даръ явился ты полкамъ,
 И предъ твоей священной сѣдиною
 Безумная гордыня пала въ прахъ!
 Лети, неси за ними смерть и страхъ!
 Еще ударъ — и всей землѣ свобода!
 И нѣтъ слѣдовъ великаго народа!

О сколь тебѣ завидный жребій данъ!
 Еще вдали препещетъ Опшоманъ,
 А ты ужь здѣсь! ужь родины спаситель!
 Уже погналъ, какъ гений истребитель,
 Кичливыя разбойниковъ орды!
 И рядъ побѣдъ полковъ твоихъ слѣды!
 И самый врагъ, неволею гнепомый,
 Твоихъ орловъ благословляетъ грома:
 Ты жизнь ему побѣдами даришь!...
 Когдажъ, свершивъ спасительное мщенье,
 Свои полки опчизнѣ возвратишь,
 Сколь славное тебѣ успокоенье!...

Уже въ мечтахъ я вижу твой возвратъ!
Передъ побой вѣнцы, профей брани!
Во срѣтенье текутъ и старъ и младъ;
Къ тебѣ ихъ взоръ! къ тебѣ подвѣмлютъ
длани!

„Се онъ! се онъ! сей грозный Вождь, нашъ
щитъ!“

„Сколь величавъ, покрытый сѣдинами!

„Усѣйте путь спасителя цвѣтами!

„Да каждый храмъ мольбой объ немъ гремишь!

„Да слышишь онъ вездѣ благословенье!“

Когдажь, сложивъ съ сѣдинъ своихъ шеломя
И щитъ съ раменъ, ты возвратишься въ домъ,
Да вкусишь тамъ покоя наслажденье.

Сколь будешь покъ твоихъ преклонныхъ лѣтъ
Въ сей тишинѣ величественъ и ясенъ!

О! дней благихъ закажь всегда прекрасенъ!

Съ веселиемъ вода окрестъ свой взоръ,

Ты будешь зрѣть ликующія нивы,

И скачущи спада по скатамъ горъ,

И хижины орастая счастливы —

И скажешь: мной дана имъ тишина!

И спарець, въ гробъ ступившій ужъ ногою,

Тебя въ семьѣ вспомянувъ съ мольбою,

Речетъ сынамъ: „мнѣ имъ сбережена

„Въ странѣ опцевъ спокойная могила!“

И скажетъ мать, любуясь на дѣтей:

„Его рука мнѣ милыхъ сохранила!“

На пиршествахъ, въ спокойствіи семей,

Предъ олшаремъ, въ обители Царей,

Вездѣ, о Вождь! тебѣ благословенье!

Тебя предашь попомству пѣснопѣнне!

В. Ж.

*Къ портрету Генерала Графа
Вилгенштейна.*

Сей Вождь Россійскихъ силъ, Французамъ столь
опасный,
Непобѣдимаго (*) при крапѣ побѣдилъ,
И разметавъ полки числомъ враговъ ужасны,
Какъ нѣкій дивный щитъ, Петрополь оградилъ.

Николай Иванчинъ-Писаревъ.

Къ портрету Генерала Кульнева.

Се образъ Кульнева, чей мечъ въ бояхъ сверкалъ
Подобно молніи, — и Галлы пререптали;
Когдажъ среди побѣдъ Герой сраженный палъ,
Тогда не только мы — враги о немъ рыдали (*).

Николай Иванчинъ-Писаревъ.

(*) Удино Французскій Фельдмаршалъ, предводительствовавшій отборными войсками, по храбрости своей и искусству названъ непобѣдимымъ, къ тому жъ ни кѣмъ и никогда до сихъ поръ не былъ разбитъ. *И. П.*

(*) Сен-Женъ, плѣнный Французскій Генералъ, услышавъ въ Москвѣ о смерти Кульнева, залился слезами, и сказалъ: „Сей храбрый мужъ, коего неуспрашимость засвидѣтельствуютъ всѣ войска съ нимъ сражавшіяся, сей истинный Герой, во время самаго жаркаго сраженія спасъ мнѣ жизнь, в-доушпивъ разъяренныхъ солдатъ умершвितъ меня.“ *И. П.*

Къ моему старостѣ.

(Сочинено въ 1807.)

Отечества, семьи и барина кормилецъ,
 Брадашый староста, безграмотный мудрецъ,
 Въ повиновеніи, въ убожествѣ счастливецъ,
 Съ побой поговорить мнѣ должно наконецъ!
 Дивишься ты, что я и праздный и богатый,
 И независимый, ропщу на жребій свой,
 Тогда какъ ты, блаженъ средь дымной, низкой
 ханы,
 Не ропщешь на судьбу и веселъ надъ сохой.
 Ты вѣруешь въ душѣ, что служба, зной, работы
 Здравой праздности; что баринъ долженъ
 знать
 Однихъ лишь рысаковъ, да псовъ своей охоты,
 И какъ придверный песъ жирѣть, лѣниться;
 спать.

Мой другъ! ты бѣлой свѣшъ и городъ
 знаешь худо,
 Однимъ покроемъ вѣкъ шьешь длинной свой
 сермякѣ!
 Когдабъ хошь на два дни съ побой рокъ сдѣ-
 лалъ чудо,
 Обривши бороду, надѣвъ короткой фракъ,
 Въ одинъ карманъ вложилъ предлинныя эк-
 спракины
 Изъ крючокшворныхъ дѣлъ, въ другой кар-
 манъ часы
 Грусть, скуку повѣряшь; далъ въ руки мѣлъ
 и карпы,
 И два хохла на лбу поставилъ для красы;
 Когда бы Кривошолкъ по силѣ уложенья,
 По силѣ грамашы о вольности дворянъ,
 Хватайкѣ опсудилъ часъ своего имѣнья

Въ прошивносшь истинѣ, въ прошивносшь
всѣмъ правамъ;
Когда бы родственникъ къ тебѣ изъ сожалѣнья
Проворно скоронилъ въ свой родственный карма
манъ,

Въ сей ненасытный гробъ монетъ, твои алтыны;
Когда бы другъ тебя на вѣрну обыгралъ:

Скажи, увидѣвши столь нѣжныя картины,
Какъ ты о счастья моемъ бы думать сталъ?
Прибавъ же къ етому всѣхъ большее несчастье
Зрѣшь торжествующимъ неистовый развратъ,
Въ судьбѣ обманурыхъ живое братъ участие,
И видѣшь совѣсти съ фортуною разладъ.

Съ грабшелемъ казны изблеченнымъ вмѣстѣ
Бышь въ лучшемъ обществѣ, въ почетнѣй-
шихъ домахъ,

Съ шѣмъ, съ шѣмъ, кошораго давно на лоб-
номъ мѣстѣ

Намъ видѣшь надо бы у палача въ рукахъ;
Смопрѣшь, какъ дѣлашель фальшивыя монеты
Для свѣша цѣлаго даетъ богатый пиръ,

Педаша Колбершомъ зовутъ въ спихахъ поеты
И какъ разбойника призналъ владыкой мѣръ.
Тогда бы ты сказалъ, спѣша подъ кровъ до-
машній:

„Я лучше соглашусь взрыть цѣлый огородъ,
„Простую воду пью, вкушать простыя бра-
шны,

„И въ хижинѣ своей укрышься отъ хлопотъ!
„Ахъ, я не вѣдалъ бы въ обвятіяхъ семейства,

„Кому судьба людей въ градахъ поручена,
„Гдѣ все на откупъ и самыя злодѣйства,
„Гдѣ все продажное, и совѣсть и жена:

„Тамъ не видалъ бы я людей въ крестахъ безъ
вѣры,

„Безъ чести въ почестяхъ, въ почтеньи безъ
заслугъ;

„За деньги вышедшихъ въ дворяне, въ офи-
церы
„Изъ цѣловальниковъ, изъ самыхъ подлыхъ
слугъ!
„Въ селѣ не зналъ бы я, что даже въ храмахъ
вѣры
„Съ смиренной харею, съ двуличною душой,
„Во всеуслышанье вздыхая лицемъры,
„Смышляютъ обмануть и Бога и людей.“
Но еслибъ сверхъ того ты сдѣлавшись по-
етомъ
За тяжкіе своихъ родителей грѣхи,
Любилъ чашать, чашать, чашать предъ цѣ-
лымъ свѣтомъ,

Посланья, басеньки, водяные стихи,
Гдѣ и безъ *абѣ* словъ много безшолоковыхъ,
Любилъ и препешалъ, чшобъ ваксы и сельдей
Купецъ не обернулъ саширою пвоей;
Чшобы Поема въ честь, во славу дѣлъ Пеп-
ровыхъ
На полкѣ не сгнила — кусъ лакомый червей!
Чшобы Мессии въ честь наспроя громку лиру,
Съ Сурьминымъ Клопшпоку дерзнувъ идти во
слѣдъ,
Не написать, какъ онъ, на здравый смыслъ са-
ширу,
И въ сумасшедшихъ домъ въ жару не зале-
пѣть:

Тогда бы ты узналъ, что тяжело поешу
И Русскіе стихи порядочно писать,
Что надо бышь, какъ я, безсовѣстну, чшобъ
свѣтѣ
Свой жалкой бредъ въ стихахъ Французскихъ
предлагашъ.

О ты, который жилъ всегда со всѣми въ
 мирѣ,
 Которой никого въ свой вѣкъ не проклиналъ,
 Ты проклялъ бы и жизнь и спрась играть
 на лирѣ,
 И Феба съ Музами въ адъ къ дьяволубъ по-
 слалъ!

Теперь, мой другъ! сравни, сообрази при-
 лжно
 Быть барской хлопотной, и пихой своей удѣлъ:
 Ты жизнь ведешь умно, спокойно, безмятежно,
 Въ крестьянствѣ быть всегда свободнымъ ты
 умѣлъ;
 А я, о вѣрная примѣта сумасбродства!
 Свободный званіемъ, но въ самомъ дѣлѣ рабъ,
 Рабъ честолюбія, рабъ спраси спихотвор-
 ства,
 Я жадности писать сопротивляюсь слабъ.
 Свобода не одно съ испорченною волей;
 Повѣрь: бѣднякъ, какъ ты, спокрашно веселѣи,
 Стокрашъ довольнѣе своей смиренной долей,
 Чѣмъ сонмъ философовъ, вельможъ и богачей.
 Повѣрь . . . и Греція и Римъ тебѣ порукой,
 Си невольники — Езопъ и Епиктетъ . . .
 Ахъ! я забылъ, что ты непросвѣщенъ наукой,
 Что незнакомъ тебѣ республикъ древнихъ
 свѣтъ.
 Но ты и въ ешомъ правъ: съ простымъ и
 добрымъ сердцемъ,
 И съ маленькимъ умомъ, довольнымъ про себя —
 Какъ я желалъ бы быть, такимъ какъ ты, мла-
 денцемъ!
 Какъ радъ бы я придти учиться у тебя!
 Не зная Римскихъ правъ, живешь въ ладу съ
 сосѣдомъ,
 Безъ машемашики ты знаешь свой рубежъ,

И вѣры праотцовѣ неизказая бредомѣ,
 Постишься, молишься и пихо крестѣ несешь.
 Не спрашиваешь ты Жанѣ-Жака и Платона
 Какѣ цѣломудренно жену свою лобзашѣ;
 Умѣешь выполнить свой долгѣ безѣ Цицерона,
 Готовѣ послѣднѣй грошѣ убогому ошдашѣ.
 Ты презвѣ, трудолюбивѣ, спишь на пуку со-
 ломы;
 Работѣ, отдыху, всему урочнѣй часѣ;
 Сѣ Французской кухней, сѣ Шампанскимѣ не
 знакомѣй
 Ъшь кашу Русскую, пьешь вѣ будни Русской
 квасѣ,
 А вѣ праздникѣ Русское, а не заморско пиво;
 За шо и вѣ пятьдесятѣ ты бодрѣ, румянѣ
 вѣ пягѣ,
 За шо вспашашѣ тебѣ полнивы вѣ день не диво,
 За шо не думаешь еще обѣ костылѣ;
 За шо, мать судорогѣ и дочь невоздержанья
 Подагра твоего не посѣшитѣ одра;
 Она пойдетѣ искашѣ великолѣпна зданья
 И ложа пышнаго, на коемѣ доктора,
 Мигрени, колики и спазмы испышуютѣ
 Терпѣнне богача; гдѣ совѣсши укорѣ
 И вѣры тайнѣй гласѣ впервые шоржествуютѣ,
 И гдѣ наслѣдниковѣ веселыхѣ полонѣ дворѣ.
 Тогда, какѣ ты, простакѣ, безѣ страха, безѣ
 помленья,
 Сѣ живою вѣброю кѣ могилѣ подойдешѣ,
 И дальнѣй, труднѣй путь сверша, до воскресенья
 Простясь сѣ домашними, приляжешѣ и заснешѣ.
 А мы... безумные сѣ науками... Но полно;
 Не все, что на сердцѣ лежишѣ, пересказашѣ;
 И такѣ я часѣ болшалѣ безѣ умолку; довольно!
 Мнѣ время рифмы плесшѣ, тебѣ пора пахашѣ.

Воейковѣ.

Елишафїя безвѣстному.

По мѣрѣ силъ своихъ прудился онъ для счастья
Другихъ — не самого себя ;

О свѣтлыхъ дняхъ мечпалъ , и плакалъ отъ
ненастья ;

Молчалъ , терпя ; спрадалъ , любя .

.

Съ любовью къ мудрости , съ наукой сердце
вѣдца

Былъ рабъ страстей , былъ жертвой сердца .

Источникомъ богатствъ игралъ ,

Наслѣдства злаго рассыпалъ

Въ цвѣтущихъ дняхъ своихъ предъ бѣднымъ
сиротою ,

Чтобъ жить остатокъ дней — съ одной пу-
стой сумою ;

И къ дополненью наконецъ

Такихъ противорѣчій дивныхъ ,

Предъ гробомъ тма людей , и въ спорахъ без-
прерывныхъ ;

Одни твердятъ : онъ былъ чувствительный
мудрецъ ;

Другіе говорятъ : обмануемый слѣпецъ .

В. К.

*Къ памяти несчастной красавицы,
которой мнѣ рассказали исторію
на ея гробѣ.*

Любовь была твоимъ сердечнымъ преступлень-
емъ;

Въ слезахъ угасла жизнь твоя.

Кто не проспитъ тебя? Самъ Богъ и судія
Твой прахъ благословилъ конечно съ уми-
леньемъ.

Страдалница любви! въ живыхъ не знавъ тебя,
Стою передъ твоей могилой,
И всѣхъ несчастныхъ и себя
Люблю оплакивать въ тебѣ, по чувству
милой.

Вл. Измайловъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

*О гении, объ изученіи поэта, о
высокомъ и прекрасномъ.*

Въ предыдущемъ Чпеніи имѣлъ я честь
предложить Вамъ, милоспивые государи и
милоспивыя государыни, мнѣнія свои о вку-
сѣ. — въ его образованіи, въ его возмож-

ной степени совершенства, въ его измѣненіяхъ. — Мое намѣреніе было доказать, что вкусъ, при всѣхъ прихотяхъ своеволья, непосполнствѣ и уклоненіяхъ, существуетъ одинъ, и лучшій; что онъ, какъ врожденная способность, управляемая разумомъ, не смотря на время и заблужденія, рано или поздно, возвращается въ обьятія своей мащери — Природы, рано или поздно, покоряется пѣмъ законамъ, которые она ему предначертала. Вѣки и народы епо доказываютъ. — Сіе разсужденіе конечно опвлеченно и сухо; но я долженъ былъ его себѣ позволить, подкрѣпленный надеждою на благосклонное ваше вниманіе, и въ то же время убѣжденный необходимостію углубиться нѣсколько подробнѣе въ предметъ сей. Ибо если вкусъ у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, достигнувшихъ уже золошаго вѣна своей словесности, неоднократно подверженъ былъ столь спраннымъ опспупленіямъ и перемѣнамъ: то что же онъ долженъ быть у насъ, когда словесныя науки, а особливо ихъ теорія въ первомъ еще своемъ возрастѣ; когда языкъ не имѣетъ своей опредѣленности, а словесность, при множествѣ превосходныхъ образцовъ, теоріи поспоянной и прочной, спакой, которая пользовалась бы всеобщимъ довѣрїемъ! — Куда можетъ быть завлеченъ вкусъ, когда и въ наше время еспь писа-

тели драмъ, копорые не вбрыпѣ, что существуяпѣ для драмы правила, и писатели басенъ, копорые презираюпѣ нушь освященный Федрами, Лафоншенами и Дмитриевыми? Надобно, чпобы великїе генїи и теорїя искусства оспановили волненїя вкуса, почно такъже, какъ явившееся изъ мрака пучь солнце усмирятѣ бури и возвращаетѣ пищу и великолѣпїе Природѣ.

Въ мерцанїи упренной зари, въ нѣдрахъ питающаго душу уединенїя, въ часы мечпанїй божественныхъ, является *Истина* избранному любимцу своему, *Генїю*. Она беретѣ его за руку, и возноситѣ его въ горняя: шамъ съ высошы блистательной показывааетѣ ему цѣлую вселенную, мїръ нравспвенной и физической; вопѣ швоя художественная храмина, говоритѣ она ему; познай швое призванїе. — Обозри ее опселѣ со мною, чуждый еще оковѣ, налагаемыхъ обычаями и нравами, обними ее дѣвспвенною душою, незараженною предразсудками, вникни во внуспренность сея дивныхъ механизны, познай сложность ея, опношенїя частпей и всеобщее согласїе. — И шеперь избери спезю свою, крапчайшую во благо сущеспѣ нравспвенныхъ: — шы свободенѣ: назначь ее, укрѣпись и шеспвуй спопою постоянною! ... Терпѣнїе и неупомимость будущѣ швоими спупниками! — Тамъ, на

враждѣ мѣра, вспрѣпшишь тебя злобная За-
 висшь, ожидающая своего появленія. Ей дана
 власть возмущать покой швой, да никогда
 почѣешь ты на своихъ лаврахъ, да не ослаб-
 нушь усилія швои, обольщенные успѣхами,
 да не вознадѣнешься на себя болѣе нежели
 сколько попребно: епо пѣшелъ, должен-
 ствующій возбуждать тебя на работу;
 епо неприятель, часто полезнѣйшій самаго
 друга; — огонь чиспительной, кошорой снѣдая,
 уничтожая себя самаго, озаряетъ тебя
 свѣтомъ и окружаетъ шеплошою. — Тебѣ
 вспрѣпшился повсюду препоны, ужасы, несча-
 стія: — онѣ должны воспламенять духъ
 швой; онѣ — изощреніе умшвенныхъ силъ
 швоихъ; онѣ — ушвержденіе швоего харак-
 тера; онѣ воскрисяшь тебя, онѣ противъ
 своей воли окружають тебя зарями чисдой
 и прочной славы. И что безъ нихъ путь
 швой? — Спезя шемная пресмыканія, кошо-
 рую проложили боязнь и слабосшь, на кошо-
 рой шапаешься нѣга и почѣетъ праздносшь, —
 спезя въ шуманному блапу забвенія! —
 Шествуй спезею пруда и дѣяшельности: —
 безсмертїе тебя ожидаетъ! — Такъ въ-
 щаетъ Истина избранному, прикасаешься
 въ челу его божешвеннымъ своимъ пла-
 менникомъ, благословляетъ; — и Геній,
 подобно звѣздѣ опѣ небесъ падающей, по-
 добно орлу спремящемуся опѣ солнца на
 свою добычу, шспускается въ глубину сего

міра, и стоишь на своемъ мѣстѣ. Но сіе мѣсто гораздо уже далѣе мѣстѣ, занимаемыхъ обыкновенными людьми, которые давно уже начали свое поприще. — Се юный Пётръ! се юный Суворовъ! се юный Ломоносовъ, юный Державинъ! — се исполинъ, гоповяційся пеци пущь свой! — Облеченный въ порфиру, — онъ творить образованіе народа, разсвѣщаетъ мраки невѣжества, даетъ законы, вѣру, устройство, жизнь отечеству. — Онъ дѣйствуетъ какъ Богъ, окруженный облакомъ шайншвеннымъ: — невидимъ, но блистанія молній и волненіе бездны являютъ его присутствіе до пѣхъ поръ, пока хаосъ не содѣлается міромъ. Онъ полководецъ — и неприятель претещетъ его, какъ всепроникающаго, вездѣ присутствующаго чародѣя. — Шаги его необыкновенны, образъ дѣйствія новой. Онъ предводитъ новыми душами, онъ — особенной въ оружіи, въ битвѣ, въ побѣдѣ, и послѣ побѣды; — желѣзные холмы Требїи упадаютъ, и Сен-Готардъ дымится! и сѣверной орелъ свиваетъ гнѣздо свое на облачныхъ Альпахъ. — Онъ полишикъ, — и вѣсы спсращихъ могуществъ спсятъ равномѣрны, разногласіе производитъ согласіе; буря спсрашей превращается въ попушную вѣпръ ко пристани спокойствія и славы; мечъ уснулъ въ ножнахъ своихъ: перо рашуетъ и обвивается безсмертною

пальмою. — Онъ пѣишь; — внявъ своему призванію, подобно Геркулесу въ колыбели, разрываетъ змѣевъ, обвивающихся около его пѣла; бѣдность, мрачная униженность соспоянія, опдаленность, робость не могутъ заглушить сего внушительнаго гласа: — изъ лѣсовъ Холмогорскихъ, опъ рыбацѣй лодки, опровъ изнуренный, безъ хлѣба, безъ помощи, бѣжитъ онъ туда, гдѣ улыбается ему благопріятствующая звѣзда просвѣщенія: оставилъ родныхъ, семейство, всѣ другія выгоды жизни: вопъ Геній Ломоносовъ! — И вскорѣ увидѣли его въ лучезарномъ свѣтѣ. — Онъ даетъ языкъ, котораго мы не имѣли; даетъ правила и образцы краснорѣчія и поэзіи; онъ опнимаешь поношеніе опъ Академіи, въ которой до сихъ поръ не было еще Россійскаго Профессора; углубляется въ науки основательныя, и споритъ съ Франклиномъ о томъ, кто изъ нихъ прежде обезоружитъ громоноснаго Юпитера. — Обращился къ солнцу, — и раздробляетъ цвѣпы съ Невпономъ, раздрсбляетъ стихіи существъ, и составляетъ мозаики: вопъ изображеніе истиннаго Генія. По обыкновенному ходу природы надлежало бы подумать, что прежде Ломоносова цѣлой вѣкѣ, или болѣе уже существовали науки въ Россіи: языкъ обогащенъ, опредѣленъ, и были уже

эпихописорцы лирическіе , оставившіе на-
зидательной для него примѣръ. По край-
ней мѣрѣ должно бы помыслишь , что пу-
блика была на такой степени образованно-
сти , что могла бытъ его учителемъ и
судіею. — Со всѣмъ напрошивъ. Рожденный
среди невѣжества , гонимый своимъ жребі-
емъ и неприятелями , онъ нерѣдко встрѣ-
чалъ или непонимающихъ его , или злоб-
ствующихъ. — Онъ явился въ мѣръ , какъ
бы съ годовымъ запасомъ прочтѣннѣйшихъ
опытовъ; отъ рыболовной мрежи, отъ кри-
лоса сельской церкви, шагнулъ въ Академію,
попекъ своимъ путемъ, увлекъ за собою на-
цію. Труды его многообразны , безчислен-
ны, безсмертны. И это все сдѣлалъ одинъ
человѣкъ , умершій на 52 году жизни !

Таковъ характеръ истиннаго Генія! —

Онъ неозначаетъ особенной , одной ка-
кой нибудь способности ума; не заключаетъ
ихъ всѣ , и имѣетъ силу дѣйствовать ими
со всею быстротою , легкостію и' благора-
зуміемъ; Геній знаменуетъ не одни толь-
ко таланты врожденные, но вмѣстѣ все то,
что сіи таланты могутъ получить отъ
образованія , просвѣщенія того вѣка , ко-
торый онъ озаряетъ собою. — Признаки
его: непреодолимое стремленіе , или
лучше , влеченіе самихъ Небесъ къ той

наукѣ, которую совершенствовать суждено ему; — спроси пламенная въ трудахъ, оспроша ума, все объемлющая скоро и быспро, присушествіе духа, необыкновенныя духовныя и тѣлесныя силы.

Хотите ли сравнить его съ палантомъ? — Въспри разность: палантъ есть особенное расположеніе и привычка успѣшь въ какомъ нибудь искусствѣ; онъ есть способность, дающая предметамъ образъ, ободряемый искусствомъ, удовлетворяющій вкусу: порядокъ, ясность, легкость, красота, исправность, приличность. — Генійъ есть какъ бы нѣкое вдохновеніе частное, но временное; ибо выше природы человѣческой было бы его безпрерывное постоянство и ровность. — Онъ шворитъ. — Человѣкъ съ геніемъ возвышается и упадаетъ попеременно, по мѣрѣ того какъ его живитъ или оставляетъ вдохновеніе; онъ иногда бываетъ не разборчивъ, не исправенъ: попому что, увлекаемый своею силою, нигдѣ не можетъ остановиться и совершенствовать себя. — Онъ великъ во всемъ великомъ, какъ въ общенной своей сферѣ, и небреженъ въ вещахъ обыкновенныхъ, поелику онъ его ниже, и не шрогающъ. — Но восхоцетъ рѣшиться, и имъ доставляетъ новыя красоты, новое обиліе. Терпѣливое вниманіе, усшремленное имъ на

одинъ предметъ , даешъ сему послѣднему жизнь и красоту : ето солнце , оплодотворяющее ниву , и золото , сокрытое въ горѣ кремнистой . — Въ наше время , въ нашемъ Опечесствѣ , мы имѣемъ отличнаго генія поэзіи , кошорой , оканчивая свое поприще , въ вечеру своей жизни не престаешъ удивлять насъ своими швореніями . Чшо можно сдѣлать изъ описанія *Ласточки* , *Павлина* , и другихъ обыкновенныхъ предметовъ ? — Но предметы сїи обновляются подъ рукою любимца Музъ .

Одинъ живописецъ имѣлъ у себя двухъ учениковъ ; карпины одного почши не поправлялъ : онѣ были исправны , въ нихъ сохранены были всѣ возможные приличія и отношенія цвѣтовъ и шѣней ; другаго карпины маралъ , перечищалъ , поправлялъ ; но всегда съ большимъ удовольствіемъ , съ особеннымъ жаромъ , и всегда осыпалъ его похвалами . — Чшо ето значитъ ? наконецъ вышедши изъ шерпѣнїя , спрашиваетъ первой : шы у меня не находишь , что поправишь , но всегда ко мнѣ равнодушенъ и никогда не хвалишь ; карпины моего поварища спюютъ тебѣ великаго шруда , но шы ими восхищаешься ! — Твои карпины исправны , отвѣчалъ учишель ; но шы держишь въ оковахъ мое воображеніе ; его не исправны , но всегда воспаменяютъ меня ,

черпами новыми и рѣзкими. — Я вижу болѣе нежели сколько онѣ представляютъ; я наслаждаюсь ими, и не могу расшашься. — Вошѣ талантѣ! вошѣ генію! —

Гомерѣ, Мильтонѣ Шакеспирѣ, Ломоносовѣ, и другіе имѣ подобныя иногда падающѣ, иногда засыпающѣ: но за шо каково ихѣ пробужденіе! Такѣ пробуждающія лвы къ опважнѣйшимѣ новымѣ подвигамѣ и побѣдамѣ.

Сравните творенія великаго генія и произведенія таланта. Сей послѣдній обладаетѣ искусствомѣ и даетѣ образѣ: геній изобрѣшаетѣ и даетѣ существо; заслуга одного — въ тщательной разборчивости, другаго въ вымыслахѣ: одинѣ великѣ въ подробностяхѣ, другой въ составѣ цѣлаго. — Человѣкѣ съ талантомѣ думаетѣ и пишетѣ обыкновенное, всѣми повпоряемое, но гораздо болѣе украшенное, и съ лучшимѣ вкусомѣ расположенное. Человѣкѣ съ геніемѣ напросивѣ того имѣетѣ свой собственннй способѣ видѣть, мыслить и чувствоватѣ. — Читая оду Горация, или Державина, видишь что-шо новое — имѣ принадлежащее, въ ходѣ мыслей, въ порядкѣ, въ расположеніи, въ слогѣ, въ самыхѣ словахѣ, сказаѣ болѣе — въ самыхѣ погрѣшностяхѣ. — Ни кто прежде такѣ не

думалъ! никто такъ прежде неизвѣстна-ся! — Одинъ только планъ оды — есть уже дѣло генія: и въ одномъ планѣ, необле-ченномъ предметомъ видна уже поэзія. —

Если геній живописуетъ характеры, ихъ разительныя опличія, ихъ удивитель-ную силу: тогда вы видите Ахиллесовъ, Аяксовъ, Діомидовъ, Агамемноновъ; если онъ соединяетъ ихъ вмѣстѣ по взаимнымъ спре-мленіямъ выгодъ или въ противоположности спрастей ихъ: какой великолѣпной міръ въ чудесномъ своемъ дѣйствіи! — Въ подро-бностяхъ похищаетъ геній у природы тай-ны, которыхъ никому другому она неповѣ-ряла; онъ проникаетъ въ наше сердце, преж-де нежели мы сами въ него проникнемъ, открываетъ намъ насъ самихъ, и мы чув-ствуемъ, что онъ понялъ насъ совершен-но вѣрно. Обыкновенные люди часто смо-тратъ и не видятъ; геній видитъ чрез-вычайно быстро, и почти не смотря. — Самой извѣстной предметъ, многими уже описанный, испощенный, при его воззрѣніи оплодотворяется снова, и дѣлается обиль-нымъ.

Были великіе, необыкновенные мужи, въ которыхъ геній соединялся съ великимъ талантомъ; подъ симъ послѣднимъ я всегда разумю болѣе даръ искусства. — Такое

счастливое соединеніе избавляетъ писателя отъ грубыхъ неровностей и несовершенствъ: упадки Гения замѣняются талантомъ; когда одинъ засыпаетъ, другой бодрствуетъ; когда одинъ небреженъ и безпеченъ, другой совершенствуетъ его твореніе: дѣйствіе таланта споль очаровательно, что съ перваго разу не примѣшишь опускствія гения; кажется вездѣ онъ одинъ работаетъ. Гений старѣется, талантъ можетъ безпрестанно возрастать: когда одинъ, подобно солнцу, угасающему въ западныхъ облакахъ, слабѣетъ подвѣ вечеръ жизни; другой въ то время, подобно лунѣ восходящей на восточной сторонѣ неба, старается занять его должность, хотя и хладнымъ, но приятнымъ сѣніемъ. — Въ стихахъ устарѣващаго гения примѣшны повторенія собственныхъ старыхъ красотъ, нѣкошорая слабость и небрежность въ слогѣ: онъ, кажется, опдыхаетъ на своихъ лаврахъ. — Успарѣмый Поетъ съ талантомъ до конца жизни пишетъ равно гладкіе, равно благородные, чистые стихи, всегда съ одинакою легкостію и исправностію. Вкусъ долженъ слѣдовать по стопамъ гения, долженъ раздѣлять съ нимъ его работы: — еще помощникъ живописца, приготавливающей иногда для него краски, иногда сливающей шпатель, а иногда доканчивающей и направляющей картину. — Нѣкошорые вкусы

и геній почишають за одно дарованіе; однако они совершенно различны. — Есть люди, которые имѣютъ великой вкусъ въ музыкѣ, въ поэзіи, въ живописи; но не могутъ ничего произвести собственнаго: — судишь и шворишь, два дѣла совершенно разныхя. Впрочемъ вкусъ долженъ быть всегда собственностію генія: онъ гораздо ниже его; ибо Геній не ограничивается однимъ прекраснымъ, воспринимаемымъ въ области природы; — онъ созидаетъ новыя красоты, способныя поражать наше воображеніе и чувство. Вкусъ можетъ образоватъ хорошаго кришика; попребенъ геній для того, чшобъ быть великимъ орашоромъ и стихошворцомъ. Представимъ себѣ вѣрнаго друга, ошерегающаго насъ на пути жизни, въ обращеніи, въ приличіяхъ, удерживающаго наши спраспи, наши излишнія спревленія, возбуждающаго насъ ко всему благородному. То же самое вкусъ въ ошношеніи къ генію. — Геній Державина иногда самовлаштуешъ, будучи увлеченъ пламеннымъ своимъ воображеніемъ: но развѣ чишатель и самъ не увлекается, при возрбніи на его прекрасныя каршины! Въ такомъ случаѣ трудно и примѣшишь ошлучку вкуса.

Есть геній математической, политической, военной: — такъ называется онъ по предметамъ, которые избралъ своимъ

занятіемъ. Есть гений въ работахъ совершенно механическихъ. Но вездѣ, во всѣхъ наукахъ и искусствахъ великіе Гении рѣдкіи. Природа, кажется, приготавливается цѣлые вѣки для произведенія споль необыкновеннаго духа: она весьма экономна въ высокихъ дарахъ своихъ. Еще не случилось, чтобы въ одномъ и томъ же человѣкѣ открылся гений музыки, математики, полиптики, поэзии. — Успѣшь совершенно можно сполько въ одномъ; успрямившись за многими предметами, мы не достигаемъ своей цѣли: — такъ называемые всеобщіе гении были по большей части поверхностные. Тогда сполько являея пламень свѣа епекла зажигательнаго, когда всѣ лучи солнечные обращены будуще въ одну спочку. Это правило должно бытъ свято для всѣхъ молодыхъ писателей, которые, въ лѣта пылкости, кидаются спремительно на всѣ блистательные предметы, ласкные для ихъ самолюбія. —

Такимъ образомъ мы обозрѣли врожденные способности писателя. Много отъ него спребуея; но это еще не все: дарованія безъ ученія, какъ земля необработанная, погибающе вшунѣ. —

Я представляю, что вижу передъ собою святилище Истинны, храмъ безсмертія

ной, воздвигнутой Мнемозиною на высокой горѣ, прохлаждаемой росой небесною и испочниками Иппокрены. Богиня воссѣдѣла на адамантовомъ престолѣ, споль же неизмѣнномъ, какъ вѣчность; она окружена Музами и Геніями служебными, копорые подносятъ ей сочиненія счастливищихъ писателей, внимаютъ судъ ея, записываютъ уроки ея преподаваемые, и сообщаютъ ихъ смертнымъ. Преддверіе храма и переходы наполнены стихотворцами, ораторами, кришиками, удостоенными благоволенія богини. — Всѣ они разбираютъ знаменитыя пворенія древнихъ, хвалятъ, или обвиняютъ. — Положимъ что избранный молодой любимецъ Музъ, одаренный отъ природы всѣми пошребными талантами, приведенъ къ подножію храма благодѣтельнымъ геніемъ любви или дружбы. — Непосвященные не входятъ, говоритъ онъ ему: ты долженъ быть испытанъ мудрецами, здѣсь водворенными; — съ симъ словомъ подводитъ его къ чешыремъ почтеннымъ и сановитымъ мужамъ, копорые, кажется, особенно были дружны между собою: это *Аристотель*, *Горацій*, *Вида* и *Боало*, оставившіе намъ драгоценныя правила о сущесствѣ и духѣ поезіи. Юноша принялъ былъ ими ласково. — Онъ объявилъ имъ свое призваніе, и первой изъ чешырехъ, *Аристотель* спросилъ его

важнымъ, но приятнымъ голосомъ: вѣдаетъ ли онъ, что было написано надъ вратами храма Дельфійскаго? — *Познай самаго себя.* — Вотъ первое правило для стихотворца, продолжаешь онъ; его повторилъ другъ мой Горацийъ въ книгѣ, которую всѣ желающіе вступить въ храмъ сей должны читать непременно.

Берите трудъ всегда не выше силъ своихъ; умѣйте разбирать, судить себя самихъ.

Презрѣніе къ сему правилу, особливо въ первые дни вашихъ занятій, влечетъ за собою пагубныя слѣдствія.

Если воображеніе ваше воспаляется при великихъ предметахъ природы и искусства; если сердце трогается скоро и сильно; если воображеніе и сердце дѣйствуютъ другъ на друга; если слухъ вашъ чувствителенъ къ нѣживѣщимъ опшѣкамъ гармоніи, и вы живо наслаждаетесь красотою поэзіи; если душа ваша, возгорженная при чтеніи великихъ образцовъ, чувствуетъ благородное соревнованіе за ними следовать, — созерцаетъ въ самой себѣ предметъ свой, какъ бы отразившимся въ зеркалѣ, въ новыхъ подробностяхъ, въ новыхъ цвѣтахъ, въ новыхъ отношеніяхъ безпрестанно, такъ сказать, растущихъ и умножающихся; — если вы

чувствуеете наконецъ безпокойное непрерывное, нужду, сообщая мысли и чувства свои другимъ: по можете назвать себя поетомъ, и предашься изученіямъ, образующимъ талантъ свой! —

Доброй и мудрой другъ въ етомъ случаѣ скорѣ всего поможетъ, сказалъ Расинъ, держащій въ рукахъ своихъ Пѣишику г-на Воало

*Позволимъ надъ собой мы другу послѣжаться,
Чтобъ послѣ никогда смѣшными не о-
статься!*

прибавилъ веселый Горацій.

Нужны правила, вопіялъ Сочинитель Телемахида, нужны однѣ правила, шруды и раченіе. —

Правила конечно необходимы, говорилъ мужъ почтенный, споящій подлѣ Аристошеля съ его Пѣишикой. Онъ приутоповляющъ искусство; но правила однѣ недоспащны. Спихошворецъ долженъ знать свое искусство, свои средства и материалъ, которой онъ обрабатываетъ. — Правила служатъ спихошворцу шѣмъ же, чѣмъ звѣзды небесныя служатъ мореплавателямъ. — Впрочемъ онъ прежде всего обязанъ обратиться на языкъ свой... „Что за правила! подхвашилъ насмѣшливый Сума-

роковъ. Чишай пофранцузски! — Французы учили за насъ правила. Пустьъ они ихъ учащъ; намъ довольно кроишь по ихъ мѣрѣ; знаете ли вы, что я въ своемъ *Сновидѣннн* разбиралъ Французской театръ, и послалъ разборъ сей къ Вольперу? — Сіе сновидѣннѣ составляетъ лучшее изъ моихъ ученыхъ разсужденій!“ — Всѣ поняли, что Сумароковъ смѣется надъ многими нынѣшними нашими молодыми писателями, — и Ломоносовъ началъ говорить;

Повелитель многихъ языковъ, языкъ Россійской, изобилуетъ всѣми красотами доброгласія, величествомъ, громкою слѣю, нѣвностію и легкостью, столько же какъ языки древніе. — При всѣхъ усиліяхъ, посвященныхъ ему мною я едва всунилъ въ преддверіе поприща: — это обширнѣйшее поле или едва предѣлы имѣющее море... Какъ жалъ, что немногіе изъ моихъ соотечественниковъ обращаютъ вниманіе на языкъ свой! — Труды Шишкова почтенны; почему же не подражаютъ ему! помните, обратившись къ юношѣ продолжалъ онъ, что языкъ въ рукахъ стихотворца долженъ быть подобенъ воску и приниматъ такую форму, какую дасть ему будетъ угодно. Измѣненія, опшннни спилл безчисленны, ихъ степени непоспнжнмо различны. Вкусъ, быспрое, шонц

ное чувство изящнаго, внутрь можетъ одинъ опредѣлить ихъ. — Къ тому присоеди- нить должно силу ощущающую, раз- борчивость дальновидную, которая не вся- кому достаётся въ удѣлъ. — Вы вездѣ найдёте правила о механизмѣ спина, и обо всемъ томъ, что относится къ уму, чувству и слуху; но я напередъ скажу, что всѣ сии правила безъ истиннаго на- лага могутъ произвести только бѣднаго, сухаго писателя. Живописецъ можетъ знать всѣ цѣвшы; набросать ихъ не зна- чить еще живописатьъ.

Вступите въ преддверіе храма, сказалъ благодѣтельной Геній. Сами познайте со- кровища, которыя даётъ вамъ Природа для подражанія.

Храмъ распворился: пипомецъ Музъ вступаетъ въ нѣкоторую райскую обитель, или паче, въ самые чертоги неба. — Бли- спашельныя, неудобопреносимыя очамъ смершнаго, сїянїя наполняли храмъ сей. . . Онъ, кажется, видитъ передъ собою вседен- ную: онъ чувствуетъ себя опдѣленнымъ только чрезъ одно облако отъ Существа высочайшаго. — Онъ, кажется, внимающъ слухомъ своимъ таинственную гармонию, которая движетъ безчисленные шары! . . . Солнца, какъ Серафимы, спройно па-

ряишь вокругъ сего святилища : оно едино недвижимо во всеобщемъ движеніи, — возгремѣла небесная арфа, и онъ слышишь гласъ Хераскова :

Всея вселенная отверста красота
Есть Вышняго руки единая черпа ;
Движеніе міровъ есть перста мановенье,
Дыханье тварей всѣхъ Господнее дхновенье ;
Во славу искони Создатель пребывалъ,
Онъ Самъ въ Себѣ, Онъ Самъ единъ существовалъ ;

Еще небесна твердь звѣздами не сіяла,
Но мудрость Божія вселенну озаряла ;
Ни солнца не было, ни моря, ни земли,
Но Богъ смотрѣлъ на нихъ изъ вѣчности вдали ;
Какъ зодчій предъ собой имѣя начертанье,
Объемлетъ разумомъ намѣренное зданье ;
Такъ Богъ вселенну зрѣлъ, въ ней плавалъ
какъ Творецъ,

Начало бытія Онъ видѣлъ и конецъ ;
Все видѣлъ, вѣчными одѣянъ небесами,
Какъ наше бытіе мы ощущаемъ сами.

Такъ долженъ взирашь ты на вселенную, вѣщаетъ Геній стихотворства. Зрѣлице природы, ея механизмъ, ея чудесныя явленія, ея средства : вопль предметъ твоихъ занятій, — картина безконечная! — богатство неисчислимое, разнообразіе несказанное, шребующее изученія многихъ вѣковъ! — Но труды твои не суть труды испишателя, или аспронома. — Наблюдающій ходъ природы опре-

дѣляешь движеніе пѣлъ небесныхъ и причину его. Ты живописуешь ихъ равновѣсіе, ихъ гармонію, ихъ измѣненія, подверженныя непреложнымъ законамъ. необходима: одинъ различаетъ безчисленные роды существъ организованныхъ, которые наполняютъ различныя стихіи; ты рѣзцомъ пламеннымъ и быспрымъ изображаешь сію лѣспвицу безконечную и непрерывную, гдѣ сливаются царства природы, гдѣ господствуешь порядокъ поспоянной и правильной, отъ самой шой бездны, которая раздѣляетъ насъ съ ничтожеспвомъ, до другой, копорую опдѣляешься ты опнъ Существа высочайшаго. — Когда физикъ разбираетъ звукъ грома и свѣтъ, — Поетъ гремитъ; въ его пѣсняхъ слышны сіи потрясающіе удары грома, сіи перекапы, которые опъ одной горы до другой, кажутся, возвѣщая опъ паденіе мѣра и славу Бога. Онъ являетъ намъ блѣдный огнь молній, косвенными брадами разсѣкающій бездны мрака, општопившаго сводъ небесной. — Одинъ хочетъ исполковать намъ дыханіе цвѣтовъ; другой творитъ его видимымъ, представляя Зефира, копорой опрясаетъ крыла свои, окропленные слезами Авроры и свѣжими благоуханіями ушра. Одинъ учитъ природу для шого чшобы знать ее, другой для шого чшобъ подражать ей; одинъ хочетъ извяснить, другой живописаць... Углуб-

ляйся и въ самыя шаниспвенныя причины дѣйствій природы, не презирай и сего труда тебѣ собспвенно непринадлежащаго. — Испины философа, будучи облечены въ прелести вымысла, доставяшѣ новыя сокровища для подражанія!

Здѣсь Геній сдѣлалъ мановеніе, и зрѣлице переѣнилось . . . облако низпало, и онѣ увидѣлъ самую Испину во всемъ ея величествѣ, окруженную Музами, Геніями и мудрецами! . . . Онѣ возглашаешѣ:

Трудѣе всѣхъ наукъ, некончимая въ вѣкѣ,
Для челоѣка естѣ наука челоѣкѣ!

Изъ всей вселенныя Всезышнимъ сокращенный
Онѣ самѣ во существѣ мѣрѣ малой, совершенный;
Изъ шварей всѣхъ извлекѣ чиспѣйшее Господѣ,
И вдунулѣ духѣ живыи въ его ничтожну
плотѣ;

Онѣ точка средняя, онѣ сердце всей Природы;
Въ немѣ воздухѣ и земля, въ немѣ скрыты
огнь и воды.

Какѣ солнце возсіалѣ сей образѣ Божества,
И помрачилѣ всего пригошпиво естества,
Но услаждался онѣ своею славой мало!

Мѣрѣ физической естѣ облаченіе мѣра нравспвеннаго, взываетѣ далѣе Геній спикопшворшпа; — его долженѣ пы обняшѣ и постыгнущѣ. Самой занимательнѣйшей предметѣ для челоѣка естѣ самѣ челоѣкѣ, разсмаприваемой какѣ челоѣкѣ просто и какѣ гражданинѣ, — его нравы, бривычки,

спрасни, слабости, добродѣтели, зависящія отъ правленія, отъ законовъ, отъ религій. — Попеченіе о своей жизни и защитѣ, чувствованія добра и зла, связи родства и любви, благошворительность, состраданіе, ревность, мщеніе, желаніе господствовать: все это открыто въ чловѣкѣ необразованномъ болѣе, нежели образованномъ. — Замѣчай, живописуй черты сіи, подавленные въ сердцѣ его предразсудками воспитанія и привычекъ; обнаруживай сіи свободныя движенія сердца чрезъ вѣжную завѣсу приличія: тогда ты достигнешь своей цѣли. Сердце всегда отзывается на тѣ звуки, которые какъ родные заключены въ немъ самомъ; сердце, сколькобы оно ни искажено было свѣтомъ, любить возвращаться къ тѣмъ простымъ любезнымъ чувствованіямъ, съ которыми оно родилось. — Не страшивай, гдѣ искать природу; она въ твоемъ сердцѣ; изучая себя, ты изучаешь другихъ. Но ешаго мало! —

Войди въ чертогъ Исторіи, раскрой альбомиси міра, испытывай чловѣка въ разныхъ вѣвахъ и климатахъ. — Образованность, законы, мнѣнія, обычаи, различные образы правительствъ, вліяніе нравовъ на законы, законовъ на жребій царствъ: однимъ словомъ послановменія нравственныя, политическія народовъ и земель: все

что есть въ человѣкѣ врожденное и приобретаемое должно входить въ планъ своихъ изученій. — Работа безконечная! —

Не можно ли знать людей не выходя изъ своего дома? Чтеніе и размышленіе никогда незамѣнитъ обращенія съ ними. Книга есть мертвой свидѣтельница. — Сочинитель ея могъ смотрѣть съ особенной стороны, и видѣть искаженно! . . . Опытъ, чего древніе споль хорошо описывали природу и человѣка? — Опытъ того что они учились не изъ книгъ. — Иди, внимай, испытай людей, безпрестанно живучи посреда ихъ. — Одно слово, взоръ, молчаніе, движеніе рукъ часто даетъ жизнь, выразишельность и спрасть швоей картинѣ. — Люди приворны: надобно долго дожидаться минушы, въ которую бы они, позабывъ свою осторожность, показали намъ испинную сторону своего сердца; не съ одного или другаго образца списывать должно характеръ и дѣйствія спрасти, но собирашь ихъ съ тысячи наблюденій, сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ въ разное время, при разныхъ обстоятельстввахъ. Спупай въ общество свѣтское, дабы переняшь образъ благородства и приличія. Но чтобъ познать движенія сердца человѣческаго, удались и живи въ обществѣ съ людьми простыми и необразованными. Прощота, чувство, сила, спрасти, душа

свободная, открытая, скорее встречается между народомъ, нежели при дворѣ. — Люди вездѣ люди: но полишика обращенія сперла съ нихъ почти всѣ цвѣшны напуральные. — Свѣшъ ешь маскерадъ. —

Хочешь ли еще болѣе обогатишь себя сокровищами Поезїи? — Наблюдай природу образованную или искусства человѣческїя: земледѣліе, мореплаваніе, всѣ искусства изящныя и полезныя могутъ доставить тебѣ новые образы, новыя сравненїя, новыя описанїя. Наблюдай великихъ писателей, дабы присвоишь себѣ ихъ взоры и духъ! — Чтенїе Ломоносова и Державина можешь возбудить въ чинашелѣ пламень вдохновенїя.

Не уже ли оставишь ты сей прелестьной, очаровательной мїрѣ мнелогїи, населенной богами, богинями, сифами, генїями; гдѣ сполько чудесныхъ происшествїй, сполько красотъ вѣчно цвѣтущихъ, гдѣ все играетъ, улыбаешся, веселишься, — сей рай Грека и Римлянина, рай всякаго мечшашеля, рай всякаго чувствительнаго сердца! — Тамъ громозной Юпшерь, возсѣдающїй на вершинѣ Иды и единымъ мановенїемъ главы потрясающїй вселенную: — предъ нимъ златые вѣсы его, ушвержденные на концахъ востока и запада. — Тамъ Венера, вручающая волшебной свой поясъ реж-

ивой матери боговъ; тамъ Марсъ, даю-
щій повелѣнїя Ужасу и Быспрошѣ въпрячь ко-
ней въ желѣзную свою колесницу . . . Можно
ли отказать поезіи въ сихъ красотахъ,
чрезъ двадцать вѣковъ сохранившихъ свою
свѣжесть? — Но отдѣляй басни, заключаю-
щїя смыслъ философа отъ басней, рожден-
ныхъ дѣтскими прихопами суевѣрїя; —
ибо чѣмъ болѣе стихопворецъ философъ,
тѣмъ онъ болѣе пїитъ! —

И такъ, вотъ ваши занятїя: природа
простая и образованная, или природа и ис-
кусства, нравственность простая и измѣ-
ненная, или человекъ самъ въ себѣ и въ
нѣдрахъ общества со всѣми привычками,
нравами, обычаями: — поприще великое!
но рѣшишься и вѣнчайше себя славою. Такъ
вѣщалъ Геній, и храмъ исчезъ.

Признайся, планъ сего ученїя необъ-
ятной, невозможной для одного человекъ.
Но здѣсь разумѣется ученїе поэта,
вообще. — Онъ можетъ избрать для себя
одинъ родъ поезїи, и заниматься тѣмъ; что
къ нему относится ближе. Для писателя
басень не нужно то, что пошребно для со-
чинителя поэмы; — всякой можетъ вы-
брать свою сферу и стремиться къ метѣ
своей. Быть всегда съ излишнимъ запасомъ
гораздо лучше нежели безъ запаса. Изли-

вещество простиительнѣе бѣдности; и оно есть погрѣшность, — но прекрасная. Пускай познанія поэта будутъ такъ же готовы какъ краски на палимпсѣ живописца, и всегда болѣе нежели сколько надобно. Это приводитъ его въ состояніе управлять своимъ предметомъ по своей волѣ.

До сихъ поръ ММ. ГГ. говорилъ я о необходимыхъ врожденныхъ дарованіяхъ стихотворца или художника вообще, и о способахъ постороннихъ, которые онъ приобретаетъ опытно воспитанія и науки: онѣ всѣ исчислены. — Юный випязь одѣтъ въ броню свою; представьте, что Ахилесъ нашъ уже дѣйствуетъ. — Разсмотримъ богатый кочанъ его, или тѣ средства, которыми онъ убѣдилъ, плѣнилъ, очаровалъ сердца наши. — —

Вопѣ силы естественныя, которыя всегда и несомнѣнно дѣйствуютъ на сердце во всѣхъ искусствахъ изящныхъ: *красота, добро или польза, великое и высокое, новость, неожиданное и необыкновенное, чудесное, забавное*. О другихъ силахъ вкуса, относящихся къ измѣненіямъ слога, теперь не упоминаю: онѣ будутъ изъяснены въ своемъ мѣстѣ. — Вы изволили напередъ уже замѣтить, что мы порядокъ, назначенный себѣ, сохранили, и что всѣ

еїи силы подчинены главному началу выбора подражанія, которое опредѣлено въ одно изъ предыдущихъ нашихъ чтеній. Нѣкоторыя прибавляютъ еще къ сему числу красотъ — *совершенное*. Но что такое совершенное, — совершенство существъ несовершенныхъ! — Всѣ совершенства наши суть относительныя, сравнительныя; довольно упомянуть о *великомъ* и *высокомъ*. — Надѣмся въ сихъ словахъ объяснить все то, чего желаетъ столь спрассно наша суешность. —

Между всѣми удовольствіями воображенія конечно чувство *красоты* всѣхъ разнообразіе, обширнѣе, пріятнѣе; но поелику мы объ ней уже опчасти сказали въ своемъ мѣстѣ, и поелику предметъ сей самой сложной и трудной для опредѣленія; по сѣ большею подробностію будемъ говорить объ немъ въ одну изъ слѣдующихъ бесѣдъ. —

Благо или польза такъже объяснена мною тогда, когда предлагалъ я объ отношеніи и вліяніи, окружающихъ насъ предметовъ, на благо наше, или удовольствія. — Буду теперь имѣть честь, съ позволенія вашего ММ. ГГ., предложить вамъ о *великомъ* или *высокомъ* въ вещахъ, подражаемыхъ стихотворцомъ или вообще художникомъ.

Высокое объяснишь словами трудно, хотя впечатлѣннѣе, которое мы чувствуемъ въ присутствіи предметовъ великихъ и важныхъ, кои поражаютъ съ перваго взгляду всѣмъ извѣстно и всякой испыталъ его. — Высокое распространяетъ и озаряетъ предѣлы ума нашего, возноситъ его выше обыкновеннаго состоянія, и заставляетъ чувствовать сіе возвышеніе: — ощущеніе безъ сомнѣнія сладостное, но всѣмъ отличнее отъ того, которое производятъ въ насъ предметы приятные или красивые. — Представьте, что вы съ какой нибудь горы взираете на долину обширную, которой не видно конца, или на океанъ безбрежной, или на лазоревой сводъ неба: все то, что слишкомъ обширно, чего не можете вы объять взглядомъ, производитъ въ васъ чувство высокаго. Кремнистая скала, нависшая надъ бездною; высокая башня, съ которой мы обозрѣваемъ отдаленные предметы, производятъ въ душѣ удивленіе смѣшанное съ какимъ-то ужасомъ. Величіе небесъ основано на возвышеніи и пространствѣ; мысль о величій океана всегда сопрягается съ понятіемъ о силѣ и огромности водъ непреодолимыхъ. Не одно пространство производитъ чувство высокаго: необыкновенный звукъ, шумъ грома, ревъ вѣтра среди скрипучей дубравы, ропотъ народа многочис-

леннаго: однимъ словомъ все, что предпо-
лагаетъ великую силу или могущество,
можетъ служить источникомъ высокаго,
и стихотворцы имъ пользуются; такъ
на пр. землетрясенія, горы разрушившіяся,
великіе пожары, бури посреди открытаго
моря, наводненія, ураганы, молніи, гро-
мы — всегда предметы высокіе. — Могуще-
ство неограниченное, когда отъ него безо-
пасны, такъ же возбуждаетъ въ насъ попря-
сеніе, оканчивающееся удовольствіемъ. —
Рѣка, которая величественно клубитъ свои
воды въ берегахъ — есть предметъ прекра-
сной; но вышедшая изъ береговъ своихъ, съ
ревомъ покрывающая окрестныя долины,
увлекающая съ собою стада и села — есть
предметъ высокій. Точно по же можно ска-
зать о львахъ и тиграхъ, столь часто
упомянутыхъ въ стихотворныхъ срав-
неніяхъ; о ратномъ конѣ, который
услышавъ гласъ трубной, несется на пла-
мя и на мечи непріятельскіе; о кровопро-
литномъ сраженіи двухъ многочисленныхъ
армій, которыя спеклись, какъ два моря,
и спорятъ о побѣдѣ. —

Всѣ идеи важныя, безмолвныя, близкія
къ ужасу, какъ-то мракъ, уединеніе, тишина
мертвая способствуютъ къ возбужденію чув-
ства высокаго. Въ самомъ дѣлѣ разберитесь,
какія сцены природы болѣе возвышаютъ

духъ нашъ? — Ешто не зеленя луга, не долины, украшенныя цвѣтами, ни веселыя города; но горы, опягченныя снѣгомъ, среди копорыхъ уединенное болопо, или древній лѣсъ, или ручей, низвергающійся съ утѣса. Явленія ночи производящъ впечатлѣнїя возвышенныя. Голубой сводъ, усѣянной безчисленнымъ множествомъ звѣздъ, болѣе величественъ, нежели прекрасной день во всей своей лучезарности. Звукъ вечерняго колокола, бой часовъ въ безмолвіи ночи имѣетъ что-то важное. Мраками окружаетъ себя великій Спроеитель мїра; мраки возбуждающъ въ насъ идею величїя. — Непоспимость Существа безначальнаго, вѣчность Его бытїя, Его всемогущество, — наша слабость, кратковременность, бѣдствїя, мракъ неизвѣстности безпредѣльной, отдаляющій насъ отъ Него: вотъ источникъ высокаго.

Препящимъ окомъ Вседержитель
 Возрѣвъ на полкъ вечерній рекъ:
 О дерзкій мира нарушитель!
 Ты мечъ пропивъ меня извлекъ;
 Я правлю солнце, море, землю,
 Кто можешь стать со мною въ споръ?
 Моя десница мещетъ громъ,
 Я въ пропасть свергъ за грѣхъ Содомъ;
 Я мракомъ небо покрываю,
 Я самъ Россію защищаю.

Короче: что выше нашихъ силъ, нашего понятїя, въ разножанїи времени и

мѣста, все то кажется для насъ великимъ, возвышеннымъ.

Беспорядокъ, подобно мрачности, также производитъ идеи великiя. Правильное огромное зданiе — прекрасно; древнее готическое, или развалины заспаляютъ насъ чувствовать что-то пюмное, очень близкое къ высокому.

Перейдемъ въ мiръ нравственной, и тамъ увидимъ также, что мысли о величii, объ усиляхъ необыкновенныхъ, все то что въ слабости человеческой природы показываетъ намъ нѣкое могущество Бога, — все принадлежитъ къ великому; подвиги героизма, презрѣнiе смерти, великодушiе, возбуждаютъ въ насъ благоговѣнное удивленiе.

Горацій представляетъ цѣлую вселенную въ развалинахъ, упадающую на главу праведника. — Онъ оспашся спокойнымъ и непремѣннымъ въ своихъ правилахъ.

Регулъ, по общему своему, спокойно возвращается на ужаснѣйшiя мученiя въ Карфагенъ, и запрещаетъ о себѣ плакать; Катонъ хладнокровно умствуетъ при видѣ меча, которой окончилъ жизнь его; — Гермогенъ, въ изнуренii голодной смерти, не смотря на прещенiе изверговъ, дрожа-

щею рукою благословляешь защитников Отечества; Великий Пётръ при Прути посылаетъ письмо въ Сенатъ о выборѣ достойнѣйшаго, или во время страшнѣйшей бури утѣшаетъ Голландскаго Посланника: всѣ сіи предметы есть сокровище для художника, изображающаго высокое.

Петръ осужденъ къ позорной смерти; — жена его Арія, пронзивъ грудь свою кинжаломъ, подаетъ ему оной и говоритъ: ещо не больно, другъ мой!

Чего боишься, говоритъ Цезарь въ страшную бурю перевозчику, управляющему лодкою: чего боишься? — Ты перевозишь Цезаря.

Какъ послунишь съ побоею? вопрошаетъ Александръ плѣннаго *Пора*. — Какъ съ Царемъ, ошѣшествовалъ онъ. —

Часто довольно бываетъ для произведенія чувствъ высокихъ одного простаго слова, ясно и точно выражающаго мысль. — „Тогда (во время идолопоклонства) все было богамъ, кромѣ одного истиннаго Бога“ — говоритъ Боскюетъ. Часто высокое не имѣетъ нужды въ словахъ: самое безмолвіе выражаетъ его. У *Виргилія*, *Аяксъ* молчаніемъ ошѣшествоуетъ *Улиссу*, *Дидонъ* и *Енею*: ещо самая высокая степень негодованія и презрѣнія. —

Два солдата хопбли поспшишь гробъ своего полководца. Пришедши на мѣсто, гдѣ покоился прахъ его, въ безмолвіи почтенія и горести, извлекаютъ они свои сабли, касающася ими камню, покрывающему великаго челоуѣка, и не могли выговорить ни слова, уходящѣ. — Какимъ образомъ лучше можно выразить довѣренность ихъ къ нему и настоящее опчаяніе? —

И такъ: все что восхищаетъ наши мысли до самой высочайшей степени, и поражаетъ душу споль живо, что она приходитъ въ какое-то замѣшательство и недоумѣіе: все то производитъ чувство высокое.

Всѣ другія удовольствія вкуса и воображенія происходящѣ отъ вещей относящихся къ бренной природѣ нашей, къ стремленіямъ чувствственнымъ, къ выгодамъ или невыгодамъ житейскимъ, къ приходящимъ нашимъ: одно высокое чувство, кажущася, являетъ небесное наше происхожденіе. — Красота, новостъ, удовольствіе, совершенство искусства, все зависитъ отъ мнѣнія, и измѣняется съ обычаями, нравами, съ образованіемъ, съ возрастомъ народа. — Напротивъ того, необыкновенное могущество, чрезвычайная сила, неудобо-объемлемое пространство, великостъ духа, пожертвованія,

постоянство среди ужасовъ величайшихъ ; все это поражаетъ удивленіемъ человека равно во всѣхъ вѣкахъ, во всѣхъ народахъ, подъ каждымъ поясомъ неба. — Дикой Лапландецъ и образованный житель Москвы взираютъ съ равнымъ воспоргомъ на темно-голубой сводъ, усѣянный звѣздами безчисленными, распростертый въ видѣ шатра необъемлемого надъ нашею землею, и служащій для человека, для сего царя природы, какъ бы нѣкоторою великолѣпною сѣнью, въ которой онъ законодательствуетъ другимъ твореніямъ. Чувство высокаго вообще свойственно душѣ человеческой. Она, какъ бы усыпленная явленіями предметовъ обыкновенныхъ, сбѣгающая на границы ее спѣсняющія, на слабость, которая приковала ее къ землѣ, вдругъ пробуждается при возрѣнїи на что-либо великое, чудесное, необъяснимое, выходитъ изъ своего состоянїя, возносится, хочетъ сравниться съ предметомъ ее поражающимъ, чувствуетъ свое замѣшательство, свое удивленіе, свое возвышеніе, и, кажется, мыслитъ сама къ себѣ: вотъ собственная моя сфера! вотъ для чего рождена я! — Представьте узника, спаивающаго въ окопахъ, въ неисходномъ мракѣ, вдругъ увидѣвшаго свѣтъ и свободу: каково должно быть его наслажденіе! . . . Таково наслажденіе души, заключенной въ темницѣ тѣла, когда

она вдругъ почувствуетъ себя восхищенною выше міра, при созерцаніи предметовъ высшей небесной природы! — Кажется, въ ешу минуцу отвергается для нее небо, и она познаетъ свою родину! — Въ удовольствіе и сущность высокаго; — оно встрѣчается очень рѣдко, и бываетъ кратковременно, какъ мы увидимъ послѣ. — Узникъ очарованной, скоро, очень скоро чувствуетъ свои оковы, не можетъ долго себя обманывать, и опять погружается въ обыкновенное свое помяніе. Но мы перейдемъ теперь отъ высокаго въ природѣ къ высокому въ сочиненіяхъ.

Высокое должно раздѣлиться на высокое чувство и на высокіе предметы. — Первое следствие другаго. Пошомъ должно различать высокое и возвышенное. — Одно относится къ предмету и чувству; другое — къ слогу. Пожарскій, вступившій въ Кремль, освободившій Москву отъ неприятелей; когда снова возсіяло солнце ошественнаго счастья, и насталь день его; — когда снова возблишали сіи златыя главы храмовъ, покрытыя доселѣ мракомъ стыда, униженія, сираха; — когда опцы возвращенные дѣшамъ, дѣши опданныя машерамъ, вся спасенная, признашельная Россія, шакъ сказашь, стояла предъ героемъ великимъ, умоляя дабы онъ, какъ возвращишель короны украсился ею, и какъ

освободитель ошечества, былъ его спражемъ: Пожарскій хладнокровно, свободно, безъ малѣйшаго принужденія своему чешполюбію, въ глазахъ народа преклоняетъ колѣно предъ Юношею Царскаго племени. *Вопль предметъ высокой.* — Державинъ почувствовалъ все его величїе, и написалъ прекрасную Оду: его оживляло *высокое, живое чувство.* — Пожарской дѣйствовалъ спокойно, равнодушно. — Душа его была выше міра и его соблазновъ, шверда и неподвижна, какъ скала среди моря, рѣшишельна, какъ мудрость, обнимающая начало и конецъ, управляющая сама собою безъ усилія, легко и просто. Характеръ высокаго больше соспоишь въ покоѣ нежели въ движеніи: — такимъ его видимъ въ драмахъ, какъ въ карпинахъ природы. — Поена плѣняетъ сія рѣшимость, сія побѣда надъ собою; онъ въ восторгѣ; чувство его живо и пламенно: такимъ его видимъ въ одахъ. И такъ еще оплацишь должно живость чувствованія опъ высокости чувствованій. Говоряшь, что въ природѣ высокое чувство не бываетъ живымъ и быспрымъ, живое — высокимъ. Примѣры, представленные мною выше, сіе нѣкоторымъ образомъ доказываютъ. — Впрочемъ о *высокомъ* очень мною споровъ: ешо слово, подобно другимъ, принимается въ разныхъ смыслахъ нешпоаянно; его приписываютъ всѣмъ сочине-

нїямъ, производящимъ на насъ какое-нибудь впечатлѣнїе, почто также какъ названїе прекраснаго приписывается всему, что намъ любезно, или приятно. Извѣсны записки Юлія Цезаря о войнѣ съ Галлами. Ихъ представляющъ образцомъ высокаго, попому что онѣ отличаются простотою, разборчивостїю и чистымъ слогомъ. Лонгинъ говоритъ, что высокое зависитъ между прочимъ отъ фигуръ и шпоровъ, отъ расположенїя словъ, отъ выбора, отъ гармонїи. Сїи достоинства относятся болѣе къ слогу возвышенному нежели предметамъ высокимъ, какъ мы докажемъ послѣ. Разсужденїе Лонгина дошло до насъ неполное. Можеть быть, онъ въ той части, которая поперяна, и говорилъ уже о высокомъ въ надлежащемъ смыслѣ, дабы перейти къ благородному и возвышенному слогу; покрайней мѣрѣ думаютъ такъ всѣ умбющїе цѣниль нѣжной, образованной внусъ сего великаго критика.

Гдѣ болѣе встрѣчаете вы примѣры истинно высокаго? — Въ древнихъ писателяхъ. Всѣ согласны, что первые вѣки мїра, первые нравы, первая степень образованности весьма благоприятствовали возбужденїю сего чувства. — Вознесишесь мыслями до народовъ первобытныхъ, переселишесь въ ихъ лѣсныя сѣни, въ ихъ малыя семейства, отдѣленные другъ отъ друга;

погда человекъ былъ еще новъ въ епомѣ разнообразномъ, великолѣпномъ черпгѣ: — каждой предметъ возбуждалъ его удивленіе, каждой предметъ приводилъ въ дѣятельность душевныя силы его и страсти. Онъ видѣлъ однѣ явленія; но не могъ проникать до причины: все казалось ему живымъ существомъ ему подобнымъ. — Гласъ вѣтра, свистящаго сквозь густыя дубравы, подъ сѣнію кошорой привишалъ онъ, казался ему дуновеніемъ и гласомъ бога враждующаго, угрозами близкаго непріятели; — гулъ грома, разливающегося въ поднебесной, заставилъ его мыслишь о желѣзной и пламенной колесницѣ, на кошорой несется горній ужасной мспитель; — вода въ ближнемъ источникѣ течеть непрерывно, неумалаясь; ее изливаетъ нѣкій богъ изъ неиспощаемой своей урны. — Онъ не могъ понять, или лучше, онъ не подозрѣвалъ, что бы соки дерева въ успроенныхъ нарочно каналахъ, извлеченные корнемъ изъ земли, могли подниматься вверхъ, умножаться, проникать сквозь кору дерева и образовать цвѣшья, листья и плоды; — епо Дрїада, кошорая, при появленіи весны, для шорженнаго срътенія бога любви и радостей облекается въ злапозеленую свою ризу. — Онъ видѣлъ дѣйствіе огня: епо чудовище, епо Саламандра, живущая во пламени и пожирающая все, къ чему ни прикоснешся. —

Вступившій въ бой съ дикимъ звѣремъ, и повергнувшій его на землю, изобрѣшатель новаго способа защищать, пипать, увеселять жизнь человѣка, казался ему существомъ другой, особенной природы, низшедшимъ съ неба для его благоденствія. Куда бы онъ ни обратился, гдѣ бы ни ступила нога его, чему бы ни прикоснулась его рука; все было священо, таинственно, божественно: — благоговѣнїе и шрепешъ вѣяли вокругъ его невидимо. — Тогда по мїръ сей былъ храмомъ, или обителью существъ свержъ-естественныхъ, и человѣкъ повсюду окруженъ былъ богомъ.

Въ такомъ состоянїи долженъ онъ непременно выражать свои мысли и чувства смѣло и пламенно. — Волнуемая безпрерывно душа его, какъ море, изливалась въ порывахъ, въ огнѣ и громахъ: вотъ время благоприятное для высокаго; ибо все было выше силъ нашихъ, все непостижимо, все велико! — Черезъ нѣсколько вѣковъ школа опыта и наблюденїй познакомила человѣка короче съ предметами, его окружающими: онъ открылъ нѣкоторыя причины ихъ дѣйствїй, ихъ измѣненїя, онъ исполковалъ явленїя природы, и пересмалъ удивляшся; ибо таинственная кора съ нихъ спала, необыкновенное сдѣлалось обыкновеннымъ, неизвѣстное извѣстнымъ.

Прежній энтузіазмъ замѣнила холодность; воображеніе опдало скипсрѣ свой разуму, порядку, точности и ясности; — самая привычка опняла у предметовъ весьма много занимательнаго. — Что можетъ быть величественнѣе солнца, исходящаго изъ багрянаго моря упреннаго? — Мы не обращаемъ на него вниманія; мы ходимъ и дышемъ въ его свѣтѣ, не думая объ немъ, не вознося къ нему взоръ. — Такимъ образомъ во всѣхъ наукахъ и искусствахъ успѣхи образованности воспитываютъ геній для исправности и ясности, болѣе нежели для силы и высокаго.

Первая вдохновенная книга, или священное писаніе безъ сомнѣнія есть сокровищница истиннаго высокаго! Въ ней великими чертами изображено небо, Богъ и человекъ. — Такія картины непрекословно выше всего, что писано въ древнія времена и новѣйшія. —

Давидъ, вѣнчанный Пѣснопѣвецъ, бряцавшій на златоспрунной арфѣ своей, какъ говоритъ С. Августинъ — одинъ можетъ замѣнить для насъ Пиндара, Алцея и Флакка. Божественная Псалтирь его представляетъ образцы для всѣхъ родовъ лирическаго пѣснопѣнія: для высокаго или торжественнаго, для спокойнаго, или фило-

ефскаго, и для элегическаго или печальнаго, нѣжнаго. Жизнь его разнообразна: — величественная и скромная, побѣдоносная и несчастная обогатила его сокровищемъ мыслей и чувствованій различныхъ. Царь и пасхухъ, гонимый и порожествующій: вездѣ мудрецъ вдохновенный: учитель царей и народовъ; всегда человѣколюбивый и крошкѣй, всегда любимецъ Музы Сїонской; — всегда пророкъ своего народа, — онъ перестроивалъ арфу свою на всѣ тоны, и во всѣхъ превосходитъ! — Это плодъ сердца чувствительнаго, признательнаго къ благодѣющему, испытующему вѣрность человѣческую Богу, начальнику нашихъ благъ и золь, управляющему пушями нашими! —

Что можетъ быть выше каршины. въ копорой онъ изображаетъ явленіе Всемогущаго? —

„(*) И внигда скорбѣши ми, призвахъ Господа и къ Богу моему возвахъ; услыша отъ храма святаго своего гласъ мой, и вопль мой предъ нимъ видетъ во уши Его. — И подвижеса и препешна бысть земля и основанія горъ смятошася и подвигошася, яко прогнѣвася на ня Божь. Взыде дымъ гнѣвомъ Его, и огонь отъ лица Его воспламенишся и угліе возгорѣся отъ Не-

(*) Псаломъ XVII.

го. — И приклони небеса, и сниде, и мракъ подъ ногама Его. — И възде на Херувимы и лешѣ, — лешѣ на крилу вѣшреню. И положи шму за кровъ свой, окрестѣ Его селеніе Его, шемна вода во облацѣхъ воздушныхъ. Опѣ облисканія предѣ нимѣ облацы проидоша, градъ и угліе огненное. — И възгремѣ сѣ небесе Господь, и вышній даде гласѣ свой, низпосла шпрѣлы, и разгна я; и молніи умножи, и смяше я. И явишася исп очницы водніи, и опкрышася основанія вселенныя, опѣ запрещенія Твоего Господи, опѣ дохновенія духа гнѣва Твоего!“ —

Кто поспигалѣ выше и, шакѣ сѣзашѣ, ближѣ чувшвовалѣ всемогущесшво Предѣвчнаго, какѣ не шопѣ, которой воспѣвалѣ: *Небо престоль Его, и земля лодножіе ногу Его!* Какой Орфей взиралѣ шакѣ на мірѣ, на его великолѣпіе, на славу Господню, какѣ не шопѣ, которой воспѣвалѣ: „Благослови душе моя Господа; Господи Боже мой, возвеличился еси зѣло, во исповѣданіе и вѣ велѣшпошу облеклся еси: — одѣяйся свѣшпомѣ яко ризою, шпршираяй небо, яко кожу; шпркрываяй водами шпрвышпрення своя, полагай облаки на восхожденіе свое, ходяй на крилу вѣшреню; шпрворяй Ангели своя души, и слуги своя пламень огненный.“ Кто лучше изображалѣ высокое, облеченное во мракѣ и бури? —

Богъ, глаголетъ Псалмопѣвецъ, *оковалъ безмолвіемъ волненія моря, и рривъ вътровъ, и рололъ народовъ*: — соединеніе двухъ великихъ предметовъ, волненія моря и мяшежа народнаго, величественно!

Желаете ли видѣть образецъ высокаго въ простотѣ: — внимайте первому исторіку земли, внимайте Моисею, повѣспвующему о дѣлѣ, исключительно и единственнo высокомъ, — о созданіи мѣра. —

Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. Кто изъ смертныхъ могъ говорить съ такою непринужденною простотою о швореніяхъ столь великихъ, необъяснимыхъ? — Какая скромность! — Кажется, не человекъ, а Богъ повѣспвуетъ о дѣлахъ своихъ, которыхъ Онъ самъ несравненно превышаетъ, и которыхъ не удивляютъ Его нимало; вѣчная Премудрость, сколь легко и быстро сотворила мѣръ сей изъ ничего, столь же легко и быстро вѣщаетъ о своемъ швореніи.

„И сотвори Богъ два свѣшила великая: свѣшило великое въ началѣ дне, и свѣшило меньшее въ начала ноци и звѣзды. И положи я Богъ на шверди небеснѣй; яко свѣшити на землю, и владѣши днемъ и ноцію, и разлучаши между свѣшомъ и между шмою, — и бысть вечеръ и бысть утро.“ — Прочитавъ сіи слова, невольно предшавляемъ себѣ великолѣпіе солнца, —

крошкое сіяніе луны, небеса усѣянныя звѣздами, чудесное ихъ движеніе, порядокъ и стройность вселенныя, — и исчезаема въ слоемъ ничтожествѣ. — „Рече Богъ: да будетъ свѣтъ — и бысть.“ — Какая быстрота, высокость и вмѣстѣ спокойная, всегда себѣ вѣрная, непоспорижимая важность въ выраженіяхъ! —

Исаія, восточной Гомеръ, изобилуетъ также образцами высокаго. Онъ неиспозимъ въ изобрѣшеніи. Какое величіе и простота въ слѣдующемъ мѣстѣ! Глава 14. стихъ 5 — 28. (*)

Свершилось! — нѣтъ его! — сей градъ,
Гроза и прелепъ для вселенной,
Величья памятникъ надмѣнной,
Упалъ! . . . еще вдали горятъ
Остатки роскоши полмертвой! —
Тиранъ погибъ тиранства жертвой,
Замолкъ торжествъ и славы кличъ,
Яремъ позорной сокрушился,
Жалѣзной скипидръ переломился,
И изнемогъ народовъ бичъ!

*

Таковъ Егова, Царь побѣдъ! —
Таковъ предвѣчный правды мститель!
Скончался въ мукахъ нашъ мучитель,
Изсякло море нашихъ бѣдъ! —
Воскресла радость, миръ блаженный;
Подвинулся Ливанъ священный,
Главу подвемлетъ къ небесамъ;
Въ восторгъ кедры вострепсали:

(*) На разрушеніе Вавилона,

Ты умеръ наконецъ, вѣщали,
Теперь чего спрашиваешься намъ? . . .

Трясется адъ сомнѣнья полнъ,
Тебя срѣтая въ мрачны сѣни;
Бѣгутъ испуганныя тѣни,
Какъ въ бурю сонмы бѣлыхъ волнъ!
Цари, герои Царствъ опщившихъ
Встаютъ съ престоловъ пошемявшихъ,
Чудовище земли узрѣшь;
Какъ! — ты равнявшійся съ богами,
И ты теперь сравнился съ нами,
Не думавъ вѣчно умереть! —

Почто теперь тебѣ во слѣдъ
Величье, пышность не дерзаетъ! —
Почто теперь не услаждаетъ
Твою надмѣнность звукъ побѣдъ!
Ты не взялъ ничего съ собою;
Какъ тѣнь, исчезло предъ тобою
Волшебство льстивыхъ свѣтлыхъ дней. —
Ты въ жизнь копилъ себѣ мученье.
Твой домъ есть ночь, твой одръ гниенье,
Покровъ, кипящій рой червей! —

Высоко на горахъ небесъ
Свѣтило гордое сіяло;
Вчера всѣхъ взоры ослѣпляло;
Сего дня смотряшъ — блескъ исчезъ. —
Вчера смирялъ -- народы въ страхъ;
Смирень сего дня, плѣешь въ прахъ!
Вчера мечталъ съ собою ты:
„Взнесусь, пойду надъ облаками;
„Поставлю пронъ между звѣздами,
„Попру Сіона высоты.

„Простру повсюду гнѣвъ и страхъ,
 „Устрою небеса черпогомъ,
 „И буду въ немъ всеильнымъ Богомъ! . . .“
 Изрекъ, и превратился въ прахъ!
 Идешъ сего дня пунникъ бѣдной,
 И зришь въ пустынь трупъ твой блѣдной,
 На пищу брошенной звѣрямъ!
 Стоишь, не вѣришь въ изумленья;
 Потомъ въ сердечномъ сокрушеньи
 Возводишь взоръ свой къ небесамъ:

✽

Не се ли ужасъ нашихъ дней! —
 Не сей ли варварской десницей
 Содѣлалъ цѣлой мѣръ темницей,
 Жилищемъ глада, бѣды, скорбей? . . .
 Никто предъ смертію не спанешъ! —
 Но память добрыхъ не увянешъ!
 Ихъ прахъ святится ошъ сыновъ. —
 Благою вѣрой огражденный,
 Слезами бѣдныхъ оживленный,
 Онъ спитъ въ обители ошцовъ! —

✽

Единъ твой трупъ въ позоръ и срамъ,
 Лежишь на грозномъ полѣ брани!
 Земля послѣдней бѣдной дани
 Не хочешь дать своимъ косямъ;
 Своей земли опустошитель,
 Народа своего гонитель,
 Лежишь межъ трупами враговъ,
 Лишенный чести погребенья;
 А шамъ, — свисшишь духъ бурной мщенья
 Противъ сыновъ, своихъ сыновъ!

✽

Рази, губи, карай, злой рокъ
 Прокляты вѣшви корня злова;
 Въ нихъ скрыта язва, гибель нова!
 Въ нихъ новый плѣвъ для насъ растешъ! —

Всесильный рекъ: — Я самъ возстану,
 Приду, одѣнусь въ бури, гряну,
 И испреблю все племя злыхъ;
 Въ градахъ ихъ звѣри поселятся,
 Ихъ земли моремъ поглощаются,
 Погибнешь съ шумомъ память ихъ!

✱

Изрекъ! — и святъ Его обѣтъ,
 И вѣчно нерушимо слово! —
 Изрекъ! — событіе готово! —
 Израиль! лести въ Богъ нѣтъ! . . .
 Егоза сломитъ рогъ тиранства,
 И узы пятгостныя рабства
 Онемъ и кровію сожжетъ;
 Иодниметъ руку надъ вселенной, —
 И кто удержитъ громъ разженной, —
 Кто съ Богомъ брани въ брань пойдешь? —

Гомеръ признанъ также во всѣ време-
 на опъ всѣхъ криптиковъ поешомъ высо-
 кимъ; — и что же всегда было одеждою сего
 высокаго, что характеромъ величествен-
 ныхъ его описаній? — Простота выраже-
 нія. Описаніе битвъ, быспроша, съ копо-
 рою пламенной рѣзецъ его начерпывалъ сб-
 чи, гредспавляющъ чипашелю образцы ис-
 пинно высокаго. Боги, участвующіе въ
 дѣйствіяхъ ратныхъ, еще болѣе возвыша-
 ютъ величіе картинъ его! Юпитеръ по-
 двигнулъ своею главою, и попрысбъ все-
 ленную. Аяксъ, заспигнушый ноцію среди
 сраженія, поднимаетъ взоръ на небо и во-
 пѣетъ къ Юпитеру: *возврати намъ день,
 и самъ сражайся съ нами.*

Примѣры избранныя мною удовлетворительно показываютъ, что *точность* и *простота* выраженія совмѣстны съ высокимъ. Простота избѣгаетъ многихъ украшеній; точность отдѣляетъ все лишнее, все ненужное; безъ сохраненія простоты и точности обезображивается высокое и великое. Украшенія бывають въ семъ случаѣ тяжестію, бременемъ одеждъ, искажающихъ его, или закрывающихъ отъ взорозъ нашихъ! — Разсмотримъ дѣйствіе души въ сію минузу: движеніе, произведенное великимъ предметомъ, возноситъ ее выше обыкновеннаго состоянія; восторгъ, возбужденный симъ чувствованіемъ, сладостенъ до слѣзъ поръ пока продолжается; но духъ, окованный земными узами всегда спремится низойти въ то состояніе, изъ котораго вышелъ. Теперь, если писатель, которой возвысилъ насъ, или которой спарался возвысить, умножилъ безъ нужды слова; если между многими украшеніями, которыми онъ обременяетъ высокое, помѣстилъ другія гораздо слабѣйшія, нежели главной образъ: топчасъ воображеніе проспыло, картина обезображена, высокое исчезло, и все перемѣнилось. — Я буду имѣть честь показать это примѣромъ: — когда Цезарь сказалъ перевозчику, медлящему спустить лодку въ море во время бури: Чего боишься? — перевозишь Цезаря. Мы весьма сидѣ-

но поражены смѣлостію великаго человека, и его надеждою на свое дѣло и на свою форшуну. — Сіи немногія слова говорящѣ все, и производящѣ глубокое впечатлѣніе. Луканъ хотѣлъ распространить и украсить сію мысль; вы замѣтите изволише, какъ онъ ослабилъ ее наборомъ словъ; удаляясь отъ высokaго, онъ ничего не произвелъ наконецъ, кромѣ напѣвки и надутости. —

„Презирай угрозы Бореевъ! гласишь Цезарь: смѣло предавай неопытности моря и бури плавающую ладію свою; — если испишельное небо не дозволяетъ тебѣ стремиться въ Италію: я повелѣваю; вся причина спраха швоего одна ша, что ты не знаешь, кого перевозишь. Ты видишь предъ собою побѣдителя, — шого, котораго боги никогда неоспаляли, для котораго форшуна уже мало служишь, когда не предупреждаетъ его обшовъ. — Спрямись въ ужасы самой бури; будь безопасенъ; ты подъ моимъ покровительствомъ. — Что нужды небесамъ и бурямъ до швоей ладіи? — Гнепомую Цезаремъ, ее защищаетъ отъ сокрушенія самое бремя, ее берегутъ самыя волны. — Вѣдаешь ли, что знаменуетъ сіе преволненіе? — Море и небо возмутились для шого, чтобы испы-

шашь, сколько Цезарь превыше фортуны!“
и проч.

Вотъ блистательное суесловіе, ко-
рымъ Луканъ спарался замѣнить проспыя,
рѣзкія слова: *чего боишься? ты везешь
Цезаря!*

Кромѣ. проспошы и почности къ про-
изведенію *высокаго*, способствуемъ много
сила описанія. — Она зависитъ частію
отъ почности, частію отъ *выбора подроб-
ностей и обстоятельствъ*, копорыя со-
составляютъ картину. — Предметъ долженъ
быть представленъ съ самой выгодной
точки зрѣнія, дабы онъ произвелъ глубо-
кое впечатлѣніе. — Прекрасная спашуя
поперяетъ, если не будетъ поставлена на
приличномъ, на соразмѣрномъ величинѣ сво-
ей пьедесталъ; если не будетъ отдѣлена
отъ другихъ предметовъ, или не окружиш-
ся такими, копорыя способны придашь ей
болѣе блеска и занимательности. Ешо
также составляетъ главное искусство писа-
теля, и великую трудность описаній вы-
сокихъ. Если описаніе будетъ простое, обык-
новенное, обнаженное отъ всѣхъ обстоя-
тельствъ: то предметъ опличится слабо,
и не произведетъ должнаго впечатлѣнія;
если писатель размножитъ его ничтожны-
ми подробностями: онъ совершенно поше-
ряетъ свою цѣну.

Описаніе свирѣпой бури натурально предметѣ высокой; но для сего описанія не довольно испощить всѣ наряды, въ которые обыкновенно стихотворцы облакаютъ свои бури: деревья вырванныя съ корнемъ, дома опроверженные, и проч. Тутъ должно помѣстить обстоятельство, способныя поразить удивленіемъ и ужасомъ. — *Виргилій воспѣваетъ: (Georg. Lib. I, vers. 328).*

*Ipse Pater, media nimborum in nocte, corusca
Fulgmina molitur dextra; quo maxima motu
Terra tremit; fugere ferae, et mortalia corda
Per gentes humilis stravit pavor; ille flagranti
Aut Atho, aut Rhodopen, aut alta Ceravnia telo
Dejicit: ingeminant austri et densisfinus imber.*

Всевышній среди мрачной ночи вознесъ свою руку и попрыскалъ багряновидныя свои молніи; вострепешала земля въ глубочайшихъ своихъ основахъ, — утешаясь звѣри, ошчаянный страхъ поразилъ сердца смертныхъ. — Между шѣмъ пламенныя стрѣлы его низпровергаютъ или Аеонъ, или Родопу, или кремнистыя хребты Цераунскіе. *Возсленали вѣтры и проливной дождь улялъ на землю.*

Всѣ подробности высоки въ семъ описаніи; но кажешся, что *проливной дождь*

несоошвѣпшпвуешѣ уже величїю главнаго предмета. — Чшо значашѣ при оной *пламенной руиѣ*, разрушающей высочайшїя горы, и ливень и вѣспры? —

Нашѣ безсмерпной Державинѣ также позволилѣ себѣ нѣкопорыя неровности вѣ слѣдующемѣ высокомѣ описанїи:

Представѣ: по свѣтлости лазуря,
По наклоненїю небесѣ
Взошла черно-багрова буря,
И грозно возлегла на лѣсѣ.
Какѣ страшна ночь, *надулася чресомѣ,*
Дохнула съ свѣстомѣ, воемѣ, ревомѣ,
Помчала воздухѣ, прахѣ и листѣ.
Подѣ тяжкими ея крылами
Упали кедры вверхѣ корнями
И запрещалѣ Ливанѣ кремнищѣ.

Ломоносовѣ шакѣ же:

Но если хочешѣ видѣтѣ ясно,
Коль Росско воинство ужасно,

*

Взойди на брегѣ крушой высоко,
Гдѣ кончится землею понтѣ:
Простри свое чрезѣ воды око,
Сколь много обнялѣ горизонтѣ,
Внимай, какѣ югѣ пучину давитѣ,
Сѣ пескомѣ мушинѣ, зыбѣ на зыбѣ ставитѣ;
Касается морскому дну,
На сушу гонитѣ глубину,
И съ моремѣ дождѣ и градѣ жѣшасетѣ;
Такѣ Россѣ прошивныхѣ низлагаетѣ.

Державинъ, описывая мужеспвенныхъ Россевъ, идущихъ на сраженіе и предводи-мыхъ вдохновеннымъ паспыремъ, несущимъ въ рукъ своей крестъ, и благословляющимъ пролиль кровь, говоритъ :

За нимъ вождей рядъ предъ полками,
Какъ бурныхъ дней предъ облаками
Идетъ огнистая заря.

Прекрасно! Но что же пошчасъ слѣдуетъ? —

Идутъ . . . искусство зрѣтъ заслугу.
*И сколь ихъ духъ былъ тутъ великъ ,
Възвѣтъ слухъ земножѣ кругу ; —
Но мнѣ ихъ раздастся крикъ . . .*

Ешотъ примѣръ показываетъ , сколь шрудно для самыхъ великихъ Геніевъ низойти съ высоты съ приапноспію , и не показатъ виду паденія. —

Надѣюсь, что сіи замѣчанія приняты будутъ во благо; я разсмашриваю нашихъ Поетовъ на ряду съ Виргиліемъ! У кого же намъ учиться, какъ не у нихъ? . . .

Правило, мною шеперь предлагаемое, вразсужденіи выбора подробностей въ опи-саніяхъ высокихъ , основано на самой при-родѣ, и малѣйшее опспупленіе отъ него влечетъ за собою дурныя слѣдствія. — Если пишашель хочешъ представитъ шоль-

ко прекрасное: онъ можетъ достигнуть своей цѣли, даже при нѣкоторыхъ недоспапкахъ и маловажныхъ погрѣшностяхъ. Блескъ другихъ, лучше выбранныхъ обстоятельство, сливаясь въ глазахъ нашихъ, отражается на самыя несовершенство и закрываетъ ихъ; — милые глаза, черные волосы красавицы часто замѣняютъ всѣ другіе недоспапки въ глазахъ обвороженнаго любовника, и для него все становится совершеннымъ, прекраснымъ; не шаково представленіе высокаго. — Въ мужахъ великихъ, знаменитыхъ, или имѣющихъ предъ нами преимущество *всѣ пороки видѣнѣ*, говоритъ Княжнинъ. — Довольно одного опшѣнка малозначащаго, одной идеи неблагородной: исчезнетъ все обвороженіе, все благоговѣніе; и какъ же иначе? Должно, чтобы высокое поражало насъ быспро съ нѣкоторымъ насиліемъ; въ пропивномъ случаѣ, является слабымъ и низкимъ. Мы спремимся возвысить себя за писателемъ; воображеніе наше воспаляется, принимаетъ выпрениій полетъ, копорой должно поддерживать. Писатель кидаетъ чипашеля среди воспорга, опшолкнувъ его опъ себя слабымъ словомъ или недоспапочною черпюю . . . и бѣдненькой съ мученіемъ и шягоспю возвращается на землю, въ холодное ирежнее свое сосщояніе.

Гдѣ испочинки испинно високаго? спросише вы. — Вездѣ. Надобно имѣшь нѣжное, образованное, благородное сердце, способное къ высокимъ чувствованїямъ, и вездѣ можно найти его. — Чшо такое природа? Храмъ, или садъ великолѣпной, въ которомъ всякой предметъ носитъ на себѣ высокое знаменїе вездѣ присущивующей мудрости, безконечной благости, любви и всемогущества; — всякой предметъ есть вашъ учитель, Екклесїасъ, проповѣдникъ о Богѣ васѣ сотворшемъ, васѣ сохраняющемъ, о должностяхъ вашихъ, о средствахъ къ истинному вашему благополучїю. — Богъ, одѣйся природою, являю ризою великолѣпною, бесѣдуетъ съ вами вездѣ, во всемъ и всегда. — Слѣдовательно, надобно имѣшь слухъ сердечной, чшобы внимать сему гласу, и умныя очи, чшобъ всегда созерцать Невидимаго. Тогда невольно обьметъ васъ шрепетъ благоговѣнной; узы суешности и прихотей спадушъ, кора равнодушїя соплѣетъ отъ внутренняго священнаго огня, васѣ исполняющаго; сердце ваше воспламенится новыми чувствами, умъ озарится новымъ свѣтомъ; вы будете иначе видѣшь, слышать и чувствовать, и все для васѣ будетъ или высокимъ, или прекраснымъ, все будетъ для васѣ священо, любезно, великолѣпно, отъ былинки до высокихъ кедровъ, отъ червяч-

ка до огромныхъ словъ, опъ праха нами
нопираемаго до горъ возвыщенныхъ, опъ
земли до солнца! — Тогда, подобно Невшо-
ну, не произнесете вы имени Бога съ по-
крышою головою; тогда, подобно Руссо, бу-
дете благоговѣшь предъ каждымъ цвѣткомъ,
предъ каждою пылинкою, предъ угасающимъ
на западъ солнцемъ! все будетъ для васъ
оживлено! все ново! все высоко! — Ахъ!
какія наслажденія ожидающъ сердце благо-
воспишанное, нѣжное! . . . Въ самомъ дѣ-
лѣ, что такое называете вы опличнымъ
шаланшомъ, геніемъ въ поезіи, живописи,
музыкѣ? — Что такое мудрецъ, достой-
ный совершенно сего названія? — Никто
другой, какъ человекъ, умѣющій воспламе-
няться предметами, его окружающими, чело-
вѣкъ поставившій себя выше обыкновен-
ныхъ прихопей, взирающій на вещи дру-
гими глазами, копорый видитъ въ чув-
ствемныхъ предметахъ истины правдивен-
ныя! — Сіе-шо чувство, о копоромъ я го-
ворю теперь, составляющъ существо и осно-
ву всѣхъ изящныхъ шаланшомъ. Въ немъ
заключены и вкусъ и геній. Сіе-шо чувство
прѣбуещя и опъ шѣхъ, которые хощащъ
наслаждащъ изящными произведеніями.
И что такое безсмертныя красоты въ
сочиненіяхъ, копорымъ вы удивляешесь? —
Вами самими свидѣтельствуюсь, что онѣ
состоящъ всѣ почти въ одномъ: въ при-

способленіи физическаго міра къ нравствен-
ному и нравственнаго къ физическому! —
Закрывшій глаза и уши для прелестей при-
роды — не живешь! — Все, что ни изо-
брѣлъ свѣтъ съ своимъ золотомъ, съ своими
почесаньями, никогда неможешь замѣнить
для человека удовольствій, доставляемыхъ
природою: ничто не разсѣветъ его скуки,
ничто не утѣшитъ его, ничто не зай-
метъ его! — Персей человекъ былъ поэтъ:
первые народы, какъ я замѣнилъ прежде,
были способны къ чувствованіямъ высшимъ.
Отъ чего? Опытъ того что они живо чувство-
вали природу, и въ природѣ живущаго Бога. —
Опсупая отъ нее, опсупаемъ мы отъ
пуши добродѣтели и отъ счастья. — Из-
учайше природу, умѣйше горячо любить
ее: — тогда не будете имѣть нужды при-
бѣгать къ пышности и блеску словъ, къ
пропамъ и фигурамъ, которые однѣ не-
производятъ высокаго! — Его сотворишь
не можно; должно чтобы оно само намъ пред-
ѣшавилось, чтобы оно было плодомъ силь-
наго чувства и пламеннаго воображенія! —

*Богъ, Богъ обитаетъ въ насъ! Его
дѣйствіемъ воспламеняется! —*

Великій предметъ, чувство глубокое,
воспорженное, и выраженіе простое, сильное,
разительное, точное: вещь испочкини вы-
сокаго. —

Драгоценная удача гения, мгновение божественное, в котором забываем мы все нас окружающее и несемся горь. . . . Ах! такое чувство весьма редко и не продолжительно! — Бренной человек не может долго пребывать в состоянии возвышенности, как несвойственному ему; все таланты человеческие не в состоянии, без больших или меньших прерывов, в последовательном порядке представить мысли высоких: эти порывы духа суть молнии, которые внезапно блеснут, ослепят и исчезают в ту же минуту. Но в одних стихотворцах встречаются они чаще нежели в других. Гомер, Милтон, Шекспир, изобилуют ими, а особливо двое первые. — В поемах Хераскова встречаются места высокие. — Ломоносов и в Одах и в Похвальных речах своих исполнен истинно высоких мыслей и описаний. Кто из Русских не чувствует в каком-либо благоговейного поспешения в своем сердце, когда читает следующие строки, относящиеся к великому Преобразителю России? — „Я в полѣ межъ огнемъ; я в судныхъ засѣданіяхъ межъ шрудными разсужденіями; я в разныхъ художествахъ между многоразличными машинами; я при строеніи городовъ, при спаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ спенаніемъ валовъ Благо, Черна-

го, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь; вездѣ Петра Великаго вижу въ пошѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени, и не могу самъ себя увѣришь, что не одинъ вездѣ Петрѣ, но многіе; и не крашкая жизнь, но лѣтъ тысяча.“ — И потомъ сдѣлавъ сравненіе Петра Великаго съ величайшими мужами древности, говоритъ: — „Кому жъ я Героя нашего уподоблю? Часно размышлялъ я: какой Тотѣ, Которой всецѣльнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море; дхнеть духъ Его и пошекуетъ воды; прикоснешся горамъ и воздымаются. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнушь не можешь! Обыкновенно представляють Его въ человѣческомъ видѣ. И такъ, ежели человекъ Богу подобнаго, по нашему понятію, найнн надобно, премъ Петра Великаго не обрѣнаю.“

Орапоръ въ мысляхъ и чувствахъ своихъ богошворишь уже Петра. Но если бы онъ выразилъ свое чувство прямо, онкрышо: Петрѣ подобенъ Богу; ешо бы показалось слишкомъ разительнымъ и внезапнымъ; — и такъ онъ оспановился на своей идеѣ, и показываешь ея великоснь и свое дерзновеніе. Часно размышлялъ я: *какой злотъ . . . и воздымался*. Онъ сомнѣвается самъ въ себѣ, не далеко ли просперѣ

свой восторгъ; и кажешся самъ себя упренаешъ въ излишесствѣ Прекрасное, высокое семинѣе, привлекающее большую нашу довѣренность! Въ очарованномъ, въ пригоспвленномъ прежде восбраженіи слуша-теля Петрѣ уже на небѣ между Серафимами, въ приближеніи къ Богу; ибо онъ выше всѣхъ людей; онъ уже для насъ высшее существо. — Въ то время Орапоръ самъ удерживаетъ нашъ восторгъ; но не охлаждаетъ его; онъ говоритъ: „Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ: Божества постигнуть и пр.“ чрезъ сію искусную остановку мы не падаемъ, но только оборачиваемся на самихъ себя, и чувствуемъ все свое возвышеніе: мы судимъ — о чемъ? о послѣднемъ предѣлѣ, опредѣляющемъ человека отъ Божества. — И наконецъ спокойно и ушвердительно говоримъ съ Орапоромъ. „И такъ если человека Богу подобнаго сыскать надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.“ — Епо мѣсно, съ перваго разу поражаетъ своею высокостію; но еще болѣе восхищаетъ, когда будешь разбирать и чувствованія писателя, и чувствованія нами ощущаемыя при чтеніи. — И чѣмъ болѣе разбираемъ, тѣмъ болѣе возносимся, такъ сказать, до возможной степени высокаго, — при томъ какъ? — не въ порывахъ испуленныхъ, но поспе-

ленно, выше и выше. Другіе наши стихотворцы часто на счетъ небснаго Бога ублажаютъ до излишества земныхъ своихъ божковъ: здѣсь сохранено величіе предмета во всей его непостижимости и силѣ. — Благоговѣйный Орапоръ показалъ, какъ онъ мыслилъ о Пепрѣ, какъ онъ мыслилъ о величествѣ Божіемъ . . . и не далѣе! — дозволено что единый только Пепръ могъ возбудить въ немъ столь дерзновенныя мысли! — единый только Пепръ могъ подать идею о сравненіи Бога съ человекомъ! . . . И когда облагодѣтельствованные Пепромъ слушатели сей рѣчи, произнесенной въ Академіи наукъ, всѣ съ Орапоромъ равно возвышались сердцемъ и духомъ (что достовѣрно); по скажите, каковъ имъ казался Пепръ? . . .

Державинъ часто является въ подобныхъ сему, паръ сказанъ, Серафимскихъ упоеніяхъ, представляя божественную свою Фелицу. Какъ величественъ онъ при всей простотѣ своего слога, когда видитъ Царевну, облокотившуюся на испукаиъ Зороаспрровъ, или на памятникъ Петра Великаго, и возносящую мольбы свои къ Богу! — Одна мысль, представивъ Екашерину облокотившуюся на памятникъ Пептра, есть уже величественна.

Дерзни мнѣ кистию волшебной
Святилище изобразишь,
Гдѣ взоровъ смертныхъ удавленной
Благоволишь Фелица бытъ ;
Гдѣ шайна перстомъ помагаешь,
И на уста кладешь печать,
Гдѣ благочестье предсѣдаетъ,
И долгъ велишь спрасиямъ молчашь.

Представь ее облокоченну
На Зорраспровѣ ишуканѣ,
Смотрящу шамъ на всю вселенну,
На огнезвѣздный океанъ,
Вѣщающу : — „О Ты ! Превѣчный,
„Который волею своей
„Колеса движешь быспропечны
„Врапящейся природы всей !

„Когда Ты есть душа едина
„Движенью сихъ огромныхъ шѣлъ :
„То Тыжъ конечно и причина
„И нравственныхъ народныхъ дѣлъ ;
„Тобю Царствы возрастають,
„Твое орудіе Цари ;
„Тобой они и померцають,
„Какъ блескъ вечерня зари.

„Наславъ меня, міровъ Содѣтель !
„Да волѣ слѣдуя Твоей,
„Тебя люблю и добродѣтель
„И зижду счастье людей ;
„Да вѣкъ мой на дѣла полезны
„И славу ихъ я посвящу,
„Самодержавства скиптръ желѣзный
„Моей щедрошой позлащу.

„Да удостоенна любви
„Надъ зрѣнія твоихъ очесъ,
„Чтобъ я за каждую каплю крови,
„За всякую бы каплю слезъ,
„Народа моего пролитыхъ,
„Тебѣ отвѣщивовашь могла,
„И чувствъ души моей сокрытыхъ
„Тебя свидѣлемъ звала.“

Вотъ молишва царственнаго Ангела,
предстоящаго престоу Божию! Онъ даетъ
ощещъ въ благодѣянїяхъ, которыя изли-
ваетъ на насъ. — Но вы хошите видѣть
его нисшествїе съ небесъ: —

Представъ мнѣ въ мысли восхищенной
Сходила бы съ небесъ она,
Какъ солнце грудь въ шкани эзерной,
Рукой мешала сѣмена,
Какъ искры огненны дождились
Злапьябъ зерна въ снѣдъ пшеницамъ ;
Орлы младые разбудились
И воскрилялись бы къ лучамъ.

Вотъ картина просвѣщенїицы Оше-
чества. — Вы хошите послѣ видѣть земный
храмъ и престолъ ея — онъ передъ вами:

Престолъ ея на Скандинавскихъ,
Камчатскихъ и златыхъ горахъ
Онъ странъ Таймурскихъ до Кубанскихъ
Поставъ на сорокъ двухъ столбахъ,
Какъ восемь бы зеркалъ стояли
Ея великія моря,
Съ полнеба звѣзды освѣщали,
Вокругъ багряная заря.

Средь дивнаго сего чертога
И велеблной высоты
Въ величествѣ, въ сіяньи Бога
Ее изобрази мнѣ ты ;
Чтобъ сшедъ съ престола , подавала
Скрижаль заповѣдей святыхъ ,
Чтобы вселенна принимала
Гласъ Божій , гласъ природы въ нихъ.

Отсюда рекла она: — и взоръ сей озарился

Величествомъ ея души ,
Хаосъ на сферы раздѣлился

.

И солъцы въ путь свой покатились
И тысячи вокругъ ихъ планетъ ,
Изъ праха грады возносились ,
Возстали царства — и бысть свѣтъ.

Цари, удивленные славою ея приходящѣ въ
Русское Царство, яко въ новому Соломону.

Народъ счастливой и блаженный
Ее великою нарекъ ; —
Поднесъ ей пищлы онъ священны.

Что она рекла въ отвѣтъ ?

Я человекъ !

Смѣю увѣришь почтеннѣйшихъ монахъ
слушательницъ и слушателей , что Рос-
сійская поэзія по сію пору имѣетъ уже въ
себѣ столько безцѣнныхъ сокровищъ , что за-
служиваетъ все ихъ вниманіе. — Не знаю,
что представитъ Французская словесность
въ сравненіи съ сими просными и высокими
картинами ; конечно она образованнѣе , бо-

лѣе украшена, правильнѣе. — Но мы уже доказали; что высокое не зависящѣ отъ украшеній; конечно нѣтъ ни у Руссо, ни у Вольтера, ни у Корнеля полной высовости, изображенной въ простотѣ, свойственной древнимъ. А мы такъ мало занимаемся своею Поезїею, и даже почитаемъ недоспойною, чтобы обратить на нее свои взоры! . . .

Заклячая мое чтенїе о высокомъ, почитаю долгомъ замѣнить еще, что такъ называемый слогъ возвышенной вообще бываетъ исполненъ погрѣшностей. Д'Аламбертъ говоритъ, что слога возвышеннаго нѣтъ безъ высокаго предмета; ибо одежда ничего значащѣ безъ вещи. Ученикъ неопытный мечтаетъ, что пышныя выраженїя, обилїе громкихъ прилагательныхъ, ослабляющїй блескъ фигуръ и троповъ, способныють къ высокому. — Бѣдная ошибка! — Къ несчастїю она забрела и въ театръ нашъ. — Наши *Лизы*, наши *Ольги* являющся на жодуляхъ. — Мы показали уже, что высокое не въ епемъ состоитъ: — *Богъ истрекъ — да будетъ свѣтъ и бысть свѣтъ.* Нѣтъ ничего величественнѣе сей мысли. Но выразите епо слогомъ, такъ называемымъ возвышеннымъ; вы скажите на пр. *нелостижимымъ могуществомъ единого слова, великій На-*

чальникъ Природы произвелъ свѣтъ: что выйдетъ? — ничего другаго, по словамъ Боало, кромѣ того что мысль сколько же потеряетъ, сколько слогъ выигралъ. — Не въ словахъ, а въ мысляхъ высокое; оно вонечно чуждо словъ низкихъ, но также — врагъ всякой напыщенности и натяжки: все таинство состоящихъ въ умѣнны объясняшь словами простѣйшими предметы великіе, выражать немногимъ многое.

Пороки проотивные высокому: *холодность и натяжка.* Одна описываетъ высокой предметъ или высокое чувство слабо или смѣшнымъ образомъ; другая, обыкновенной предметъ хочетъ сдѣлать великимъ, и возносятся выше предѣловъ здраваго разума и смысла. — Первая погрѣшность свойственна людямъ безъ дарованій; другой подвержены бывають самые великіе писатели. Ломоносовъ иногда не избѣгалъ ее. —

Почитаю долгомъ сдѣлать еще одно замѣчаніе, которое важно — собственно для меня; оно касается до погрѣшностей или нѣкоторыхъ слабостей, которыя осмѣливаюсь я иногда замѣчать въ твореніяхъ писателей, приобретающихъ великую славу. — Я позволилъ себѣ это, и впредь буду позволять себѣ; а пошому одинъ разъ навсегда обв-

ясняюсь, что я никакъ ненамбрень и не въ силахъ помрачить ихъ славы, или ослаблять должное къ нимъ уваженіе. Почтеннѣйшіе мои слушатели сами свидѣтели, что я при всякомъ случаѣ отдаю прямую справедливость красотахъ ихъ, и всегда представляю ихъ съ особеннымъ удовольствіемъ. — Въ мірѣ нѣтъ ничего совершеннаго; — слѣдовательно можно, безъ оскорбленія, замѣтить въ знаменитомъ писателѣ нѣкоторыя несовершенства. — Если бы я хотѣлъ искасть однѣхъ погрѣшностей; то конечно сыскалъ бы ихъ много въ посредственныхъ писателяхъ! Но онѣ бы не были столько полезны, будучи извлечены изъ книгъ, копорыхъ нечитаютъ. — Мнѣ кажется, что я вспоминая превосходнѣйшихъ нашихъ творцовъ, приношу чрезъ то имъ жертву должнаго своего уваженія: я представляю ихъ, какъ образцы достойныя подражанія. По крайней мѣрѣ паковы чувства, копорыя управляли и управляють мною во всемъ, что касается до пользы и до чести словесности Россійской. —

Мерзлякъ.

О средствахъ сохраненія и распро- страненія сочиненій древнихъ писателей.

Средства сохраненія и распростра-
ненія древнихъ сочиненій состоятъ часпю
въ искусствѣ писанія, а часпю въ искус-
ствѣ книгопечатанія, гораздо позже того
изобрѣщенномъ. Сей двоякій способъ слу-
житъ поводомъ, расположитъ наше рассу-
женіе на два Отдѣленія.

Объ искусствѣ писанія.

§ 1. Изъ всѣхъ изобрѣженій человѣче-
скаго ума нѣтъ ни одного полезнѣе искус-
ства писанія. Чтобы живо представились
себѣ выгоду сего искусства, надобно поль-
но обратишься къ тѣмъ несчастнымъ на-
родамъ древности, кои неимѣли сего неоцѣ-
неннаго сокровища. Не входя въ дальнѣйшее
изслѣдованіе, удовольствуемся похвалою,
какую воздаетъ письменамъ *Діодоръ Си-
цилійскій* (1). Онъ говоритъ: „Кто можетъ
„приписатьъ доспойную похвалу искусству
„писанія? При помѣщи однихъ письменъ
„умершіе находятъ въ памяти живыхъ;
„живущіе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ
„посредствомъ оныхъ бесѣдуютъ съ отдален-
ными“

(1) Bibliotheca Hist. lib. 12. pag. 296.

„леннѣйшими лицами, какъ бы они близко
 „между собою находились. Письменное удо-
 „сповѣреніе между народами и царями
 „утверждаетъ самымъ крѣпчайшимъ обра-
 „зомъ продолженіе сдѣланныхъ постановле-
 „ній. Оно единое сохраняетъ прекрасныя
 „рѣчи разумныхъ мужей, вѣщанія боговъ,
 „премудрость и всякое вѣдѣніе, и предпо-
 „сылаетъ ихъ на всегдашнія времена въ
 „потомство. Посему хотя надлежитъ по-
 „читать науку за основаніе жизни; но
 „хорошее житіе состоитъ въ познаніи
 „письменъ.“ Таковыми-то похвалами искус-
 ство писанія было издревле превозносимо.
 Между ильмъ начало и происхожденіе онаго
 сокрыто въ непроицаемой неизвѣстности,
 подобно источнику Нила. Почти всѣ до-
 гадки сомнительны, какія имѣютъ уче-
 ные мужи объ изобрѣшателѣ искусства
 писанія.

§ 2. Мы намѣрены предложить на-
 шимъ читателямъ различныя мнѣнія о про-
 исхожденіи письменъ, и привести осно-
 ванія, на коихъ оныя утверждаются, или
 коими оспариваются. Нѣкоторые ученые
 мужи изобрѣшеніе письма находятъ столь
 важнымъ, что они думаютъ, яко бы живно,
 кромѣ Бога, не могъ быть первымъ изобрѣ-
 вникомъ въ семъ искусствѣ. Сюда принад-
 лежатъ, кромѣ Раввиновъ: *Мерикъ Казив-*

бонъ (2), Шоттъ (3), Васмутъ (4), Гуаселій (5), Овенъ (6), и Жакелотъ (7). Однако и сїи оныя несогласны между собою. Одна сторона утверждаетъ, что искусство писанія первоначально открыто отъ Бога Адаму; напрошивъ того другая доказываетъ, что сїя честь сперва предоспавлена была Моисею. Миніе, что самаго Бога надлежитъ почитать изобрѣшателя письменъ, Докторъ Гейманъ (8), довольно оказавшій заслугъ по ученой исторіи, опровергъ частію молчаніемъ Моисея, частію же несовершенствомъ Еврейскаго алфавита.

Другіе искусство писанія относятъ къ человѣческому разуму. Извѣстно, что Адамъ отъ многихъ ученыхъ во всѣ времена былъ почитаемъ не только опцемъ человеческого рода, но и опцемъ всѣхъ искусствъ и познаній. Мы упомянемъ здѣсь только трехъ изъ новѣйшихъ послѣдовате-

(2) De entusiasmo, Cap. 2. pag. 26.

(3) De Mirabilibus graphicis, въ его Technica curiosa, pag. 547, и слѣд.

(4) Vind. Hebr. Script. pag. 85, и слѣд.

(5) Comment. Linguae Hebr. pag. 788.

(6) In Theologumenis, pag. 281, и слѣд.

(7) Dissert. sur l'existence de Dieu, Dissert. 1.
Cap. 23.

(8) Act. Philos. vol. I. pag. 866.

лей сего мнѣнїя, наковы сущь: *Мадеръ* (9), *Ламбекъ* (10) и *Рейманнъ* (11), даже предспавили свѣспу липеры Адамовы на каменныхъ дскахъ, и обнародавали въ печати его книги (12). Иные сѣ изобрѣшенїе присвояющъ не самому Адаму, но его сыну *Сноу*; еще другїе приписывающъ оное *Еноху*.

Не будемъ распрспраняпсья повѣспво-ванїями ихъ, неболѣ какъ полько върояш-ныхъ основанїй, и приведемъ два изъ ихъ главныхъ доказательствъ. Они говорящъ, что не можно понящъ, какимъ образомъ истинное ученїе могло быщъ сохранено безъ письменнаго разумноженїя. Но они, кажеш-ся, при семъ случаѣ не помышляли ни о шогдашнихъ божешвенныхъ явленїяхъ, ни о глубокой староспи первыхъ обипашелей свѣсна. Чистое ученїе чрезъ божешкїя явле-нїя часто могло быщъ и было повшоряе-мо: сего обстояпельства довольно къ со-храненїю истиннаго ученїя. Родословная, какую предспавляетъ Моисей (Быш. гл. 5.), показуешъ намъ, что ученїе могло быщъ

(9) De Biblioth. Antedil. pag. 2. edit. Schmid.

(10) Prædrom. Hist. lit. pag. 5.

(11) Einleitung (Вступленїе или Введенїе) in Hist. lit. Antediluv; pag. 35. 36.

(12) См. Io. Alb. Fabricii Codex pseudepigr. V. T. pag. 1.

распространено чрезъ *нѣсколькихъ чело-
вѣкъ* въ опѣ Адама даже до Ноя. *Гаредъ*,
бывшій въ пятомъ колѣнѣ опѣ Адама,
могъ чрезъ многіе годы бесѣдовать съ симъ
первымъ своимъ родоначальникомъ. Онъ
такъ же видѣлъ и *Ноя*, своего попомка.

Снѣв, сынъ Адамовъ, жилъ до временъ
Еноха, а сынъ сего, *Маусаль*, нѣсколь-
ко вѣсѣвъ вмѣстѣ съ Ноемъ и его сыновья-
ми. И такъ правдоподобно ли, будто бы
исстинное ученіе могло прекратиться?

Далѣе, они говорятъ, что человѣче-
скій родъ не могъ обойтись безъ писанія.
Однако, если они не хотѣли опровергнуть
всю исторію, то должны познать слабость
своего доказательства. Исторія научаетъ
насъ, что какъ въ древнія времена были,
такъ и въ настоящія существуютъ цѣлыя
народы, у коихъ искусство писанія было не-
извѣстно. *Платонъ* (13) о самыхъ древ-
нѣйшихъ вѣкахъ замѣчаетъ, что тогда
народы жили безъ письменъ, или безъ за-
коновъ изображенныхъ письменами, и что
они поставляли за правила своей жизни
нравы и обыкновенія предковъ. Объ Индіа-
нахъ повѣствуетъ *Славонъ* (14), что

(13) De Leg. III. pag. 680. Edit. Servan.

(14) Geograph. lib. 16. p. 709.

они чрезъ долгое время не знали искусства писанія. О Эракїанахъ упоминаешъ *Еліанъ* (15), что они не только не умѣли писать, но даже презирали шѣхъ, кои занимались письменами. Въ Германіи до временъ Карла Великаго мало, или совсѣмъ ничего не вѣдали объ искусствѣ писанія. Даже новѣйшія времена являющъ намъ въ Америкѣ народы многочисленные, кои пишутъ неумѣющъ. Самое невѣжество столь многихъ народовъ, которые всѣ происходятъ отъ одного родоначальника Ноя, подаешъ намъ доказательство, что писаніе во времена сего Падріарха не могло бытъ извѣстно. Если же Ной и его сыновья знали искусство писанія, и если всѣ племена земнаго шара происходятъ отъ поколѣнія прехъ сыновей Ноевыхъ; то какимъ образомъ могло спастись, что у столь многихъ народовъ одного происхожденія чрезъ долгое время не нашлось ни слѣда искусства писанія? И такъ искусству писанія не можно было существовать во время Ноя, а слѣдовательно и прежде Ноя.

Другіе ученые относятъ начало письменъ ко временамъ позднѣйшимъ, и утверждаютъ, что онѣ явились при *Моисей*;

(15) Variar. Hist. lib. 8. c. 6.

но еще нѣкопорые полагають избрѣшеніе ихъ за нѣсколько времени до сего Святаго мужа. Ихъ доказательсва состоятъ особливо въ слѣдующемъ. Они говорятъ, что если бы искусство писанія было извѣстно; то Богъ употребилъ бы оное и для распространенія своего слова: поелику такимъ образомъ всего удобнѣе могло бы предупреждено бытъ идолопоклонство. Вопреки опытствуемъ, что когда чистое ученіе могло сохранено бытъ и другимъ образомъ; когда дошли на сей конецъ личныя Божескія явленія и долготѣпная жизнь людей: то, дабы приведенному основанію дать мѣсто, надлежитъ доказать, почему распространіе божественнаго ученія должно было произойти посредствомъ письменъ, и почему не могло оно содѣлаться другимъ образомъ.

Далѣе, защитники сего мнѣнія приводятъ въ доказательство, что чрезъ все время до *Моисея* не обрѣтено примѣра, чтобы употребляли письмо, даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ бы сіе весьма было естественно. Они заключаютъ, что при всякихъ договорахъ, при торговлѣ и шому подобномъ, искусство писанія могло бытъ съ пользою употребляемо; но поелику онаго не было въ употребленіи, то надобно, чтобы тогда искусство писанія еще не бы-

до изобрѣшено. Но изъ того можно заклю-
чать не болѣе какъ что искусство писанія
не въ такомъ всеобщемъ было употребле-
нїи, какъ послѣ. Никто не будетъ
противорѣчить, что письмена были извѣ-
стны во время Ромула въ Италиі; и од-
нако такимъ образомъ можно бы доказать
изъ *Ливія*, что онѣ въ то время не были
извѣстны: ибо не видно никакихъ оныхъ
слѣдовъ при различныхъ случаяхъ; при
договорахъ; посольствахъ; и проч.

Утверждающїе далѣе на томъ, что у
Моисея не упоминается ни объ одной кни-
гѣ, до него бывшей. Сему доказательству
противоположили мѣсто изъ 4й книги
Моисея, гл. 21. ст. 14, гдѣ Боговидѣцъ
явственно упоминаетъ о книгѣ: „*сего ра-
ди глаголется въ книзѣ: брань Госло-
дня.*“ Не входимъ въ изслѣдованіе *Жакел-
лова* извѣщенїя (16) касательно выра-
женїя *о брани Господней*; только ска-
жемъ, что онъ подъ книгою хочетъ разу-
мѣть *пѣснь*, и чрезъ то думаетъ изба-
виться отъ своихъ соперниковъ. Вообще
прибѣгаютъ къ пѣснямъ, когда хотятъ
извѣстить, какимъ образомъ могла сохра-
нена быть древняя исторія безъ искусства

(16) *Difs. sur l'exist. de Dieu, differt. 1. cap. 23.*

писанія. Между шѣмъ кажешся, шѣ же пѣсни доказывающъ намъ, что искусство писанія долженствовало бытъ извѣстно. Положимъ, что таковая пѣснь состояла не болѣе какъ изъ спа спроекъ, что конечно составляешъ число весьма небольшое. Въ сихъ стихахъ надлежало бытъ чему - нибудь прекрасному, весьма приятному для многихъ. Стихошворецъ долженъ былъ сохранить ихъ въ памяти отъ слова до слова, долженъ былъ повторять ихъ часто, и даже сообщать другимъ любителямъ свои пѣсни. Первое было бы очень трудно, а послѣднее и съсѣмъ невозможно; ссылаемся на всѣхъ стихошворцевъ, хотя бы они самую счастливую имѣли память. Правда, извѣстно о *Генрихѣ Слэфланѣ* что онъ сѣдя на конѣ, сочинялъ стихи; но и онъ могъ сохранить въ памяти своей не болѣе двадцати стиховъ, и принужденъ былъ записывать ихъ, чтобы не расперяться (17).

Однакожъ и сіе мнѣнїе можно еще оспаривать другими мѣстами изъ книгъ Моисеевыхъ. Когда Моисей принялъ скрижали закона отъ Бога, тогда искусство писанія долженствовало бытъ уже не новымъ. Восхошвъ примирить пакъ съ Бо-

(17) *Maittaire in vita Stephanor. pag. 383.*

гомъ Израильскій народъ, по случаю учиненнаго предъ злымъ пельцомъ идолопоклонства, онъ упребилъ слѣдующія слова (18): *и нынѣ, аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави: аще же ни, изгладя мене изъ книги твоея, въ нюже влисалъ еси.* Слѣдственно еще въ то время было между Израильскимъ народомъ преданіе о книгѣ *живота*. Но могли бы ли имѣть какое понятіе о семъ выраженіи, еслибъ тогда не находились книги? а книги уже предполагаютъ искусство писанія. И самъ Моисей писалъ прежде, нежели принявъ отъ Бога скрѣжали заповѣдей; чѣмъ Жакелопово мнѣніе, яко бы Моисей по симъ скрѣжаламъ научилъ писанію, совершенно опровергается. *Исход. гл. 17, ст. 14, и гл. 24, ст. 4.*

§ 3. Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что искусство писать изобрѣшено было въ печеніи времени между Ноя и Моисея. Моисейскія книги не показываютъ намъ о изобрѣшеніи онаго; и поелику сей бышописатель упоминаетъ о нѣкоторыхъ изобрѣшеніяхъ, несравненно меньшей важности (19): то правдоподобно, что изобрѣпатель пись-

(18) *Исход. гл. 32. ст. 32.*

(19) *Быш. гл. 4. ст. 20 и 21.*

менѣ ему былъ неизвѣстенъ, или лучше сказать, что изобрѣшатель не находится между попомками Сима, коими исторія Моисеева преимущественно занимается. Поищемъ далѣе сего изобрѣшателя.

Древнее и почти всеобщее преданіе есть, что Финикіане были изобрѣшатели письменъ:

Phaenices primi, famaе si creditur, ausi
Mensuram rudibus vocem signare figuris;

пишетъ Луканъ (20), съ коимъ соглашающіеся Плиній (21), Тацитъ (22), Критіасъ у Аэчinea (23), Тимонъ у Секста Емпирика (24), Теофиль Антіохійскій (25), Клемиль Александрійскій (26). По крайней мѣрѣ Греки всегда признавались, что они буквы свои получили отъ Финикіанъ,

(20) Pharf. III. 220, 221.

(21) Hist. Nat. 5. 12.

(22) Annal. lib. XI. cap. 14.

(23) Deipnosoph. lib. I. p. 14. lin. 35. edit. Basil. 1535, fol.

(24) Mathemat. I. cap. 2. sect. 53, 54. pag. 227. edit. Fabric.

(25) Stromat. lib. I. pag. 307.

(26) Ad Autolyc. lib. 3. fin. pag. 400; edit. Justin. Hag. Com. 1742. fol.

чего ради оныя и называются у нихъ *Феникійя* (27). Самое древнее о семъ свидѣтельство есть Финикійскаго исторіографа *Санхоніатона*, которой показываетъ намъ даже имя истиннаго изобрѣшателя. У *Евсевія* сказано (28) : „отъ *Мисора* происходитъ *Таотъ*, который изобрѣлъ писаніе посредствомъ первыхъ буквъ.“ И Филонъ упоминаетъ о тщательности Санхоніатона, какую онъ употребилъ касательно исторіи Таота : „онъ изслѣдывалъ съ великимъ раченіемъ исторію *Таота*, поелику вѣдалъ, что первенство между родившимися подъ солнцемъ принадлежитъ тому, кто вымыслилъ *изобрѣшеніе буквъ*, и началъ *замѣчать* достопамятнѣйшія вещи (29).“ Сей *Таотъ*, или *Тотъ* есть первый Гермесъ Египетскій, равно какъ и Финикійскій. Онъ отъ Плушарха (30) почитается за Египетскаго бога, и ему такъ же приписывается первое письменъ изобрѣшеніе. Онъ произшелъ отъ рода *Хамова* около 150 года по пошолъ, и спусця нѣсколько лѣтъ по *Ка-*

(27) *Diodor Sicul. Bibl. Hist. pag. 140; тамъ же. Wesselingius.*

(28) *De Praepar. Evang. lib. I. p. 56.*

(29) Тамъ же p. 31.

(30) *Symposiac. lib. IX. Probl. III. p. 738. D.*

инанъ, сынъ Арфаксадовъ, съ коимъ онъ состоишь въ одной степени поколѣнїя, и бывши одинакаго возраста съ Каианомъ, по есть 460 ти лѣтъ, жилъ за 610 лѣтъ по попоу и за 79 лѣтъ по разсѣянїи. Изобрѣшенїе свое открылъ онъ въ Финикїи при царствованїи Урана, или Крона, около 550 года по попоу, или 20 го по разсѣянїи, и за 6 или за 10 лѣтъ до пришествїя своего въ Египетъ, гдѣ онъ и его попомки въ 15 ти поколѣнїяхъ царствовали почти 400 лѣтъ въ верхнемъ Египтѣ въ *Тивахъ*, кои были построены отъ Мизрипанъ.

Сего *Таота*, или *Тота* надлежитъ различать отъ младшаго, которой жилъ послѣ него снудя около 400 лѣтъ; но какъ въ Египтѣ и въ Греціи былъ онъ извѣстнѣе перваго, то ему и приписано изобрѣшенїе, которое онъ привелъ только въ большее совершенство (31). Нѣкоторые думали въ *Таотѣ* найши *Иосифа* (32). Но ихъ мнѣ-

(31) См. *Jacksons Chronol. Ant. vol. III. pag. 91 — 95.* Ему мы послѣдовали въ лѣтосчисленїи о *Таотѣ*, и его все сочиненїе о происхожденїи письменъ есть одно изъ важнѣйшихъ о сей матерїи. *Авт.*

(32) *Jo. Henr. Stufs Comment. de natalitiis artium, pag. 18, sqq. Carpovius de lingua eiusque perfectione, pag. 46, sq.*

нїе, болѣе замысловатое нежели основательное, не ушверждается на историческихъ свидѣтельстввахъ, и оспаривается лѣпоисчисленїемъ.

§ 4. Польза искусства писанїя не дозволяетъ намъ сомнѣваться, что оно въ скоромъ времени распространилось. Въ Финикїи сперва появились буквы, а въ Египтѣ принесъ ихъ изобрѣтатель оныхъ *Таотъ*. Оттуда распространились онѣ въ *Сирию, Аравїю, Халдею* и въ *Евїолїю*. *Пелазги* перенесли ихъ изъ Азїи на острова Егейскаго моря, въ *Аттику* и въ прочїя мѣста *Греціи*, такъ же въ *Пелопоннесъ*. Они же перенесли ихъ и въ *Епрурїю*, а *Епруски* сообщили ихъ древнимъ *Латинамъ* и *Римлянамъ*. Въ *Галлію* перешли буквы, можетъ статься, чрезъ *Фокїйцовъ*, а изъ *Галліи* и *Италїи* получили ихъ *Нѣмцы*. Сїе распространенїе показываетъ, что всѣ упомянутые народы первоначально имѣли одинакія буквы (33), хотя въ послѣдствїи они сдѣлали нѣчто-

(33) Для удостовѣренїя въ семъ можно видѣть различныя древнїе алфавиты, представленныя на рисункахъ въ книгѣ: *Nouveau Traité de Diplomatie*, Par. 1750. Том. 1.

рыя перемѣны, и привели оныя въ большее совершенство.

§ 5. Кромѣ сего способа писать буквами намъ предлежитъ еще кратко упомянуть о другомъ родѣ, которой обыкновенно называютъ *изображеніемъ мыслей*, или самыхъ *вещей*. Оной состоитъ или въ начертаніяхъ, представляющихъ самыя вещи, или же въ произвольныхъ знакахъ. Сей образъ писанія могъ существовать въ самыя древнія времена, когда составляемы были разныя изображенія и знаки ради припамятованія вещей; и сіе предположеніе тѣмъ болѣе справедливо, что не много еще находилось вещей, кои употреблялись надлежало въ общежитіи. Еще и нынѣ есть народы, у коихъ сей образъ писанія извѣстенъ. Первый способъ употребляли Египтяне; ихъ гѣроглифическія фигуры не что иное суть, какъ изображенія, коими они выражали свои мысли. Даже въ Мексикѣ найденъ Испанцами сей способъ писанія, которой болѣе можетъ назваться *живописью*. Еще есть и теперь нѣкоторыя шаковыя книги (34); Англи-

(34) См. Доспомянутости Дрезденской Библиотеки на Нѣмецк. Том. I. стр. 1. и проч.

цанинъ *Пурхасъ* напечаталъ одну въ собраніи своихъ путешествій (35). О жителяхъ Канады удословляющъ, что такое живописное искусство письма находилось у нихъ въ употребленіи (36). Къ другому способу писать произвольными знаками принадлежишь писаніе Кишайцовъ.

§ 6. Различные роды буквъ были различнымъ писаны образомъ. Ихъ удобно можно раздѣлить на три класса: 1) на кругообразныя, 2) на перпендикулярныя и 3) на горизонтальныя. Мы не намѣрены изслѣдывать, копорой изъ сихъ трехъ родовъ самый древнѣйшій. Первой употребляли древніе сѣверные народы (37); второй наиболѣе въ употребленіи у народовъ Индійскихъ, однако съ такимъ различіемъ, что нѣкоторые пишутъ съ низу вверхъ, какъ-то обитатели Филиппинскихъ острововъ (38), или съ верху внизъ, какъ-то

(35) Tom. III. pag. 1066, lqu. Съ онаго *Мельхиседекъ Тевенотъ* перевелъ на Французскій языкъ, и издалъ въ печать въ своихъ *Relations de divers voyages*. Paris 1696. Tom. II.

(36) Memoir. de l'Acad. des Inscr. Tom. 6. pag. 609. edit. Paris.

(37) См. *Ge Hickesii Thesaur. LL. Septentrional.* part. 3. p. 3.

(38) *Gemelli Giro del mondo*, Tom. 4. pag. 127.

опѣ правой руки Кипайцы (39), Японцы, и Ташары (40), а опѣ лѣвой руки Ингурійцы (41). Сей же родѣ употребляли и древніе Греки, копорой они различными называющѣ именами (42).

Третій родѣ имѣющѣ также свои разноспи. Финикіане и Египціане писали, по свидѣтельствѣ *Иродота* (43), опѣ правой руки кѣ лѣвой; и это есть самое древнее употребленіе письма алфавитнаго. Такимѣ же образомѣ писали Евреи и другіе восточные народы Азіи; такѣ же точно писали Греки и Епруски. Находящѣ нѣкопорыя Греческія монеты съ надписями, подоб-

(39) *Du Halde Hist. de la Chine, Tom. 2. pag. 249.*

(40) *Nieuhof Gefandfch. nach. China, Th. 2. k. 16.*

(41) *Mem. de Trevoux, an. 1748. pag. 642.*

(42) *Taepocon appellarunt Graeci genus scribendi d'orsum versus. Pompejus Festus.* Сіе наименованіе причинило затрудненіе критикамѣ. *Ios. Croius въ Вхуері Museo Sinico, vol. 1. pag. 89.* полагающѣ, что должно читатѣ τὰ ἐκ ὀρθῶν или τὰ ἐκ ὀρθῶν. *Θεοδοσίη*, толковашель *Діонисія* Фракіянина, называетѣ сей родѣ κριυδὸν и *Евстафій* ad *Ном. О. v. 358.* κριυδὸν. См. еще *J. A. Fabricii B. G. vol. 1. pag. 160, и слѣд.*

(43) *lib. 2. Cap. 36.*

нымъ образомъ начертанными (44). Когда начали писать отъ лѣвой руки, шрудно опредѣлишь; однако полагаешь надобно, что сему по крайней мѣрѣ надлежало случиться прежде 560 ши лѣтъ до Рожд. Хрїстова, ибо съ лѣвой руки начинается славная Сигейская надпись (*Inscriptio Sigaea*). *Жаксонъ* (45) почитаетъ правдоподобнымъ, что подали къ тому случай стихи. Тотъ и другой родъ въ послѣдствїи были соединены: начинали писать отъ одной руки, и по окончанїи спрочки продолжали писать въ прошивную сторону; произшедшїи изъ того новый родъ именуютъ Греки *Ἐξῆσο-Φιδος*. Сей способъ писанїя по видимому далъ случай *Паламиду* и *Симониду* къ изображенїю буквъ, ими вновь изобрѣшенных: Z, Θ, Φ, Χ, и Η, Ω, Ξ, Ψ, дабы въ письмѣ на обѣ стороны оныя всегда имѣли видъ одинаковой. Во время употребленїя сего рода начинали писать по отъ лѣвой, по отъ правой руки; и обонхъ родовъ находяшся древнїя надписи. Такимъ образомъ отъ лѣвой руки начинается славная *Сигейская надпись*, которую Англичанинъ *Едмундъ Хизгуаль* представилъ

(44) *Havercamp. Sylloge Scriptorum de Gr. L. pronunciat. p. 210.*

(45) На вышепривед. мѣстѣ, подъ числ. 3ъ

въ своемъ сочиненіи (46). Аббатъ Фурмонль, посланный ошъ Французскаго Короля на воспокъ, по возвращеніи принесъ при другія весьма древнія надписи; писанныя ошъ правой руки: Оныя такъ же предшавлены свѣспу (47); и имъ приписывается еше опдаленнѣйшая древность; нежели Сигейской. Запрудненія, соединенныя съ симъ способомъ писанья по ошъ правой руки, по ошъ лѣвой; вѣрояшно были причиною, что онъ преданъ забвенію:

§ 7. Вещества, на которыхъ писали; были весьма различны, и не извѣстно, какое именно сперва употребляли древніе: Надлежитъ имѣть въ виду различіе между общеспвеннымъ употребленіемъ писанія и употребленіемъ частнымъ. Для перваго брали камни, металлы; дерево; для послѣдняго листьа и древесную кору (болонь):

(46) London, 1725; fol. Она находится такъ же въ его Antiquitatibus Asiaticis Christianam aeram antecedentibus: Lond. 1728, fol. *Мураторій* сію надпись включилъ въ свое Novum thesaur. Inscriptionum; Tom. IV; pag. 2103; гдѣ еше другую того же рода описываетъ: M. de la Bastie, Tom. 1. pag. 55.

(47) Въ Mem. de l'Acad: des Inscrip. Tom. XV; pag. 400, и въ Nouv. Traite de Diplomatique; Tom. I. pag 616 и 626:

Послѣ того принялись за кожи и внутренности звѣрей, за холстъ, деревянные дщицы, копорыя были частію просыя, частію наощенныя воскомъ, такъ же за дощечки слоновыя. Изобрѣли *Египетскую* (Александрійскую) *бумагу*; попомъ *пергаментъ*; и поелику первую трудно было доставать, а послѣдній былъ чрезвычайно дорогъ, то взяли за *хлопчатую бумагу* и *древесную кору*. На послѣдокъ хлопчатая, по видимому, была поводомъ къ изобрѣшенію нашей бумаги шряпичной.

О писаніи на *камень* и *металлъ* не находящъ древнѣйшаго повѣствованія, кромѣ книги *Иова*, глав. 19, ст. 24, гдѣ сей праведникъ желаетъ, чшобы его словеса написаны были на *дщицѣ желѣзѣ* и *оловъ*, и на *каменяхъ* изваялись. Послѣдняго рода были и скрыжали завѣща, кои впрочемъ нѣкошорыми полагаются изъ сапфира; равно какъ имена двѣнадцати колѣнъ на ефудѣ первосвященническомъ вырѣзаны были на драгоценныхъ камняхъ (48). Сей способъ рѣзать на камняхъ слова былъ вообще въ древности упошибишенъ, дабы чрезъ то увѣковѣчить общесивенныя

(48) *Eriphan. de 12 gemmis*; Том. II, р. 227 и 333, ed. Petav.

приспешствія, законы и постановленія; на что имѣемъ не мало свидѣтельствъ и примѣровъ. Кромѣ натуральнаго камня употребляемы были также черепицы, какъ увѣряетъ въ томъ *Плиній* (49); повѣствуя о Вавилонянахъ.

Изъ металловъ *свинецъ* есть самый древнѣйшій, о коемъ упоминаютъ. Кромѣ приведеннаго изъ Iowa мѣста свидѣтельствуетъ объ употребленіи свинца *Плиній* (50); и *Павзаній* (51) повѣствуетъ, что онъ видѣлъ Гезіодовы книги, *Opera et dies*, написанныя на свинцѣ, и что еще находились паковыя свинцовыя книги (52). После того вошла въ большее употребленіе *мѣдь*; чему множеству свидѣтельствъ можно найти въ испоріи Маккавеевъ, у Діонисія Галикарнасскаго, у Цицерона, Ливія, Плинія, Светонія, Юлія Обсеквенса. Изъ оспашковъ еще существующихъ достопа-

(49) Hist. Nat. Lib. 7. Cap. 56. См. также Mem. de l'Acad. des Inscrip. Tom. XV, pag. 432 и слѣд.

(50) Lib. 13. Cap. 11.

(51) Vocot. pag. 306.

(52) Kircheri Musaeum, Tab. X. Montfaucon, Palaeogr. Gr. pag. 16. Antiquités expliquées, Tom. 2. pag. 2. liv. 3. ch. 8. n. 4.

мяпнвйшіе: славное *Scriptum de Bacchanalibus*, находящееся въ Имперапорской библіотекѣ (53), и *Tabula alimentaria* Имперапора Траяна (54). На мѣди были вырѣзываемы, кромѣ извѣстныхъ узаконеній на XII таблицахъ, всѣ прочіе законы, мирные договоры и другіе общенародныя акты въ Римской республикѣ, попомъ въ Имперіи, въ городахъ провинціальныхъ, въ цехахъ; даже частныя люди не рѣдко для безопасности своихъ земель писали сдѣлки на мѣдныхъ доскахъ (55). Находятся даже солдатскіе оппуски на мѣди вырѣзанные, кои и теперь хранятся въ разныхъ кабинетахъ.

- (53) Прекрасное изображеніе *Матвея Египетскаго* находится въ седьмомъ Томѣ *Ливія*, Дравенбургскаго изданія.
- (54) Оная въ первой разѣ издана въ свѣтѣ *cura et recensione Ant. Franc. Gorii*, Florent. 1449, fol. Находится также въ *Scip. Maffei Musaeo Veronensi*, pag. 381. и въ *Ant. Terafson Histoire de la Jurisprudence Romaine*. Paris. 1750.
- (55) *Siculus Flaccus de condit. agror.* edit. Turneb. pag. 20, 26 и pag. 132 — 134.

Славный Аббатъ *Кабентъ* (56) утверждаетъ, что самый древнѣйшій обычай былъ писать на деревянныхъ таблицахъ. На такихъ таблицахъ начертаны были законы Солоновы (57). Даже при Императорахъ въ четвертомъ вѣкѣ были всенародно объявляемы законы на деревянныхъ таблицахъ, наведенныхъ бѣлами (58). И кому не извѣстны навосченныя таблицы, коихъ употребленіе, кромѣ извѣстныхъ свидѣтельствъ древнихъ писателей, несомнѣнно показываютъ еще существующія мѣлочи (59)? У богатыхъ мѣсто сихъ навосченыхъ таблицъ заснупили другія изъ слоновой кости, о какихъ можно справиться у *Марціала* (60), и его переводчика *Радера*. Сверхъ того служили въ писанію дерева не только своими пнями, но и листьями. О пальмовыхъ листьяхъ свидѣтельствуетъ *Плиній* (61), и сіе ве-

(56) *Difs. sur la forme des livres. pag. 24.* Съ нимъ согласуется Бенедиктинецъ *Леги-портъ*, *Difs. 2. de Mf. §. 3. in Dissertationibus Philologico-Bibliograph. pag. 92.*

(57) *A. Gellius, Noct. Att. Lib. 2. cap. 12. — Plut. in Solon. p. 92. A.*

(58) *Cod. Theodof. lib. 11. tit. 27.*

(59) *Nouv. Tr. de Diplomatique, T. I. pag. 457 и слѣд.*

(60) *Lib. 14. ep. 7.*

(61) *H. N. 13. 11.*

щество почитаетъ онъ за древнѣйшее прочихъ. Листья оливковыхъ деревъ употребляли Сиракузяне, вмѣсто коихъ у Аѳинянъ, при осужденіи въ ссылку гражданъ, были въ употребленіи черепки (62). О пополовыхъ деревьяхъ даетъ намъ свѣдѣніе Емблема *Гелвія Цинны* (63). Сивилла у *Виргилія* (64) пишетъ на листьяхъ же, что дѣлается и нынѣ въ Восточной Индіи (65).

По свидѣтельству *Симмаха* (66) пророчества Сивиллъ написаны были на холстѣ. *Плиній* (67) употребленію холста даетъ мѣсто только въ приважныхъ случаяхъ; а по сказанію *Ливія* и лѣтописи Римскія писаны были на холстинѣ (68).

(62) *Diod. Sic. Bibl. lib. 2. pag. 256*, при концѣ.

(63) *In Catalect. vet. Poet. pag. 213.*

(64) *Aen. lib. 3. vers. 444.* См. также *Guiland. init. papyr. pag. 49.* И тамъ же *Servius.*

(65) *Nouv. Traite de Diplom. Tom. I, pag. 455.* *Berichte der Danischen Mission. Tom. I. pag. 126* и слѣд.

(66) *Lib. 4. ep. 34.*

(67) *Lib. 13. cap. 11.*

(68) *Lib. 4. Cap. 7.* при концѣ, и въ срединѣ Главы 20 ѣ.

Живошныя пакже служили маперією въ разнообразному писанію. *Исидоръ* (69) повѣспвуетъ, что писали на черевахъ-слоновыхъ. Во время Конспаншинопольскаго пожара при Императорѣ *Василискѣ* сожжены кишки дракона, длиною во 120 фушовъ, на коихъ золопыми буквами написаны были *Иліада* и *Одиссея* Гомеровы (70). *Пурицелли* (71) увѣряетъ о дипломѣ, кошорой написанъ былъ на рыбьей кожѣ; однако ему въ семъ прошиворѣчатъ. Сіи писанія дѣлались только на диво. До изобрѣшенія пергаменста упошребляли просшую кожу безъ шерсти. О семъ свидѣшельствуютъ *Геродотъ* (72), говоря объ Іонянахъ, и *Діодоръ Сицилійскій* (73) о древнихъ Персахъ. Таковыя книги находятся въ различныхъ библіотекахъ, какъ то въ Вашиканской, Французской (прежней) Королевской, и въ другихъ. Въ Болонскомъ монаспырѣ Доминиканскаго ордена ешь

(69) Lib. 6. Cap. 11.

(70) *Georgius Cedrenus* in hist. compend. Tom. I, pag. 351. Edit. Paris. Zonaras, Ann. 14. 2. p. 52. edit. Paris.

(71) In Monumentis Ambrosianae Mediolani Basilicae, pag. 282 и слѣд.

(72) *Therpsichore*, lib. 5. cap. 58.

(73) *Bibl. hist.* lib. 2. pag. 84.

двѣ книги Ездры, написанныя на такой кожѣ; *Авг. Рокха* (74) несправедливо почитаетъ ихъ за подлинную рукопись Ездры.

Раченіе о библіотекахъ Египетскаго царя *Птоломея* и *Евменеса* царя Пергамскаго побудило перваго запрешить вывозъ Александрійской бумаги: опѣ чего въ Пергамѣ прибѣгли къ изобрѣшенію пергамента (75). Первые мастера умѣли давать ему только желшой цвѣтъ (76); но въ Римѣ научились дѣлать бѣлую бумагу, которая однакожъ имѣла тѣ неудобства, что во первыхъ скоро маралась, во вторыхъ вредила глазамъ. Желшой цвѣтъ наводимъ былъ только на одной сторонѣ, а на другой бумага имѣла свою натуральную бѣлизну. Пурпуровымъ цвѣтомъ украшались обѣ стороны.

О началѣ и приуготовленіи Александрійской бумаги (изъ папируса) увѣдомляетъ насъ *Плиній*, ссылаясь на Варрона (77). Древность оной проспирается весьма далеко. *Варронъ* относитъ ее ко временамъ

(74) In Biblioth. Vatic. 394.

(75) Плиній, на привед. мѣстѣ.

(76) Isidorus, lib. 6, cap. 11.

(77) Lib. 13. cap. 11.

Александра Великаго, и приписываетъ сѣе изобрѣшеніе городу Александріи. Надлежитъ признасться, что ученый Римлянинъ слишкомъ много ошибся во времени, если только онъ не разумелъ о другомъ особливомъ родѣ бумаги, или о заготовленіи оной въ большемъ количествѣ противъ прежняго. *Плиній* (78) самъ съ нимъ несогласенъ. Италіанецъ *Мелхо Гвибандини* (79) доказываетъ изъ Гомера, Гезіода и Геродота древность ея гораздо опдаленнѣе. Сія бумага дѣлаема была изъ проспника, расщупаго въ болописныхъ странахъ Египта, въ вышину на нѣсколько локтей; проспникъ соспавленъ изъ многихъ пленокъ, къ срединѣ очень крѣпкихъ; сїи пленочки, или кожицы опдѣляемы были одна отъ другой иголкою; ихъ клали въ длину на жескъ и напыскивали водою изъ Нила: отъ чего какъ сїи пакъ и послѣ того поперегъ наложенныя пленки вмѣстѣ слѣплялись. При семъ наблюдали оспороженосіа, чтобы вода падала ровно, ибо иначе оказались бы пятна на бумагѣ. Приготовленные листы были сжимаемы, и по снятіи съ жести высушиваемы на солнцѣ, выгла-

(78) Lib. 13. cap. 13.

(79) In Comment. in tria L. Plinii Majoris de raro capita, membro II. pag. 27. и слѣд.

живаемы зубомъ, склеиваны одинъ съ другимъ до двадцати, и сверпываны. Таковой свершокъ назывался попомъ книгою (scarus). Находилось много родовъ сей бумаги, о коихъ можно видѣшь у *Плинія* и *Исидора* (*), такъ же у сочинителя *Nouv. Traité de Diplomatique*, Tom. I, pag. 484, и проч. Сія бумага была дорога по двумъ причинамъ. Частію погода не всегда благоприятствовала раствнїю, которое опъшого не въ шаномъ множествѣ и не такой доброты родилось, какъ было попребно; частію же монополїя вредила сей бумажной торговлѣ. Вообще пригошовленіе сїй бумаги сохранялось до двѣнадцатаго вѣка. *Евставій*, ученый шолковатѣль Гомера, пишепѣ, что покинули оное въ его время (ad *Odyss.* Ф. pag. 1913. lin. 41. edit. Rom.).

По образу Александрїйской бумаги была составляема другая изъ шонкихъ древесныхъ кожицъ. О семъ послѣднемъ родѣ много происходило споровъ. См. *Nouv. Traité de Diplomat.* Tom. I. pag. 503 и слѣд.

Ввроятно, что изобрѣшеніе писчей хлопчатой бумаги много способствовало къ пренебреженію Александрїйскаго папируса.

(*) *Origg. lib. 6, cap. 10.*

Происхожденіе оной еще не совершенно извѣстно. *Монтфоконъ* относитъ его къ девятому столѣтію (80). Сія бумага особенно была въ употребленіи у Грековъ, а отъ части и у Римлянъ. Находятъ нѣсколько Лапинскихъ книгъ на ней писанныхъ, между прочимъ какъ Греческихъ есть весьма много, особливо же попадающія въ великомъ множествѣ 12 и 13 го столѣтій.

Славный *Монтфоконъ* (81) употребленіе нынѣшней бумаги прѣдпочитой находитъ у *Петра Венерабилуса*, Аббата Клаунискаго (82), въ книгѣ его прошиву Іудеевъ, слѣдственно въ 12 вѣкѣ; онъ полагаетъ, что поелику Александрійская бумага опмѣнена въ одиннадцатомъ вѣкѣ, то сія новая на западъ заснупила ея мѣсто, равно какъ на востокѣ писчая хлопчатая бумага. Другіе однакожъ происхожденіе оной относятъ даже къ осмому вѣку; сказываютъ, что Евспаеій толкованія свои на Гомера писалъ на хлопчатой бумагѣ, и будто бы въ Женевѣ находится рукопись Гомера на такой бумагѣ, напи-

(80) *Paleographia*, pag. 19. *Mem. de l' Acad. des Inscript.* Tom. IX. pag. 326. ed. Paris.

(81) *Mem. de l' Acad. des inscr.* Tom. VI. pag. 607. ed. Paris.

(82) *Biblioth. Clunias.* p. 1070.

санная еще до 800 года (83). — Не смотря на то, до нынѣ еще не показали дословнаго письменнаго подлинника, копорой былъ бы спарбе 14-го вѣка (84). Самой древнѣйшій извѣстной памятникъ на пряпичной бумагѣ есть написанной 1339 года (85). О пригоповленіи оной чипашъ можно въ книгѣ: *Spectacle de la Nature*, Том VII, pag. 178, и слѣд.

Кипайцы пригоповляютъ бумагу свою изъ бамбука (*ramusrohr*). Дю Галдъ описываетъ производство сей работы въ своей *Китайской исторіи* (86). Кипайская бумага превосходитъ тонкостію и величиною всякую другую; имѣетъ однако по неудобство, что на одной только сторонѣ ея писашъ можно. Кипайскія книги извѣстны; почти нѣтъ въ Европѣ ни одной знашной библіотеки, въ коей бы не находили оныхъ.

(Окончаніе въ слѣд. книж.)

(83) Orlandi Origine della stampa etc. Bouon. 1722. pag. 220.

(84) Nouv. Traité de Diplom. Т. I. p. 523 и сл.

(85) Braunschw. Anzeigen. 1745. pag. 843.

(86) Том. II, pag. 289.

III. С М Ъ С Ъ.

*Письмо къ Издателю Вѣстника
Европы.*

Препровождая къ вамъ при семъ сочиненіе, подъ назнаніемъ *Похвала старосли*, для помѣщенія въ вашемъ Журналѣ, за нужное почишаю объяснить нѣкоторыя обстоятельство. Оно сочинено на Французскомъ языкѣ, и получено было покойнымъ Преосвященнымъ Платономъ въ 1803 году въ бытность мою у него въ Виенѣ. Въ то же время я попросилъ дозволенія у Его Высокопреосвященства перевести сіе сочиненіе и напечатать въ Вѣстникѣ Европы, который былъ тогда издаваемъ Николаемъ Михайловичемъ Карамзинымъ. Перевести онъ позволилъ; а на изданіе въ свѣтъ, по скромности своей, не согласился. Переводъ сей оснался у меня за подписаніемъ Преосвященнаго; а подлинникъ Французской, можетъ быть, находится нынѣ въ Спасо-Виѣанской Семинаріи съ прочими его бумагами. Преосвященный не отвѣчалъ ни слова на письмо Префекта, хотя оное и исполнено уваженія къ его особѣ. Причиною же, почему столько обращалъ на себя вниманія покойный Преосвященный, была привѣспивенная рѣчь,

которую онъ имѣлъ счастье произнести предъ ГОСУДАРЕМЪ, ИМПЕРАТОРОМЪ при коронаціи ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ. Рѣчь сія тогда была переведена на многіе Европейскіе языки и напечатана во многихъ газетахъ. О ней-то упоминаетъ Французской Префектъ въ концѣ своего сочиненія.

Имѣя досподолжное уваженіе къ памяти Преосвященнѣйшаго Платона, я вознамѣрился изданъ въ свѣтъ сіе сочиненіе, для того что оно содержитъ въ себѣ правоченіе молодымъ людямъ, и чтобы наши соотечественники, видя свои опечиственныя добродѣтели уважаемыми отъ иноплемennыхъ въ дальнихъ странахъ, тѣмъ болѣе возбудились къ сохраненію въ числѣтѣ вѣры и добрыхъ прежнихъ нравовъ, кои были столь любезны похваляемому здѣсь Паспырю Церкви и въ лицѣ его. Истинная похвала приобретается не моднымъ жеманствомъ, которое называютъ ловкостью въ обращеніи и умнѣемъ жить въ свѣтѣ, но прямымъ достоинствомъ просвѣщеннаго ума, простотою и непорочною сердца, каковыми украшался знаменитый нашъ Свящитель. Да будетъ и средѣ насъ благословенна память Его!

Можно замѣтить изъ пакота уваженія къ особѣ покойнаго Преосвященнаго, что Французы, до правленія Наполеонова, были совсѣмъ не тѣ, какими они себя показали нынѣ въ нашемъ Опечесствѣ. Послѣ самой революціи, испребившей почти все святое, причинившей столько бѣдъ Европѣ, еще оставалось въ нѣкоторыхъ справедливое уваженіе къ добродѣтели и опличнымъ достоинствамъ. Но подлый и дерзкій властелинъ не могъ ничему болѣе научить свой народъ, какъ подлой наглости. Нынѣшніе Французы поперяли правду и честность, а съ ними и честь своей націи. Оспаяюсь и проч.

А. С. . .

Февраля 7 го дня
1813 го года.

**Письмо къ Преосвященному
Митрополиту Платону.**

Галъ, 21 ллювіоза, 11 года республики
Франц.

(Февраля 10 1803 года.)

Префектъ Верхне-Алпійскаго Департа-
мента

Платону, Архіепископу Московскому
и проч. и проч.

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО!

Осмѣливаюсь предсавить вамъ *Опытъ*
о старости, чищенный мною въ пуб-
личномъ засѣданіи Общества соревнованія
при верхнихъ горахъ Алпійскихъ. Желая,
чтобъ конецъ сего малаго сочиненія не
показался вамъ слишкомъ недостойнымъ
своего предмета. Общія рукоплесканія до-
казали воспорѣ, копорой внушало ваше
имя.

Пріимите, Ваше Высокопреосвящен-
ство, жершву всего моего почпенія.

Ладусель.

Похвала старости.

Цицеронъ въ своемъ *разсужденіи о старости* желалъ доказать, что она можетъ еще занимать дѣлами и внушать удовольствія, или по крайней мѣрѣ не имѣть печалей. Жизнь согражданъ его была споль славная, что не лзя имъ было смотрѣть на конецъ оной безъ пайнаго нѣкоего ужаса. Но Римскій Орапоръ не думалъ внушать почтенія къ старости; въ его времена сіе почтеніе было напечатлѣно во всѣхъ сердцахъ. Когда человекъ, согбенный подъ тяжестію лѣтъ, входилъ въ зрѣлища, начальники охотно вспавали и сажали его между собою, и весь народъ воздавалъ честь его присутствію часпыми рукоплесканіями. Въ наши времена не такъ поступаютъ. Давая свободу всѣмъ пылкимъ спраснямъ, почти испребили добровольную приверженность. Желательно вамъ, любезный другъ, чтобы я начерталъ для нашихъ молодыхъ людей побужденія, долженствующія имъ внушить уваженіе къ старикамъ. Повинуюсь; начнемъ возстановить мало по малу добрые нравы, и да возмогутъ чувствіе сердца и внутреннее убѣжденіе послужить мнѣ вмѣсто публичельнаго краснорѣчія.

Буду ли я во первыхъ спараться возбудить признашельность къ шбмб, копорые воспишывали насб въ слабомб младенчештвб? Сїя спарая женщина была во цвбштв лбштв своихб. Рожденїе младенца едва не спойло ей жизни. Для воспишанїя дїшпши она пожерпвовала всбми своими удовольштвїями цб шанихб лбшахб, когда онб сполько прїяшны, и предалась уединенїю. Когда она хотббла наслаждатьсь живишельнымб и послб поливихб прудовб необходимымб сномб, вопли ея дбпшица шысящепрашно безпокоили ее; но она не жаловалась, младенецб спановился ей любезнбе, и она въздыхала шольдо шогда, жогда видббла его спраданїя. Сей спаринб былб опцемб; какїя безпокойспва, какїя печали переносилб онб для своего сына! Непрешанно занимаясь его участїю, денно и ночью прудился; преодолбвалб опасносши, дабы напередб обезпечить жизнь его. Для него онб садилб дерева, копорыя видбшли възроспшими не могб никогда ласкашь себя надеждою. Желая исполнить опеческїй долбб, онб самб располагалб духб своего сына къ прудамб, опб воихб происпекающб добродбшель и счаспїе. Всегда будучи справедливб и добрб, но спробб сб разсудкомб, онб спарался умягчить суровосшь его характера, принуждалб себя дблать ему выговоры и наказывать его.

Онъ довольно чувствовалъ, что при случаѣ нерадѣнія о воспітаніи сей молодой отпрали, рано или поздно, будущѣ обвиняшь его въ безпорядкахъ сына.

Намъ не лзя оспавить его; мы будемъ друзьями, будемъ подпорою его спаросии. Но если бы мы лишились шѣхъ, кои раскрыли первыя чувствія нашего сердца; мы должны почитать всѣхъ спарыхъ людей, кои долго бывъ колеблемы поликими спарспями, обременяемы безчисленными препяшспвами, умбли сохранишь непоколебимосп души своей. Другъ мой! вамъ извѣспенъ свѣшъ и всѣ слѣдствія, производимыя честполубіемъ, гордоспю, суешноспю и своекорыспіемъ; вы знаете, что нерѣдко одинъ безразсудной поступокъ можешъ погубить насъ на вѣки; шавъ будшпе увѣрены, что спрогая умбреносп, предписывающая намъ физическія и моральныя правила, и частые совѣшны разсудительности могушъ держать насъ въ равновѣсіи на скользкихъ пущахъ жизни.

Корабль, долго плавающій, необходимо долженъ бышъ управлемъ искуснымъ кормчимъ; дабы обезопасить бурное печеніе жизни человѣческой, надобно бышъ болпе нежели счастливымъ, надобно бышъ сущеспвенно мудрымъ.

На сто девятомъ году Демокритъ бѣсѣдовалъ съ друзьями своими о человѣческомъ буйствѣ и о мечшательности житейской. Одна улыбка показывалась на его устахъ, а душа мудраго была уже въ другомъ мѣрѣ.

Феофрастъ, спольшнѣй старецъ, описалъ характеры людей; душа его крошкая и спокойная, споль хорошо во многихъ поколѣнїяхъ замѣтила природу человѣческую, что въ карпинахъ его всегда находишь какъ бы новая свѣжестъ.

Прочтите жизнь Фонпенеля: она была образцомъ осмотрительности, кротости и ласковости. Удаляя всѣ возмущительныя спраски, сей человекъ, сѣдинами убѣленный, предавался однимъ нѣжнымъ спрасьямъ, неоспавающимъ по себѣ угрызений. Ученїе, Философїя и дружество улаждали всѣ минушы его жизни и укрѣпляли всѣ шагы его.

Сказывали мнѣ, говорилъ Ламуаньонъ Малербъ, объ одномъ семидесятилѣтнемъ спарикѣ, который ни о чемъ не воспоминалъ съ удовольствїемъ. Я сомнѣвался въ томъ, не понимая, какъ онъ могъ жить.

Мы видѣли сего спарца, друга мудрыхъ, образъ добродѣтели, видѣли его въ

дѣнь общаго бѣдствія, когда вели его на смершь: лице его было весело, взоръ былъ спокоенъ; восходя на ешафотъ, онъ поднялъ голову свою къ небесамъ и просилъ прощенія своимъ мучителямъ. . . .

Оспавимъ горестное воспоминаніе. Мы подшвердили сіе прекрасное изреченіе Цицероново: „ложные умы относятся къ старости, пороки характера; но между благоразумными стариками и благомыслящимъ юношею, спвомъ естъ взаимность выгодъ; съ одной спороны попеченія, заставляющія за, бывашъ шагосу лѣтъ, съ другой наста, вленія, внушающія любовь къ добродѣ, шели.“

Нѣтъ спраспей человѣческихъ, нѣтъ поползновенія ко лжи въ сердцѣ, бѣющемся только слабо, ни въ головѣ къ землѣ поникшей. Тамъ царствуетъ одна снисходительность, одно благородное желаніе бытъ полезнымъ, коему должно приписать словоохотныя разсужденія, — единственное утѣшеніе для немогущаго дѣйствовать.

Но, говорятъ, старикъ жалуетъ о прошедшемъ и шѣмъ оскорбляетъ обычай свѣта. Епо потому, что онъ видитъ юность изглаждающую безразсудною рукою черпы утѣшительной каршины и безо-

браживающую прекрасной составъ цѣлаго; онъ видитъ возмущительныя движенія шамъ, гдѣ была одна тишина, спокойствіе; онъ видитъ презираемыя начала, нужныя для блага міра; онъ видитъ въ пренебреженіи и забвеніи книги, написанныя опытною мудроспю, видитъ у каждаго въ рукахъ развращительныя и глупыя повѣсти.

Можетъ ли онъ удержаться отъ сравненій наспоющаго съ прошедшимъ? можетъ ли возродиться для безразсудства, и содѣлаться мертвымъ для мудрости? Показывая намъ то, что нѣкогда почитали, онъ научаетъ насъ дѣлать достойное почитенія.

Надъ старыми женщинами, коихъ я предпочитаю молодымъ, смѣются наши безумцы. Другъ мой! пусть они смѣются сколько угодно; по крайней мѣрѣ вы согласитесь, что женщина получила врожденную нѣжность органовъ, которую она сохраняетъ до послѣдняго издыханія, отличную примѣчательность, посредствомъ которой она предчувствуетъ и выводитъ заключенія, между тѣмъ какъ мужчины надобно много лѣтъ учиться и разсуждать. При западѣ ея лѣтъ, представьте ея справедливое болѣзнованіе о юности, столь скоро

улепающей, предсавыше, что она защищаетъ прежніе обычаи и старинныя моды, кои, по обыкновенному печенію, опяшь сдѣлаются оракулами свѣта. Гдѣ найдете вы болѣе любезнаго обращенія, болѣе знанія сердца человѣческаго, болѣе расположенія ко вступающимъ въ путь жизни, болѣе чувствительности и благоприспособности, составляющей утѣшеніе общества, и шѣхъ предрасудковъ, кои господствуя въ челоѣкѣ, дѣлають его лучшимъ? Ежели немощи не ослабили престарѣлой женщины, гдѣ найдете вы болѣе пылкихъ воспорговъ и неиспоцимѣ запасъ веселости? Ей препоручено судьбою умягчать самыя жестокіе характеры и образовашь чувствительныя души. Другъ мой! вы молоды; совѣшуйте вамъ съ ними бесѣдовашь непрестанно.

Я люблю также того спарата, опважнаго, покрышаго почтенными ранами воина, который съ деревянной ногою и спальной (*) бородой одушевляется, рассказывая намъ объ осадахъ и сраженіяхъ, бывшихъ въ его время. Его удивленіе къ Саксу и Люксамбургу засавляетъ насъ еще выше цѣннѣе

(*) Выраженіе самаго Автора, переведенное слово въ слово. А. С.

безсмертныя услуги, оказанныя героями на войнѣ за свободу. Люблю того автора, которой будучи живымъ собраніемъ ученыхъ анекдотовъ цѣлаго вкуса, вводилъ меня въ драматическія представленія и въ шайны семейственныя; сказываешь мнѣ откровенно, гдѣ должно искасть черпы хорошаго ума и истиннаго вкуса. Люблю того свѣтскаго человека, который зная всѣ подробности придворной и городской жизни, представляешь намъ великихъ людей въ простомъ ихъ положеніи. Полезно сравнивать существующее со слышаннымъ нами въ повѣствованіяхъ, обыкновенія прошедшія съ настоящими. Но горе тому, кто не можетъ въ себѣ зеркаль перлѣтъ своего изображенія, и кто разбивши его надѣвшея испребишь свои пороки. Каждой день, идучи далѣе по пути жизни, говорилъ Солонъ, я научаюсь чему-нибудь. А я каждой день бесѣдуя со спариками, научаюсь въ школѣ ихъ припнѣйшей и самой надежной нравственности.

При всѣхъ происшествіяхъ многія обстоятельство оспаютъ въ забвеніи, исчезають, укрываются отъ взоровъ и наблюдѣній историка. Но сіи маловажныя впрочемъ обстоятельства подобны разлипому въ воздухѣ припному благоуханію, выходящему въ упреніе часы изъ листьевъ

древесныхъ. Многое былобъ для насъ неизвѣстно безъ шарика, говорящаго намъ: *я видѣлъ*; изустно доходящія до насъ истины часто заставляють насъ размышлять о дѣлахъ обыкновенныхъ болѣе, нежели о великихъ. Послѣ сорока лѣтъ старецъ скажетъ потомству, что произошло во время сего чрезвычайнаго переворота, о коемъ будушь судить лучше во времена позднѣйшія, и коего исторію должны сохранить успа повѣствователя, дабы послѣ представить ее удивленію потомства. Одно, можетъ быть, дѣяніе озаритъ мракъ еще окружающій насъ. Кто открылъ намъ, что Цезарь, великій Цезарь былъ суевѣренъ; что онъ, сядя на свою колесницу, всегда читалъ *два стиха*, коимъ приписывалъ силу, могущую недопустить опрокинуться; что наконецъ спрашивалъ смерти погнѣ, кто всегда побѣждалъ ее въ сраженіяхъ? Старикъ доставилъ намъ сіе драгоцѣнное преданіе. Повѣствованія о геройскихъ подвигахъ принадлежатъ старику. Будучи невинимъ, подобно времени, онъ, кажешся, для того пощаженъ косою смерти, дабы рано или поздно истина воспоржествовала. Какое спокойствіе въ его разсужденіяхъ! какъ научаетъ онъ насъ распознавать призраки жизни! Одна улыбка его уничтожаетъ замѣченное лукавство! Онъ

нѣкоторымъ образомъ возводишь насъ на высоту свою, въ спрану чистую и спокойную. Спарецъ представляешь связь между происшествіями насюющими и будущими; онъ есть соединительная почка между вещами плѣнными и вѣчносшю, и можно увѣрительно сказать, что одно время образуешь умъ человѣческій, равно какъ онъ же произращаетъ его плоды, которые вкусны бывающъ только въ совершенной зрѣлости.

Прежде были оракулами одни спарцы; они были хранилищемъ хорошихъ правилъ и чистыхъ понятій. Ихъ вѣрной органъ шаинспвеннымъ, но вразумительнымъ для юныхъ языкомъ объяснялъ имъ средства, могущія доставить славу государсшвамъ, и, что еще болѣе славы, добрые законы, утверждающіе истинную свободу.

Царство вѣры, сколько ни сильно, имѣешь нужду въ подкрѣпленіяхъ спаросши. Юноша неспособенъ служить оларю; убѣленный спарецъ есть надежнѣйшій посредникъ между небомъ и земными жителями.

Обращайте мысленные взоры ваши къ спранѣ близъ лежащей къ исходящу древняго Бориспена; посмотрише на сего Свя-

щенвѣйшаго Паптрїарха, помазавшаго проихъ Императоровъ (*). Онъ видѣлъ ихъ низходящихъ во мракъ гроба, обремененныхъ величїемъ, повелѣвавшихъ споль многими народами. Ихъ нѣшъ уже болѣе, а онъ сущесивуешъ. Онъ возливаешъ муро на главу Наслѣдника сея великїя Державы, на младаго Человѣка, носящаго на себѣ споль славное, споль спрашное въ испорїяхъ свѣша имя; онъ возвышаешъ гласъ, поразившїй слухъ владыкъ земныхъ; онъ призываетъ миръ; онъ начершываетъ народамъ кругъ ихъ должностей къ Государю; начершываетъ Государю кругъ его обязанностей къ народу. Епо не смершнїй уже болѣе; онъ несешся превыше АЛЕКСАНДРА и Его Прешола; — спопящъ лѣшъ (**), не ослабили ни его гласа,

(*) Авторъ ошибся, неимѣя конечно вѣрнаго свѣдѣнїя о лѣтахъ Преосвященнаго Платона, кошорый родился въ 1737 году Юня 29 дня.

А. С.

(**) Многие изъ иностранныхъ Министровъ, бывшихъ при коронаціи нынѣ царствующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, видя Преосвященнаго Платона убѣленного сбдинами, точно подумали, что ему было тогда около ста лѣшъ, и удивлялись, какъ въ такихъ лѣтахъ онъ имѣлъ столько свѣжести и си-

ни его дарованій, ни его бодрости. Слова его ни дерзновенны, ни безразсудны; но онъ были бы и дерзновенны и безразсудны въ успахъ всякаго другаго. Владыки народовъ! говоря къ одному изъ васъ, онъ говоритъ всѣмъ вамъ; ваша польза заспавляетъ васъ внимать ему; онъ имѣетъ великую и доспойную своей великой души цѣль: онъ хочетъ дать вамъ право на любовь подданныхъ и предохранитъ васъ отъ проклятія попомства. Имя ему Плашонъ, и онъ кажется древнимъ Плашономъ, воскресшимъ для того, дабы излишь небесный свѣтъ на землю.

Опышный Первосвященникъ! о Плашонъ! я повергаю перо мое предъ шобою: швое имя и швое бытіе суть прекрасная похвала спарости.

Ладусель ().*

лы, съ каковыми произнесъ привѣтственную Рѣчь ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ. А С.

(*) Уваженіе сего Французскаго Префекта къ знаменишому нашему Свяшиселю безспорно приноситъ ему же самому очень много чести, и конечно болѣе нежели Преосвященному Плашому, кошорый былъ превыше по-

Московскія записки.

Оживающая Москва укрѣпляется въ силахъ своихъ. Уже Соборный храмъ Архиспрашига Михаила и древній Кремль, оскверненные присутствіемъ нечестивыхъ злодѣевъ, обновлены торжественнымъ освященіемъ. Благобренный Царевичъ Дмитрій, коего непобѣдимыя мощи, ко всеобщей радости народа православнаго, обнесены были вокругъ стѣнъ Кремлевскихъ, возбудилъ въ каждой чувствительной душѣ поучительныя воспоминанія о событіяхъ вѣковъ прошекшихъ. Память сего царственнаго мученика, сей послѣдней отрасли великаго Владиміра, во вѣки неизгладится въ сердцахъ вѣрныхъ сыновъ Церкви и Отечества; между тѣмъ какъ имя властолюбиваго Бориса, незаконно присвоившаго себѣ самодержавіе, имя нечестиваго Опретьева, злодѣйствами достигшаго до высоты престола, вписаны въ позорную книгу ширановъ, и до скончанія

хвалъ и уваженія всѣхъ Французскихъ Префектовъ, взявшихъ вмѣстѣ; но для чего бы, кажешся, господину Ладусешу неосвѣдомишься новѣрнѣе о тѣхъ обстоятельствахъ жизни прославляемаго имъ Мужа, о копорыхъ именно говоришь онъ въ своемъ разсужденіи, читанномъ публично и присланномъ къ самому Преосвященному Митрополиту? Господинъ Префектъ къ исторической почности привязанъ не болѣе какъ и многіе земляки его, извѣстные своимъ краснословіемъ. *Изд.*

міра будувъ стоять на ряду съ царубійцями и гонителями законныхъ Государей, съ Кромвелями и Бонапартами. — Въ Архангельскомъ Соборѣ почиваютъ драгоцѣнные оспатки Государей Россійскихъ, при которыхъ знаменитое Отечество наше, несмотря на всѣ неблагопріятствующіе случаи, укрѣплялось, распроспранялось и возносилось до степеней славы и могущества, промысламъ Вышняго ему предназначеной. У всѣхъ народовъ симъ священнымъ хранилищамъ царешвеннаго праха воздается достоодолжное уваженіе. Англичанинъ гордится надгробными памятниками, воздвигнутыми въ честь Королей въ Естминстерскомъ Аббатствѣ. Обитель Св. Дениса была прошивнымъ зрѣлищемъ шолько для царубійцѣ и мятежниковъ; сіе кладбище законныхъ государей Франціи, безъ сомнѣнія, производитъ ужасное впечатлѣніе въ злой душѣ Наполеона, и потому оно неможесть бытъ для него пріятнымъ; но изъ числа прежнихъ неразвращенныхъ Французовъ многіе приходили шуда съ подобающимъ чувствомъ благоговѣнія. — Еще храмъ Архієпископа Михаила достоинъ примѣчанія, пошому что Великій Князь Іоаннъ Даниловичъ Калиша первоначально соорудилъ его *въ благодарность Богу за избхвленіе Москвы отъ бывшаго въ ней голода*. Благочестивое обыкновение воздвигать Божіи храмы въ память какого-либо важнаго происшествія, а особливо въ ознаменованіе милости Божіей къ народу православному, кромѣ другихъ выгодъ съ честію и славою опечества неразлучно соединенныхъ, доставляетъ любителямъ исторіи пріятные случаи воспоминашь о дѣянїяхъ вѣковъ минувшихъ. Съ ка-

кимъ, на примѣръ, чувствомъ Россіянинъ смотритъ на Казанскій Соборъ, сооруженный Княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ и напоминающій объ избавленіи царствующаго града отъ Литвы и Поляковъ? Съ какимъ чувствомъ рассказываетъ онъ сыну своему или внуку, что придѣлъ въ Успенскомъ Соборѣ *Поклоненія веригамъ Св. Апостола Петра* построены въ засвидѣтельство Всевышнему благодаренія за усмиреніе города Пскова; или что другой придѣлъ *Похвалы Пресвятыя Богородицы* построенъ за прогнаніе Татаръ отъ Московскихъ предѣловъ? Дозволимъ себѣ предвкушать то сладчайшее удовольствіе, которое Вселюбезнѣйшій нашъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ готовитъ для вѣрныхъ своихъ подданныхъ и для ихъ опдаленныхъ потомковъ. Представимъ себѣ то время, когда жители первопрестольнаго града съ благочестивою радостію пошекутъ во *храмъ Спасителя Христа* принести благодареніе промыслу Божію, спасшему Россію отъ злости Наполеоновой и подкрѣпившему вѣрныхъ сыновъ ея безпримѣрнымъ усердіемъ и любовью къ Отечеству въ страшную годину угрожавшей гибели. Прияно думать, что народъ будетъ идти къ сему достопамятному храму по спогнамъ царствующаго града мимо бронзоваго памятника заслугамъ Пожарскаго и Минина, мимо увѣчаннаго лаврами высокаго столпа, кошорой повелѣніемъ АЛЕКСАНДРА I будетъ воздвигнутъ на память многократныхъ побѣдъ и совершеннаго истребленія силъ непріятельскихъ, дерзнувшихъ вступити въ Россію.

Имѣетъ ли Наполеонъ хотя слабое понятіе о томъ санѣ, коимъ онъ присвоилъ себѣ съ неслыханною наглостію? Всякой законной Государь, дорожа своею славою и судомъ потомства, предошврашилъ бы отъ себя даже малѣйшій поводъ къ укору и неприличныхъ поступкахъ. Но Бонапартъ, какъ *chevalier d'industrie*, располагаетъ свое по особливымъ правиламъ, и не заботится объ оправданіи себя передъ свѣтомъ и потомствомъ. Церкви въ разныхъ частяхъ Москвы осквернены и ограблены его солдатами, которыхъ можетъ быть и самъ Наполеонъ не удержалъ бы отъ грабежа и распущства, какъ людей сѣюнаго возраста къ тому приобыкшихъ. Но кто осквернилъ и ограбилъ храмы Божіи внутри Кремля, гдѣ сидѣлъ запершись самъ дерзкій предводитель шайки, и куда никого не пускали безъ письменнаго вида? Не безчестно ли для человѣка, на котораго устремлены взоры цѣлаго свѣта, ослѣпляясь блескомъ серебра и золота и для удовольстворенія низкой жадности подвергашъ себя справедливымъ укору и знамѣнъ въ гнусномъ святошашствѣ? Бонапартъ лжетъ на душу свою, утверждая будто бы сами Русскіе сожгли Москву и опустошили. Кто же былъ зажигателемъ и опустошителемъ Кремля, въ которой не пускали ни одного Русскаго человѣка, кромѣ несчастныхъ спрдаальцевъ, употребленныхъ въ работу? Онъ думаетъ, что оспразилъ на Русской народъ все поношеніе, приказавши по кровожадной привычкѣ своей повѣсить нѣсколько простяковъ (а можетъ быть и бездѣльниковъ), пойманныхъ будто бы въ зажигательствѣ! Какъ премудро Наполеонъ охра-

вдешъ честь и доброе имя своихъ подданныхъ! Хотя цѣлому свѣту извѣстно, что они грабишеля и нечестивцы; однакожъ отнюдь недолжно обвинять ихъ въ зажигательствѣ! Особливо же грѣшно помыслить дурное объ Императорѣ Французовъ и о Королѣ Неаполитанскомъ, о такихъ особахъ, которыя при высочайшемъ присутствіи своемъ приказывали сдирать съ образовъ оклады, и августѣйшими руками своими дѣлали изъ парчевыхъ ризъ и стихарей выжигу!!!

IV. П О Л И Т И К А.

Полженіе Европы.

(Продолженіе.)

Никакому сомнѣнію неподвержено, что явные и тайные Наполеоновы повѣренные, соглядатаи и сообщники, въ настоящее время неупомимо дѣйствуютъ при всѣхъ дворахъ, у всѣхъ народовъ, а особливо между людьми знатнаго сословія. Въ одномъ мѣстѣ они стараются съ видомъ хладнокровнаго *благоразумія* ослабить праведную ненависть къ власполюбивому опустошителю и мало по малу попустишь ее; въ другомъ хитро закрываютъ его положеніе и усиливаются предсавлять его все еще весьма спрашнымъ; индѣ наконецъ спа-

раюпся склонить на свою сторону лестными обѣщаніями, или посредствомъ козней и обмановъ даже поселить недовѣрчивость и вражду между государствами, коихъ союзъ прошивъ себя почиаетъ онъ опаснымъ.

Всѣ сїи уловки произвели бы много еще возможныхъ бѣдспвій; но за достовѣрное полагаешь надобно, что здравой разумъ и усердіе къ пользамъ отечества и всего чело-вѣческаго рода вездѣ одержавъ верхъ надъ ними. Какое государство нынѣ, послѣ тысящекрапныхъ опытовъ, не почтешъ за коварной обманъ обѣщаній того чело-вѣка, копорой обыкновенно нарушалъ слово свое, даже и тогда когда показывалъ буд-по исполняешъ оное? Какую можешъ онъ произнести угрозу, копорая заставляла бы спрашиваться хоть половины шѣхъ бѣдспвій, кои до сихъ поръ дружбою его наносимы были государствамъ, по несчастію принужденнымъ перлѣть оное? Что бы онъ ни шрубилъ въ слухъ, что бы онъ ни шперялъ тайными наущеніями, нѣшъ ни еди-наго народа въ Европѣ, для копорого не было бы полезнымъ конечное его изнеможе-ніе; нѣшъ ни единого народа, копорой бы неспрашился величайшихъ несчастій, ко-гда Наполеонъ сдѣлаешся сильнымъ по-прежнему.

Оспавляя Россію, взоры наши потчасъ успремляющся къ злополучной Варшавѣ. Послѣ долговременнаго, ужаснаго безначалія, область сія содѣлалась частію благоустроеннаго государсва и уже пригоповлена была наслаждаться благодѣянїями справедливаго и кропкаго правительсва, — какъ вдругъ Наполеонъ испоргъ ее изъ сего положенія, обморочилъ ея жителей: вздорными мечшми, разрушилъ ея успройство и навязалъ ей новую, неприличную конспишуцію, кошорая въ шесть лѣтъ произвела ничего прочнаго и дѣйствительнаго полезнаго, а только успановила поспоянный порядокъ испощающся. При спаромѣ правленія жители Южной Пруссїи жаловались, что ошъ нихъ пребуотъ подашей и рекрутъ: сдѣлавшіеся гражданами Варшавскаго Княжества, они принуждены уже были не только ежегодно набиратъ новое войско для чужихъ выгодъ, но даже содержать его своимъ иждивеніемъ, и, по общенному признанію ихъ же министра финансовъ, послѣднимъ имуществомъ своимъ жертвоватъ для военныхъ затѣй Наполеона, кошорой въ послѣдніе шесть мѣсяцовъ содралъ съ нихъ болѣе, нежели сколько въ печеніе двѣнадцати лѣтъ выпребовано было прежнимъ правительствомъ. Принадлежа Пруссїи, они досадовали, что старинныя волосы роз-

даны Нѣмцамъ; и что исполненіе хорошихъ законовъ иногда ввѣряемо было худымъ чиновникамъ. Но развѣ они выиграли шѣмъ; что Наполеонъ коронныя владѣнія превратилъ въ помѣстья для Французовъ; и что корыстоплюбивая воля его содѣлалась единственнѣмъ; со всевозможною строгостію исполняемымъ закономъ въ ихъ княжествѣ? Принадлежа Пруссіи, они наслаждались продолжительнымъ миромъ, коимъ оживлялъ всякіе промыслы и распространялъ благосостояніе; но какъ только провозглашена пакъ называемая полипическая ихъ самобытность; не прошло почти мѣсяца, въ которой здоровые ихъ мужи и юноши невалились бы гдѣ-нибудь на рашномъ полѣ. И для какихъ выгодъ? Лишь полвко война приближалась къ ихъ предѣламъ; то Наполеонъ, дабы воспламенить ихъ; взывалъ къ нимъ, что желаетъ освободить ихъ націю; по окончаніи же войны — на примѣрѣ въ рѣчи; произнесенной имъ въ Сенатѣ послѣ Пресбургскаго мира — по окончаніи войны объявлялъ безъ околичностей, что „ему и въ голову не приходила мысль о возстановленіи Польши.“ Ежели въ несчастномъ народѣ есть еще какое-нибудь къ себѣ уваженіе, какая-нибудь часть здраваго смысла; то именно жители Варшавскаго Княжества должны объявить себя рѣшительными и непримиримыми.

римыми врагами фигляра, кошорой сыгралъ съ ними шушку, споль безспыдную и споль плачевную. Проницательнѣйшіе между ними уже и давно видѣли ясно, что ихъ опечесство не должно ожидать прочнаго счастья отъ союза со Франціею. Зависимоспъ Варшавскаго Княжесства отъ Франціи еще болѣе прошивна блугу, раздѣляющей ихъ Германіи, нежели выгодамъ Россіи; и если бы Германія сдѣлалась на послѣдокъ совершенно порабощенною, тогда и Варшава была бы не болѣе какъ Сармаискимъ департаментомъ, изъ котораго Французы ежегодно выгоняли бы на убой спада людей въ Остѣ-Индію, или въ Америку.

Изъ всѣхъ государствъ, враждебнымъ рокомъ преданныхъ Наполеонову насильству, ни съ однимъ не поступилъ онъ такъ оскорбительно какъ съ Пруссіею, можетъ быть попому что она, при опличномъ внутреннемъ устройствѣ и высокой степени образованности, была первою изъ государствъ на швердой землѣ Европы, гдѣ онъ находилъ сильное себѣ въ умахъ сопротивленіе, а можетъ быть что онъ носилъ на себѣ долгъ личной Королю благодарности. Недовольствуюсь шѣмъ, что опнялъ великія части владѣній его на восточной споронѣ и на западной, и что какъ будше на поруганіе соспавилъ изъ нихъ особое

государство, недоброхотствующее Монархїи прежняго Владѣтеля, онъ вопреки народнымъ правамъ удержалъ за собою крѣпости на рѣкѣ Одерѣ, и такимъ образомъ оставшіяся части Пруссїи разрѣзалъ на двѣ безсильныя половины; вымучилъ несообразныя силы конпрїбуціи, истощившія благосостояніе всѣхъ гражданъ; заставлялъ правительство соглашаться на всѣ унижительныя требованія и даже на поднятїе оружія противъ послѣдней доброхотствующей ему Державы. Тогда уже неоспалось никакого сомнѣнїя, что Пруссїя погибла невозвратно. Наполеонъ удержавши за собою крѣпости, овладѣлъ и самыми даже столицами: Король жилъ въ Помпедамъ почти какъ военнопленный; государство принуждено было напрягать послѣднія силы свои для пособія Французамъ; и если бы война окончилась счастливо для Наполеона, то само собою разумелось, что Брандбургія досталась бы Вестфальскому Королевству, Шлезїя была бы присоединена къ Варшавскому Княжеству, а Монархїя и народъ Фридриха совершенно утратили бы политическое свое существованіе.

Россїя превозмогла; Наполеоновы полчища уничтожены, и положеніе Пруссїи вдругъ переменялось, какъ бы дѣйствіемъ жезла волшебнаго. Одна столица ея

свободна; въ другой прежнимъ повелителямъ даюшъ уже разумѣнь, что они гости незваные. Прусскія области освобождаются по мѣрѣ вспупленія въ нихъ войскъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА, и ревностно гошоваются навсегда опклонить опъ себя угрозы бѣдспивій. Король опправился въ Бреславль и имѣетъ при себѣ значительный корпусъ войска. Быспроку переменною дѣлав сей Монархъ изъ бездны несчастія опашъ вознесся до шагой высоты, до копорой и съ напряженіями Геркулеса рѣдко достигаютъ. При благородномъ, безкорыстнымъ дружеспвѣ АЛЕКСАНДРА и при безнадежномъ положеніи Наполеона опносительно ко всѣмъ обиженнымъ и оскорбленнымъ опъ него державамъ Европы, въ сїю минушу величіе души Фридриха Вильгельма ушвердишъ политическое достоинство Пруссїи на цѣлые вѣки. Теперь, именно теперь судьба государства сего находится въ рукахъ его правителя, копорому потребна только цвѣрдая рѣшительность, чтобы на будущія времена споль долге бывшее несчастнымъ свое правленіе озарить немерцающихъ блескомъ.

Епо не мечта воображенія. Безспраспной взглядъ на состояніе дѣлав называетъ возможность. Наполеонъ вторгся въ Россію съ чрезвычайными силами: онъ

испреблены; даже источники оныхъ высохли, или большею частію перестаютъ уже для него изливать свою влагу; теперь самая ужаснѣйшя напряженія, къ которымъ онъ принуждаетъ доспальныхъ своихъ несчастныхъ подданныхъ, послужить ему не болѣе какъ единственно къ удержанію равновсія противъ его побдишелей. Но ежели Пруссія соединитъ съ ними еще остающуюся свою силу, или которая вновь родится отъ энпузіама ея народовъ; ежели будетъ дѣйствовать съ приличнымъ высокому имени своему достоинствомъ: то врагъ не возможетъ долго сопротивляться въ сѣверной Германіи. Фридрихъ Вильгельмъ обратитъ получиши области, которая захочетъ себя попребывать; онъ приобрететъ себѣ доброхотство прежнихъ, еще бодрствующихъ союзниковъ, и возстановитъ униженныхъ. И да не дерзнетъ никто усомниться, что онъ чувствуетъ высокое свое назначеніе, что знаетъ должность свою опиношительно, къ народу и къ попомсшу.

Теперь обратимъ рѣчь свою къ сему народу.

(Продолж. въ слѣд. книжк.),

О внѣшнихъ доходахъ Франціи.

Безпрерывная война, которую Наполеонъ ведетъ въ разныхъ мѣстахъ съ той самой минутой какъ захватилъ въ свои руки бразды правленія; почти невѣроятное великолѣпіе и распочительность двора его; набогащеніе родни его и пѣхъ людей, которые помогли ему усѣбься на окровавленномъ престолѣ, истощили всѣ силы государства, едва только отдохнувшего послѣ ужасовъ революціи, но все еще обремененнаго бѣдствіями по причинѣ разспроившихся финансовъ. Къ тому прибавить должно содержаніе войска многочисленнаго, несоразмѣрнаго населенію Франціи, жалованье служащимъ чиновникамъ, денежныя выдачи внутренимъ и внѣшнимъ шпіонамъ и такъ далѣе. Чтобы уравнишь съ приходами страшныя расходы, надлежало отккрышь новые денежныя источники, которые пронцапельноспію министровъ Наполеоновыхъ и отккрышы — въ разореніи всѣхъ государствъ и народовъ посредствомъ грабительства. Симъ честнымъ образомъ приобретаемыя деньги въ отчетѣ министра финансовъ показывающія подѣ скромною сташьею *внѣшнихъ доходовъ* (*recettes extérieures*); ими до сихъ поръ была содержима великая машина государства; къ нимъ же надлежало прибѣ-

гать наждой разъ при напрягаемыхъ усилїяхъ ко мнимому завоеванїю Англїи. По на сей испочникъ изливался въ изобилїи, дошолъ ораторы Сенапа могли говорить предъ Наполеономъ: „ваше величество! финансы имперїи вашей находящяся въ самомъ цвѣтущемъ состоянїи: богатства побѣжденныхъ народовъ переходящъ во Францію.“

Но когда сіе прибыльное переходенїе оспановишя; когда Французскїй министръ финансовъ вмѣсто *внѣшнихъ доходовъ*, которые въ 1812 году равны были нулю, долженъ будещъ поставишь новую спашью *о внѣшнихъ издержкахъ и потеряхъ*; когда онъ принужденъ будещъ сказашъ: „ваше величество! финансы имперїи вашей, совсѣмъ разспроились: ибо не только *внѣшніе доходы* въ казну непоспутили, но еще сверхъ того необдуманное нападенїе на „Россїю лишило васъ 300,000 воиновъ (*),

(*) Потеря въ людяхъ должна быть несравненно большая; ибо изъ напечатанной здѣсь недавно весьма любопытной петрадки подъ названїемъ *Подробный списокъ всѣхъ корпусовъ, составлявшихъ Французскую армию*, видно что Наполеонъ пригналъ на убой въ Россїю 575,500 человекъ, изъ которыхъ спаслись одни только маршалы, часть генераловъ и нѣсколько тысячъ голодаго, на-

„болѣе 1000 пушекъ, 100,000 лошадей,
 „всего оружія, всѣхъ магазиновъ, всѣхъ обо-
 „зовъ, всей военной казны, и въ добавокъ
 „всей богатырской вашей славы; того ра-
 „ди *обожающіе* васъ народы вовсе не въ
 „силахъ снабжать васъ деньгами на воен-
 „ныя издержки, и едва даже могутъ взно-
 „сить обыкновенныя подаши;“ когда, гово-
 рю я, министръ финансовъ долженъ бу-
 деть прочитывать рѣчь сію передъ Наполео-
 номъ: тогда народы, ограбленные и испо-
 щенные, обаязуются и свергнувъ съ себя
 шажкое и пошпыдное иго.

Для извѣсненія и доказательства на
 вышесказанное сообщается сокращенное из-
 влеченіе изъ книги г-на Д'Иверууа (*),
 именно изъ главы *о вышнихъ доходахъ*.

таго и полумертваго, войска. Упомннутый
Подробный списокъ выбранъ изъ подлин-
 ныхъ рапортовъ, хранившихся у прави-
 теля канцелярии Принца Невшательскаго,
 (Бертъе), оставленнаго въ Москвѣ за болѣз-
 ню; по приказанію Его Сіятельства Графа
 Федора Васильевича Растропчина оный пере-
 веденъ на Русской языкъ и напечатанъ.

Изд.

(*) Книга сія называется: *Napoleon financier
 et administrateur. London: 1812.*

Австрія въ 1806 году заплашила Франціи 100 милліоновъ франковъ: Королю Прусскому въ 1808 году въ Erfуртѣ, въ знакъ особливаго снисхожденія, дана отсрочка на три года въ заплатѣ 120 милліоновъ. Въ томъ же городѣ Іеронимъ Бонапартъ получилъ милосливую слабу на чешыре мѣсяца, по испеченіи коихъ однакожь онъ обязанъ былъ заплатити двадцать милліоновъ, вмѣсто осмнадцати. Данцигъ выкупилъ свою независимость (??) тридцатью двумя милліонами.

Военная дань, которую Императоръ Австрійскій, въ тайныхъ статьяхъ Вѣнскаго договора 1809 года, заплатилъ, проспиралась до восьмидесяти чешырехъ милліоновъ. Родство съ Наполеономъ принесло ему только ту выгоду, что онъ получилъ на три мѣсяца отсрочку въ плашежѣ дани.

Ежели къ симъ суммамъ прибавити еще наличныя деньги, жадностію Наполеона въ видѣ пособій вымученныя отъ Испаніи прежде нашествія на оную, отъ Португаліи прежде нежели возвращена ей свобода, отъ Голландіи и городовъ Ганзейскихъ до присоединенія ихъ ко Франціи; то вся сумма *внѣшнихъ доходовъ* съ 1806 года по 1811 проспираться должна.

по крайней мѣрѣ отъ четырехъ до пяти сотъ милліоновъ. Сочинитель въ семь счетъ полагаетъ суммы какъ въ векселяхъ и драгоценныхъ камняхъ препровожденныя во дворецъ Тюльерійской, такъ равно въ звонкой монетѣ и въ слипкахъ привезенныя подъ военнымъ прикрытіемъ; сюда не включены только десятильшіе поборы съ Курфиршескихъ волостей Ганноверскихъ.

Замѣтивъ должно, что Наполеонъ, дабы вдохнуть во Французовъ увѣренность въ изобиліи сей богатой руды внѣшнихъ доходовъ, не говоритъ именно, какого достоинства монетою оныя суммы поступаютъ въ его казначейство.

Показанные отъ четырехъ до пяти сотъ милліоновъ неполагаются въ счетъ съ другими доходами, полученными изъ за границы, каковы суть: 1 е призы, въ слѣдствіе подписаннаго въ Рамбульскомъ дворцѣ повелѣнія, захваченные у Американцовъ и спюющіе по крайней мѣрѣ до ста милліоновъ франковъ; 2 е, сто пятьдесятъ милліонѣвъ заплаченныхъ Италію; 3 е, сто милліоновъ, которые содраны съ большихъ помѣстій въ Италіи на содержаніе и на пенсіи для Французскихъ воиновъ. Все сіе можетъ сосланишь тысячу шесть сотъ или тысячу семь

сопѣ милліоновъ франковъ, припасами, поварами и деньгами полученныхъ изъ за границы не болѣе какъ въ пять или шесть мѣсяцовъ. Р.

Переговоръ между Княземъ Кушуровымъ-Смоленскимъ и Французскимъ Генераломъ Лориспонамъ, въ лагерѣ при Тарутинѣ.

(Изъ Англійскихъ листковъ.)

Князь Кушуровъ принялъ Лориспона въ присутствіи своихъ Генераловъ. Сей Французъ началъ рѣчь свою тѣмъ, что онъ присланъ предложить перемиріе и просить Князя о доставленіи къ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ отъ Бонапарта письма, въ которомъ, говорилъ Лориспонъ, содержатся мирныя предложенія, долженствующія прекратить ужасное кровопролитіе, опчаяніемъ и варварствомъ произведенное.

Князь отвѣчалъ, что ему не дано полномочія слушать предложеній ни о перемиріи ни о мирѣ; что онъ не приметъ никакого письма къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, долгомъ своимъ почтишая объявить, что Россійская армія имѣетъ на своей сторонѣ многія важныя

выгоды, которыхъ опиюдь не должно прятать согласіемъ на перемиріе.

Лориспюнь сдѣлалъ замѣчаніе, что надобно же на конецъ прекратиться войнѣ, и что ей не вѣчно продолжаться, а особливо споль варварскимъ образомъ.

Князь отвѣчалъ: варварство началось въ войнѣ ошъ выродковъ Французской революціи и ошъ Бонапарша, которой довелъ его до высочайшей степени. Безъ сомнѣній война продолжаться вѣчно не можетъ; однакожъ и о мирѣ думать не можно до шѣхъ поръ, пока находишься будущъ Французы по сю сторону Вислы. Не Россія начала войну сію: еслибъ мой ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ повелѣлъ сдѣлать нападеніе на магазейны и на войска, въ Польшѣ находившіяся, подаже за Вислою были бы испреблены всѣ приготовленія Бонапарша, прежде еще нежели онъ усиль бы совершенно ополчился; но ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоутодно было никакъ не нарушать спокойствія, не начинать войны и хранишь миръ поспоянно. Бонапаршъ не объявляя войны впоргся въ Россію, и разорилъ большую полосу земли въ нашемъ Отечествѣ; увидимъ шеперь, какъ онъ выдетъ изъ Москвы, въ кошую пожаловалъ безъ приглашенія. Теперь долгъ повелѣваетъ

Намъ наносить ему вредъ всевозможнѣйшій. Онъ объявляетъ, будто всшупленіемъ въ Москву походъ окончился; а Русскіе говорятъ, что война еще только начинается. Если онъ этого не вѣдаетъ, то скоро узнаетъ на самомъ дѣлѣ.

А когда нѣтъ надежды къ заключенію мира; сказалъ Лориспонтъ, такъ спанемъ дѣйствовать; но чрезъ то опять начнется пролищеніе крови храбрыхъ воиновъ, которые вездѣ сражались геройски и которыхъ цѣлыя арміи подходятъ со всѣхъ сторонъ.

Князь. Еще разъ повторю: вы можете брать всевозможныя мѣры къ обратному выступленію, а мы постараемся предупредить васъ. Впрочемъ уже недалеко по время, въ которое мы начнемъ провожать васъ. — Не имѣете ли предложить еще что нибудь?

Лориспонтъ началъ жаловаться на ожесточеніе, произведенное въ народѣ съ намѣреніемъ уничтожить всю надежду на восстановление мира; говорилъ, что несправедливо обвиняютъ Французовъ въ опустошеніи и сожженіи столицы; тогда какъ сами же Московскіе жители были виновниками сего бѣдствія.

Князь сказалъ въ отвѣтъ, что онъ въ первой разѣ въ жизни слышитъ жалобы на горячую любовь цѣлаго народа къ своему опечесиву, народа защищающаго свою родину отъ такого неприятеля, которой нападеніемъ своимъ подалъ необходимую причину къ ужаснѣйшему ожесточенію, и что такой народъ по всей справедливости достоинъ похвалы и удивленія. А касательно сожженія Москвы Князь прибавилъ: „Я уже давно живу на свѣтѣ, приобрѣлъ много опытности воинской и пользуюсь довѣреніемъ Русской націи; и такъ не удивляйтесь, что ежедневно и ежечасно получаю достоверныя свѣдѣнія обо всемъ, въ Москвѣ происходящемъ. Я самъ приказалъ испребишь нѣкоторыя магазейны, и Русскіе по вступленіи Французовъ испребили только запасы екипажей, примѣшивши, что Французы хопятъ ихъ раздѣлить между собою для собственной забавы. Отъ жилищей было очень мало пожаровъ: напропивъ того Французы выжгли столицу по обдуманному плану; опредѣляли дни для зажигательства и назначали кварталы по очереди, когда именно какому надлежало испребишься пламенемъ. Я имѣю обо всемъ весьма точныя извѣстія. Вотъ доказательство, что не жители опустошили столицу: прочныя дома и зданія, которыхъ не можно испребишь пламенемъ,

разрушаемы были посредствомъ пушечныхъ выстрѣловъ. Будете увѣрены, что мы постараемся заплашить вамъ.“ И разговоръ кончился.

Разумѣется, что Лориспонъ не былъ доволенъ такимъ успѣхомъ въ своемъ посольствѣ. Уже давно Французы привыкли о подобныхъ дѣлахъ вести переговоры съ глазу на глазъ, или при весьма немногихъ надежныхъ людяхъ; а шутъ надлежало говорить при двадцати особахъ какъ находившихся при знаменишомъ Вождѣ Россійскомъ, такъ и сопровождавшихъ присланнаго съ хищническимъ препорученіемъ.

Der Patriot.

Извѣстія и замѣчанія.

Въ Монитерѣ отъ 27 го Января объявляется, что Неаполитанскій Король сдалъ начальство надъ арміею Вице-Королю Италіи, „которой имѣетъ болѣе опытности въ управленіи великою частію, и при томъ пользуется *совершенною довѣренностію* Императора.“ И такъ Наполеонъ уже начинаетъ ругать и ближайшихъ своихъ родственниковъ. Мюратъ конечно не имѣлъ охоты для своего любезнаго шурина жертвовать собою вмѣстѣ съ 4000 человекъ, которыхъ все еще называютъ большою арміею; онъ послѣдовалъ

отправиться в Италию, дабы в случае скорой гибели Наполеона спасти для себя что можно.

В том же Монитеръ увбрюющъ; будто бы Даву (которой уже наострилъ лыжи в Кистринъ) собираешъ *наблюдеательной* корпусъ при *Брэмбергъ*, и Магдональдъ (которой уже и изъ Берлина далъ пягу) идетъ в *Познанъ*; далбе; будто Король Прусскій (находящійся нынъ в Бреславлѣ) вновь преобразовываетъ свой корпусъ (какой?) между Колбергомъ и Штешпиномъ; что Лористонъ ѣдетъ изъ Парижа принять начальство надъ *наблюдеательныиъ* корпусомъ при Магдебургѣ (въ которомъ едва ли наберется тысячи двѣ гарнизона); что генералъ Сугамъ, вызванный изъ Испаніи, идетъ съ авангардомъ *наблюдеательнаго* Рейнскаго корпуса ко Франкфурту на Майнъ; что маршалъ Ней (которой также проскакалъ черезъ Берлинъ во Францію) собираешъ в Познани авангардъ *свѣжихъ войскъ*; изъ 40,000 человекъ состоящій; что при Веронѣ собирается *наблюдеательный* же корпусъ, называемый Италіянскимъ. Но какъ здѣсь не за кѣмъ болѣе наблюдашь какъ за Австріей, и поелику сіе извѣстіе могло бы подалъ поводъ къ особеннымъ заключеніямъ; то Монитеръ и прибавляешъ, что Австрійскій Императоръ собираешъ в Галиціи восемьдесятъ тысячъ человекъ и что между дворами Вѣнскимъ и Парижскимъ (прежде Монитеръ говорилъ Парижскимъ и Вѣнскимъ) господствуетъ совершенное согласіе. Но вѣнецъ всѣхъ сихъ лжей составляютъ при письма: в *первоиъ* изъ Мариенвердера Вице-Король

Италіи объявляетъ за сущую небылицу, будто бы его побилъ Графъ Платовъ 8 го Ноября, отнялъ у него пушки и взялъ въ плѣнъ 3700 человекъ; ни одинъ человекъ, по увѣренію Вице-Короля, не взялъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ (и справедливо! ибо плѣнные сперва должны были положить ружья), а пушки онъ самъ покинулъ. Въ *другомъ* письмѣ Маршалъ Даву объявляетъ за совершенную ложь неслѣпое разглашеніе, будто бы корпусъ его въ 16 й день Ноября разбилъ и разсѣялъ; по его словамъ, Наполеонъ незахотѣлъ шутъ заниматься сраженіемъ противъ Русскихъ, которые дѣйствовали на *лыжахъ* и на *саняхъ*. Въ *третьемъ* письмѣ Маршалъ Ней по совѣсти признается, что корпусъ его въ 17 день Ноября парламенстера не посылалъ и въ плѣнъ не отдавался; что всѣ Русскія извѣстія походятъ на сказки, и что Русскіе весною будутъ находить людей тамъ и тамъ — здѣсь исчисленъ цѣлой рядъ сраженій. Но за чѣмъ весны дожидаться? Мало ли въ Москвѣ вышаскано мертвыхъ Французовъ изъ колодцовъ и другихъ мѣстъ? чьими прупами завалены дороги отъ Москвы до Кенигсберга? Между сраженіями господинъ Ней забылъ упомянуть о бишвахъ при Нови и Требии, при Пульсукѣ и Гейльсбергѣ, при Тарушинѣ, Маломъ Ярославцѣ и такъ далѣе. Но зато онъ упоминаетъ о Прейсшъ-Ейлау, какъ будто Французы одержали тамъ побѣду! Наполеонъ думаетъ, что можно ложь сдѣлать правдою, посредствомъ частаго повтора оной.

— Нѣкошорые педанты, желая польстить Наполеону, выводили племя Бонапартовъ отъ

одного древняго рода Греческой Императорской фамиліи, которая называлась *Каломери*. Теперь есть основательная причина произвѣсти Бонапартовъ изъ Фригіи. Древніе Римляне сдѣлали психологическое замѣчаніе: Phryx plagis, ш. е. *Фригіяца исправляютъ поубои*. И Наполеонъ, побывавши въ Россіи, начинаетъ исправляться: уже владѣнія Рейнскихъ Государей называетъ онъ *союзными* державами.

— День рожденія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I, торжествуемый нами 12 Декабря, по календарю новаго стиля бываетъ 25 числа шогожь мѣсяца, слѣдовательно въ самой праздникъ Рождества Христова. По сему случаю въ Лондонѣ сочинены слѣдующіе стихи:

Le jour de Noël 1812.

Le jour, où pour nôtre bonheur
Dieu pour nous daigna descendre,
On celebra un second Sauveur,
Et c'est l'Empereur Alexandre.

Т. е. Въ день, въ которой Богъ благоволилъ приити въ міръ для нашего спасенія, праздновали рожденіе вѣселаго Избавителя — ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА.

— Въ рукописи на Французскомъ языкѣ ходитъ по рукамъ весьма остроумной разговоръ между Нимфою рѣки Сены и Наполеономъ. Корсиканецъ хвастливо рассказываетъ, какія славныя дѣла совершилъ онъ вознамѣрился, а Нимфа, твердитъ ему безпрестанно: *N'allez pas, n'allez pas sur le Boristene!* (не ходи

ко Дибпру, не ходи ко Дибпру)! На конецъ онъ возвращается съ посрамленіемъ, и богиня встрѣчаетъ его насмѣшками.

— Пишутъ въ Англійскихъ листкахъ, что благодѣшельныя слѣдствія удивительныхъ происшествій въ Россіи чрезвычайно скоро оказались въ разныхъ частяхъ торговли Бришанской. Еще въ половинѣ Декабря курсъ ассигнацій тамъ поправился, и многіе повары сдѣлались дороже 20ю, 30ю, даже 50ю процентами.

— Въ Англію доставляется изъ Франціи великое множество разныхъ драгоценностей для сбереженія. Одинъ Талебранъ переслалъ шуда болѣе нежели на двѣсти тысячъ фунтовъ сперлинговъ: каршинъ, рѣдкосей, камней, серебрянныхъ вещей и проч.

— Наполеонъ въ прежнія войны давалъ генераламъ своимъ имена Италіянскія, Нѣмецкія, Испанскія. Не вздумаетъ ли онъ, въ память знаменитаго похода, пожаловать имъ нѣкоторыя и Русскія названія? Мы числосердечно предлагаемъ ему нѣкоторыя, пишутъ Англичане, имѣющія одинакое окончаніе съ безсмертными именами: Кушувовъ, Плавовъ, Чичаговъ. На примѣръ Kill' doff (убитый) Taken-off (взятый въ полонъ), Knock' doff (побитый на голову); а самому Наполеону какъ бы хорошо было принять пишувъ Made-off (убѣжавшій)!

Д. Зусф.

18 Февр. 1813.

О Ш И Б К И.

въ 19 и 20 N No. Вѣстника Европы.
1812 года.

напечат.

читай :

Стран. Стр.

285 28 О да,,небуду

О , да небуду.

300 23 Англійскія
газеты,

Анличанъ въ га-
зетахъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 23 и 24.

Д Е К А Б Р Ъ 1819.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Чертогий случая.

(Аллегорическая повѣсть.)

Нѣкогда я споялъ на распушій вѣ лѣ-
су . . . и увидѣлъ пропину прелестную,
ведущую къ ошдаленнымъ видамъ еще пре-
лестнѣйшимъ. Я слѣдовалъ по излу и-
намъ пропинки; мягкая мурава подспила-
ла подъ ноги мягкой коверъ, и разнообра-
зіе предметовъ заманивало далѣе и далѣе.
Многіе бѣгаютъ по сей дорожкѣ, свѣща къ
цѣли какъ можно скорѣе. Наконецъ я
доспигъ до конца дорожки, и вступилъ въ
прекрасную аллею, за копорой открылось
мнѣ блестящее зданіе. По мѣрѣ моего при-
ближенія увидѣлъ я тѣснящуюся толпу
вокругъ зданія. Конечно тамъ празднество,
думалъ я, и мнѣніе мое имѣло шѣмъ бо-

лѣе върояшности, что въ семь шумномъ спеченіи людей никто не обнаруживалъ знаковь удовольствія. Мнѣ захопѣлось принявъ участіе въ празднествѣ; и меня увлекло въ полпу шайное любопытство; которое побѣждаетъ всѣхъ людей; а философъ еще скорѣе нежели другихъ. Не безъ труда пробился я въ шѣснопу. Тамъ люди съ поропливостію толкали меня впередъ и назадъ, даже ушибали меня съ намбрѣніемъ; и спѣшили опередить другихъ. Правда, что другіе въ свою очередь оппалкивали и опереживали ихъ, по мѣрѣ своего искусства и проворства. Такое волненіе усилило мое любопытство; но я оппчаявался удовольствіемъ ему: какъ вдругъ увлекла и вынесла меня на ступени чертоговъ бурная волна, которая едва не сокрушила меня ударомъ; но за то сокрушила половину труднаго пути. Я выбрался изъ шѣснопы и вступилъ въ чертогъ; чтобы сѣсть и отдохнуть.

Внутренній спражъ подошедъ ко мнѣ, спросилъ: „что вамъ угодно?“ — Охъ! ничего, оппѣспивовалъ я голосомъ упомянаго человека. — „О! сему оппѣспу не вѣряя въ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы находитесь.“ — Когда такъ, государь мой, то объявляю вамъ, что я ищу оппдохновенія и покояшвія. — „И того нѣтъ: Въ здѣшнемъ

мѣстѣ напрасно будете искать его. Но сядѣте. Если вы желаете успокоиться, то не дожидайтесь возвращенія Богини, хозяйки сихъ чертоговъ.“ — А кто хозяйка, если смѣю спросить? — „Имя ея *Богиня случая*.“ — Какимъ образомъ она можетъ мѣшать моему спокойствію? — „Вы, кажется, изъ *новичковъ*?“ — Да, я новъ во многомъ, и почти во всемъ: — „Слишкомъ новы по вашимъ лѣтамъ“ сказалъ онъ, и смотрѣлъ на меня приспально. Не знаю; полюбилось ли ему лице мое, но съ видомъ привѣтливымъ и ласковымъ онъ взялъ меня за руку. „Сдѣлайте мнѣ честь; пожалуйте за мною. Я проведу васъ по чертогамъ Богини.“ — Я слѣдовалъ за нимъ. Онъ отворилъ дверь, и блескъ украшеній изумилъ; очаровалъ, ослѣпилъ меня! Переходя изъ мѣста въ мѣсто, я дивился; и смотрѣлъ на моего пугевода: Конечно ещо волшебство? спросилъ я. „Ничего не бывало;“ отвѣчалъ онъ: „все что вы видите; существуетъ въ самомъ дѣлѣ; но прикраша ложная. Перегляньте все вскользь и скорѣе, если не хотите, чтобы прелестіа исчезла.“ — Я смотрѣлъ на обои, на мебели, на хрусталь; на люстры: все было обманчивое. Серебро и золото поддѣлано; на мѣсто шипья и ткани подложена простая бумага и вырѣзка; въ хрустальхъ и въ брилліантахъ вставлены спеклы и рай-

ки разноцвѣтныя; изъ внутреннихъ покоевъ предсавлена театральная перспектива; а изголовья, постели, диваны и канapé слѣплены наскоро изъ розовыхъ цвѣтговъ, отъ которыхъ не успѣли или забыли опнять колюче шипы.

Ахъ, государь мой! воскликнулъ я къ моему пушеводишелю; за чѣмъ вы здѣсь? „Случайно, отвѣчалъ онъ; я занимаю мѣсто опсуществующаго друга, котораго ничто не можеть вывести изъ заблужденія, и которой сосарѣлся въ службѣ неблагодарнаго случая безъ всякой пользы. Буду говорить вамъ о Богинѣ случая съ опвровенноспію, которая часто ссоритъ меня съ моимъ другомъ. Все, что видите въ семъ мѣстѣ ложнаго и обманчиваго, есть почно вывѣска ея духа и нрава. Вътреная, непоспоянная, своеправная Богиня ласкаетъ васъ, и черезъ часъ васъ опшалкиваетъ. Досаждая, и скучая, сама бѣжитъ отъ васъ первая. Въ ея душѣ, подобно какъ въ ея черпгахъ, все игра и обманъ до самаго ея добросердечія и красопы, но припшности ея влекутъ къ себѣ силою непобдимой.

При первой встрѣчѣ и свиданьи
Летишь душей на встрѣчу къ ней,
И въ легковѣрномъ ожиданьи
Сокровищъ, благовъ, счастливыхъ дней

Стоишь съ надеждой и боязней ;
Но ахъ ! безъ истинной любви .
Она , возсѣвъ на царство казней ,
Пишетъ смертный ядъ въ крови ;
Но всѣхъ улыбкой обольщаетъ ,
Сама ласкаетъ не любя ,
И такъ притворно утѣшаетъ ,
Что забываешь самъ себя .
Въ ея блистательномъ зеркалѣ ,
Гдѣ яхонтъ радугой горитъ ,
Въ подложномъ камнѣ и кристаллѣ
Представленъ чрезъ искусство видѣ
Чистѣйшей дружбы , совершенной .
Сей образъ дивный но пустой
Въ душѣ тщеславьемъ затемненной
Для насъ являетъ свѣтъ другой .
Мы кажемся себѣ счастливы
И чаемъ всѣхъ мудрѣ бытъ ;
А тамъ народъ душою льстивый
Твердитъ , что сладко въ рабствѣ жить .
Но долго ль , долго ль мы въ покоѣ ?
Нѣтъ ; въ мигъ разсѣбешся шуманъ ,
И съ нимъ то облачко злосое ,
Гдѣ свѣтло такъ игралъ обманъ
Восторга , радости и счастья ;
Но чтожъ откроется очамъ ?
Пустыня жизни , мракъ несчастья ;
А ты , — темничный узникъ тамъ .

Темничный узникъ ! воскликнулъ я : о !
государь мой , я нехочу бытъ заключен-
нымъ . Мой пупеводитель не могъ удержаться отъ смѣха . „И такъ бѣгите , ска-
залъ онъ , спасайтесь ; поздно будетъ , ко-
гда Богиня васъ увидитъ .“ — Какая стран-
ная мысль ! Развѣ она приметъ меня за

одного изъ своихъ невольниковъ? — „Конечно.“ — Для чего же вы не боитесь ничего сами за себя? — „Она знаетъ меня давно; но вы для нее новый человекъ.“ — Будьте покойны. Я хочу ее видѣть, не будучи ею видимъ. — „Но знаете ли, что многіе огорчаются шѣмъ, что она ихъ не видѣтъ?“ — О! я не огорчаюсь такими бездѣлками. — „Вы философъ, какъ я вижу, и философъ веселый; но многіе мудрецы вамъ подобные попадали въ ея сѣти.“ — Но и многіе мудрецы мнѣ подобные укрывались отъ ея сѣтей. — „Разумѣю; вы хотите испытать счастье, чтобы имѣть славу побѣдителя искушеній.“ — Можетъ быть я чувствительнѣе въ славѣ, какъ молодой человекъ; имѣть немного самолюбія мнѣ простишело. — „Юный мудрецъ, берегись! возразилъ мой пухеводитель :

Кто самъ ввергнется въ искушенья,
Тотъ мудрымъ въ жизни не бывалъ.
Побѣгъ есть вѣрный путь спасенья;
Но кто, скажи ты мнѣ, бѣжалъ
Изъ царедворцевъ самъ собою?
А развѣ *случай* былъ такъ сprostъ;
Что вывелъ царскою рукою
Его учтиво за порогъ.“

Я хотѣлъ отвѣчать, какъ вдругъ услышалъ великой шумъ и движеніе въ покоѣ, гдѣ еще не спража; и ожидалъ при-

бышя Богини, и сказалъ о томъ моему
 душепроводителю; онъ опвратилъ лице свое.
 „Нѣтъ, ешо идешь къ намъ ея любимица.“ —
 Имя ея? — „Лешицѣя.“ — Ея умъ, обращеніе,
 азыкъ? — „Вы не угадываеше ея свойствъ,
 опвѣчалъ онъ, но характеръ ея пречудный;

Лице ея умно и живо;
 А умъ поверхностью цвѣшетъ;
 Въ душѣ, какъ въ хрусталѣ, игриво
 И люди движутся и свѣтъ;
 Но все на часъ одинъ яснѣетъ,
 Чрезъ часъ все въ облакъ темнѣетъ,
 Скрывается и тѣни слѣдъ, —
 Въ ней капли постоянства нѣтъ.
 Ея и счастье случайно,
 Премѣнчиво подобно ей;
 Сего дня вѣрно, завтра крайно,
 И твердо вновь немного дней;
 Ни въ милости у шрона полной,
 Ни въ гнѣвѣ власти недовольной.
 Ее ты не увидишь ввѣкъ;
 Но слово вымолвитъ забавно, —
 На завтра важный человекъ,
 Ужь слова громко, имя славно;
 Молва гласитъ о ней трубой,
 И льются почести рѣкой.
 Ничто ее не вводитъ въ краску.
 Для выслуги нѣтъ подлыхъ дѣлъ:
 Готова скоморохомъ въ пляску,
 Хотябъ перѣтъ отъ ѣдкихъ спрѣлъ
 Толпы забавниковъ веселыхъ.
 Что мѣсто, милость, или чинъ,
 То новый даръ уловокъ смѣлыхъ;
 Но духъ ея всегда одинъ.

Идетъ, перемѣняя роли :
 То въ верхъ возносится ползкомъ ,
 То съ высоты скользитъ безъ воли ,
 То спустится , и въ низъ бѣгомъ ;
 Всегда сама къ себѣ пристрастна ,
 Съ другими вѣчно самовластна ,
 И съ гибкимъ въ бѣглости умомъ
 Учтиво вами управляешъ ,
 На зло услуги изъясляетъ ,
 Вредитъ вамъ льстивымъ языкомъ ,
 И словомъ мыслишь коловратно ,
 Но говоритъ всегда приятно —
 То вѣрный образъ слабыхъ женъ !
 Ты будешь ею побѣжденъ .

Наконецъ и сама Богиня явилась съ блестящею свисою ; и я безъ труда узналъ Летицію по ея легкому и вольному виду, съ копорымъ она подступила къ своей Царидѣ. Богиня случая, не переставая смотрѣшь на шу и на другую сторону, съ ласковымъ взоромъ, копорый подавалъ обѣщанія и надежды, знакомъ изъяснила ей удовольствіе, наподобіе того какъ мы принимаемъ ласки поспельной собачки. Летиція была въ восхищеніи ; первый миниспръ споялъ съ досадою, и шепнулъ нѣжно на ухо Богини ! „Да, да, пошпорила она, не слыжавъ его рѣчи : все что тебѣ угодно ; но возвратись къ своему дѣлу. Для тебя время дорого.“ — Последнее слово ушѣшило царедворца ; онъ озирается съ тайнымъ удовольствіемъ на безчисленныхъ

свидѣтелей его славы. Богиня обошла еще кругъ женщинъ холодно и безъ привѣтствія. Сѣи дамы, довольно старыя и давно ей знакомыя, не удивлялись ни мало ея холодности, но конечно не отъ философіи, а отъ привычки. Выступя еще впередъ, Богиня замѣшила лице мое, ей неизвѣстное; взоры ея вызывали меня. Тотъ часъ толпа ея невольниковъ раздвинулась и дала мнѣ мѣсто. Я приблизился, но безъ того раболѣпства, которымъ всего болѣе угождають суешной Гарицѣ случая. Ея кокетство усилилось. Она упредила меня, чтобы я готовъ былъ представиться ей черезъ часъ, а между тѣмъ занялась другими лицами въ собраніи.

Тогда шумная толпа, копорая недавно меня ибснила со всѣхъ сторонъ, едва не лежала у ногъ моихъ; каждый извѣвлялъ мнѣ уваженіе, и тысяча незнакомыхъ искали обратись на себя мои взоры. Протекъ часъ, и меня привели въ кабинетъ къ Богинѣ случая. Ахъ! я почувствовалъ всю ея силу и заманчивость. Она говорила, что ей извѣстно мое имя, и что ей было бы пріятно удержанъ меня при дворѣ. Чудно, что ея рѣчь льстила крайне моему самолюбію; но какъ я запруднился отвѣтомъ, то Богиня прибавила: „не заключаю-

ше обо мнѣ по слухамъ; право я спою лучше моей дурной славы. Родясь на по чпобы раздавать милоспи и жаловать любимцевъ случая, я имѣю видѣ непосредственной и вѣтреной богини; но повѣрьте, что я не шакова. Къ тому же нѣкоторыя прискорбїя, неразлучныя съ моимъ достоинствомъ, а особливо скука, пягопяшь меня.“ — Скука! воскликнулъ я съ изумленїемъ. — „Да, скука: развѣ не видите вы ешой скучной толпы, ешихъ дѣлѣ, ешаго убійственнаго царедворца, перваго изъ моихъ чиновниковъ?“ — Развѣ не лзя опблагодарить его? — „Опблагодарить! воскликнула Богиня: епо не возможно.“ — Какъ, спросилъ я, онѣ не разстанется съ вами? — Громкой хохотъ былъ опвѣстомъ Богини. „Боже мой, сказала она, какъ епо смѣшно! Вы очень любезны; вижу, что вы можете услужить мнѣ. Когда вы дадите мнѣ себя видѣшь? Завтра? не правда ли?“ — Кто имѣлъ честь быть вамъ предспавленнымъ, тотъ пользуется не одинъ разв сею честью. — „И такъ ожидаю васъ; не измѣните своему слову.“ — Я опкланялся очень вѣжливо, и сошелъ по лѣспницѣ попаенной въ садъ, а опшуда на чистый и свободный воздухъ въ поле. Тамъ, собравшись съ мыслями, жалѣлъ я, что не видался съ моимъ спражемъ, и не могъ наслаждаться

ся передъ нимъ мою побѣдою. По сему движенію легко удостовѣришься, что побѣда щещеславіе, оспается еще побѣдиль самолюбіе, и что сіе рѣдкое торжествованіе гораздо пруднѣе, а можешь быть и совсѣмъ не возможно.

Съ радостію возвратился я изъ страны, гдѣ надобно, для приобрѣтенія случая, скучашь, или забавляшь, бышь достойнымъ совѣспникомъ *Лелици*, или перваго министра, не имѣшь истиннаго характера и не брашь участія въ другихъ, подобно какъ другіе не берущъ въ насъ участія. Какъ весело обнялъ я своихъ домашнихъ! Меня ожидали искренно, чего не случается ни съ кѣмъ въ томъ мѣстѣ, откуда я вышелъ. Мое уединеніе доказалось мнѣ приятнѣе, мой садъ зеленѣе и душистѣе, улыбка супруги и дѣтей милѣе. Откуда происпекалъ въ душу мою юный источникъ умиленія и радости? Наслаждаясь симъ чувствомъ, искалъ я невольнымъ образомъ причины, и кажешся нашелъ ее:

Цѣмъ былъ для насъ обманъ сильнѣе
Ничтожной суешы мірской;
Тѣмъ духъ склоняешся скорбе
Къ разсудку, къ истинѣ свящой;

И съ чувствомъ полныя свободы,
Съ чистѣйшей радостью живой
Вкушаютъ дары благой природы
И сладкій для души покой.

Съ Франц. В. И.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ.

*(Писано послѣ отдачи Москвы передъ
сраженіемъ при Тарутинѣ.)*

П ѣ в е ц ъ .

На полѣ бранномъ пишина!
Огни между шатрами!
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами!
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружище! руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой,
И съ падшими разлуку!
Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя!
О всемогущее вино,
Веселіе героя!

В о и н ы.

Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя!
О всемогущее вино
Веселіе героя!

П ѣ в е ц ь.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья! уже могучихъ нѣтъ!
Ужъ нѣтъ вождей побѣды!
Ихъ дома вихорь разметалъ,
Ихъ гробы срыли плуги,
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и колчуги! . . .
Но духъ опцевъ воскресъ въ сынахъ:
Ихъ поприще предъ нами!
Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами!

Смотрите: въ грозной красѣ,
Воздушными полками
Ихъ шѣни мчатся въ высотъ
Надъ вашими шапрами!
О *Святославъ!* бичь древнихъ лѣтъ!
Се пвой полетъ орлиной!
„Погибнемъ! мершвымъ срама нѣтъ!“
Гремитъ передъ дружиной!
И ты, невѣрнымъ страхъ, *Донской!*
Съ чепой двухъ соименныхъ
Лепишь погибельной грозой
На рапъ иноплеменныхъ!

И ты, нашъ *Петръ*, въ полкъ вождей!

Внимайте кличь: *Полтава!*

Орды прищельца снѣдь мечей!

И мѣръ отгрянулъ: слава!

Давно ль, о хищникъ! пожиралъ

Ты взоромъ наши грады?

Бѣги! швой конь и всадникъ палъ!

Твой слѣдъ — костей громады!

Бѣги! и стыдъ и страхъ сокрой

Въ лѣсу съ швоимъ Сарматомъ!

Ошчизны врагъ спутникъ швой!

Злодѣй владыкъ браномъ!

Но кто сей рваный великанъ?

Сей витязь Полуночи?

Друзья! на спящій вражій спанъ

Вперилъ онъ спрашны очи!

Его завидя въ облакахъ,

Шумящимъ, смутнымъ роемъ;

На снѣжныхъ Альповъ высотахъ

Возникли тѣни съ воемъ!

Блѣднѣетъ Галъ, дрожитъ Сарматъ

Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взоровъ! . . .

О горе, горе, сопоспашъ!

То грозный нашъ *Суворовъ!*

Хвала вамъ; чада прежнихъ лѣтъ!

Хвала вамъ; чада славы!

Дружиной смѣлой вамъ во слѣдъ

Бѣжимъ на пиръ кровавый!

Да мчится вашъ побѣдный строй

Предъ нашими орлами!

Да сѣтъ, намъ предпеча въ бой;

Погибель надъ врагами!

Наполни кубокъ! мечь во длань!

Внимай намъ, вѣчный мститель! . . .

„За гибель — гибель! брань — за брань!

„И казнь себѣ, губитель!“

В о и н ъ.

Наполни кубокъ! мечь во длань!

Внимай намъ, вѣчный мститель! . . .

„За гибель — гибель! брань — за брань!

„И казнь себѣ, губитель!“

П ѣ с е ц ъ.

Опчизнѣ кубокъ сей, друзья!

Страна, гдѣ мы въ первыя

Вкусили сладость бытiя,

Поля, холмы родныя,

Роднаго неба милый свѣтъ,

Знакомые потоки,

Злашья игры первыхъ лѣтъ,

И первыхъ лѣтъ уроки,

Что вашу прелесть замѣнитъ?

О родина священная!

Какое сердце не дрожитъ

Тебя благословляя!

Тамъ все — шамъ родшихъ милый домъ,

Тамъ наши жены, чада, —

О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ;

Мы жизни ихъ ограда! —

Тамъ дѣвы, прелесть нашихъ дней,

И сонмъ друзей безцѣнный!

И Царскій пронъ, и прахъ Царей,

И предковъ прахъ священный!

За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы!
Да въ ч-дахъ къ родинѣ любовь
Заж уцѣ опцевѣ могилы!

В о и н ы.

За нихъ, за нихъ всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы!
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгушъ опцевѣ могилы!

П ѣ в е ц ь.

Тебѣ сей кубокъ, Русской ЦАРЬ!
Цѣвѣи Твоя Держава!
Священный прѣнѣ Твой намъ олшарѣ!
Предѣ намъ обѣтѣ нашѣ: слава!
Не измѣнимъ; мы опѣ опцовѣ
Прияли вѣрность съ кровью!
О ЦАРЬ! здѣсь сонѣ Твоихъ сыновѣ!
Къ Тебѣ горимъ любовью!
Нашѣ каждый ратникѣ — Славянинѣ;
Всѣ долгу здѣсь послушны;
Бѣжитѣ предѣпель сихъ дружинѣ,
И чуждѣ имѣ малодушный!

В о и н ы.

Нашѣ каждый ратникѣ — Славянинѣ!
Всѣ долгу здѣсь послушны;
Бѣжитѣ предѣпель сихъ дружинѣ,
И чуждѣ имѣ малодушный!

П ъ в е щ ь .

Сей кубокъ рашнымъ и вождямъ!
Въ шапрахъ, на полъ чести,
И жизнь, и смерть все пополамъ!
Тамъ дружество безъ лести,
Рѣшимость, правда, простота
И нравовъ непришворство,
И смѣлость — бранныхъ краса,
И швердость, и покорство!
Друзья! мы чужды низкихъ узъ!
Къ вѣщамъ спезею правой!
Опасность швердый нашъ союзъ!
Одной пылаемъ славой!

Тотъ нашъ, кто первый въ бой летишь
На гибель сопостата!
Кто слабость падшаго щадитъ
И грозно мстишь за брата!
Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ!
Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣженье врагамъ,
Въ среду шумящей брани!
Ему веселье битвы гласъ!
Спокоенъ подъ громами!
Онъ свой послѣдній видитъ часъ
Безспрашными очами!

Хвала тебѣ, нашъ бодрый Вождь!
Герой подъ сѣдичами!
Какъ юный рашникъ, вихрь и дождь,
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами!
О сколь сѣ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ!
И сколь врагу ужасенъ!

О диво! се орелъ пронзилъ (*)
Надъ нимъ небесъ равнины;
Могущій Вождь главу склонилъ! . . .
Ура! кричатъ дружины.

Лети ко прадедамъ, орелъ;
Пророкомъ славной мести!
Мы тверды! Вождь нашъ перешелъ
Пусть гибели и чести!
Съ нимъ опылъ, сынъ труда и лѣтъ!
Онъ бодръ и съ сѣдиною;
Ему знакомъ побѣды слѣды!
Довѣренность Герою! . . .
Нѣтъ, други, нѣтъ не предана
Москва на разрушенъе!
Тамъ стѣны! въ Россахъ вся она!
Мы здѣсь! и Богъ нашъ мщенье!

Хвала сподвижникамъ вождямъ!
Ермоловъ, выпязь юный!
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ!
И страхъ твои перуны!
Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала! передъ рядами
Онъ первый грудь прошивъ мечей
Съ младенцами сынами!

(*) Сказываютъ, что въ самую ту минуту, когда Главнокомандующій, прибывшій къ арміи, выходилъ изъ своей кареты, орелъ показался на высотѣ; Полководецъ снялъ передъ нимъ шляпу; войска закричали: ура! Ж.

Нашъ *Милорадовичъ*, хвала!
Гдѣ онъ промчался съ бранью,
Тамъ, мнишся, смерть сама прошла
Съ губительною дланью.

Нашъ *Витгенштейнъ* Вождь Герой!
Петрополя спасишь,
Хвала! онъ щитъ странѣ родной,
Онъ хищныхъ ордъ смиришь!
О сколь величественный видъ,
Когда передъ рядами
Одинъ; склонясь на твердый щитъ,
Онъ грозными очами
Блудеть противниковъ полки,
Имъ гибель устроитъ,
И вдругъ движеніемъ руки
Ихъ сонмы рассыпаетъ.

Хвала тебѣ Славянъ любовь
Нашъ *Коновницынъ* смѣлый!
Ничто ему полны враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы!
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ
И пышетъ пламень боя —
Онъ веселъ, онъ на гибель зритъ
Съ спокойствіемъ героя!
Себя забылъ — однимъ врагамъ
Готовитъ истребленье,
Примѣръ и ратнымъ и вождямъ
И храбымъ удивленье!

Хвала нашъ вихорь — Ашманъ,
Вождь невредимыхъ, *Платовъ*!
Твой очарованный арканъ
Гроза для сопосшатовъ!

Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь;
Летаешь спракомъ въ пыль врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь!
Они лишь къ лѣсу — ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ спрѣлы!
Они лишь къ мосту — мостъ исчезъ!
Лишь къ селамъ — пышутъ селы!

Хвала, нашъ Неспоръ *Беннингсонъ*;
И Вождь и Мужъ совѣща!
Враговъ блюдетъ не дремля онъ
Какъ змій орелъ съ полета!
Хвала, отважный *Воронцовъ*,
Младый, но духомъ зрѣлый!
И *Торжасовъ*, гроза враговъ,
Во брани посѣдѣлый!
И *Багговутъ*, среди мечей (*),
Средь громовъ безмятежный! . . .
Хвала вамъ, бранный сонмъ вождей,
Опчизны щитъ надежный!

В о и н ы.

Хвала вамъ, бранный сонмъ вождей,
Опчизны щитъ надежный!

П ѳ в е ц ь.

Друзья! кипящій кубокъ сей
Вождамъ, сраженнымъ въ боѣ!

(*) Эти стихи сочинены прежде Тарупинскаго сраженія. Храбрый *Багговутъ* былъ первою его жертвою. Ж.

Уже не придуть въ сомѣ друзей!
Не спануть въ рашномъ спрѣ!
Ужь для врага ихъ грозный ликъ
Не будетъ вѣспникъ мщенья!
И не помчитъ ихъ мощный кликъ
Дружину въ пылъ сраженья!
Ихъ празденъ мечъ, безмолвенъ щитъ,
Ихъ рашники унылы,
И сирѣ могучихъ конь стоимъ
Близъ тихой ихъ могилы.

Гдѣ *Кульневъ* нашъ, рушишель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ, главу на щитъ склонилъ,
И списнулъ мечъ во длани;
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила (*);
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесъ его могила!
И шихъ его послѣдній часъ;
Съ молишвою священной
О милой матери угасъ
Герой нашъ незабвенной!

А ты, *Кутайсовъ*, вождь молодой. . . .
Гдѣ прелести? гдѣ младость?
Увы! онъ видомъ и душой
Прекрасенъ былъ какъ радость!
Въ бронѣ ли грозный выступалъ —
Бросали смерть перуны;

(*) *Кульневъ* убитъ въ 30 верстахъ отъ мѣ-
стечка *Люцина*, гдѣ жила его мать и гдѣ
провелъ онъ свое младенчество. Ж.

Во струны ль арфы ударяль —
 Одушевлялись струны. . . .
 О горе! вѣрный конь бѣжитъ
 Окровавленъ изъ боя;
 На немъ его разбитый щитъ,
 И нѣтъ на немъ Героя (*).

И гдѣ же твой, о Випязь, прахъ?
 Какую взялъ могилу?

Пойдемъ прекрасная въ слезахъ
 Искать, гдѣ пепелъ милой. . . .

Тамъ, чище ранняя роса,
 Тамъ зелень ароматнѣй,
 И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
 И свѣплый день приятнѣй;

И къ ней твой Геній прилетитъ,
 Изъ шайнственнѣй сѣни,

И шепетъ сердца возвѣститъ
 Ей близость дружней шѣни.

И ты, и ты *Багратионъ*?
 Воище друзей молитвы!

Воище ихъ плачь! во гробъ онъ,
 Добыча лютой битвы!

(*) Никто въ арміи не можетъ говорить безъ восхищенія и горести о Кунайсовѣ. Онъ былъ не только храбрый Генералъ, но и весьма ученый человекъ; любилъ словесность и самъ прекрасно писалъ стихи; имѣлъ приятный умъ и рѣдкое добродушіе. Послѣ Бородинскаго сраженія увидѣли его лошадь, покрытую кровью, бѣгающую безъ сѣдока, и долго не могли отыскать его шѣла. Ж,

Еще дружинѣ надежда въ немѣ (*)!
Все мнитѣ: съ одра возстанетѣ!
И робко шепчетѣ врагѣ съ врагомѣ:
„Увы намѣ! скоро грянетѣ!“
А онѣ? . . . на вѣки взорѣ смежилѣ,
Рѣшителѣ бранныхъ споровѣ!
Онѣ въ обласѣ славныхъ воспарилѣ
Кѣ тебѣ, отецѣ *Суворовѣ*!

И честь вамѣ, падшіе друзья!
Ликуйте въ горней сѣни!
Тамѣ ваша вѣрная семья,
Вождей минувшихъ тѣни!
Хвала вамѣ будетѣ оживляѣ
И позднихъ лѣтъ бесѣды;
„Отѣ нихѣ учитесь умираѣ!“
Такѣ скажутѣ внукамѣ дѣды.
При вашемѣ имени вскипитѣ
Вѣ вождѣ решивомѣ пламя;
Онѣ на пвердыню съ нимѣ взлещитѣ
И водрузитѣ шамѣ знамя.

В о и н ѣ.

При вашемѣ имени вскипитѣ
Вѣ вождѣ решивомѣ пламя,
Онѣ на пвердыню съ нимѣ взлещитѣ
И водрузитѣ шамѣ знамя.

(*) Баграціонѣ умерѣ отѣ раны, полученной въ сраженіи подѣ Бородинымѣ. Армія нѣсколько времени надѣялась на его выздоровленіе; но судьба рѣшила иначе. Ж.

П ъ в е щ ь .

Сей кубокъ мщенью! други, въ строй!

И къ небу грозны длани!

Сразить или пасть! нашъ роковой

Обѣтъ предъ богомъ брани.

Вошце, о врагъ, изъ шмы племенъ

Ты зиждешь ополченья!

Они бѣгутъ швоихъ знаменъ

И жаждутъ низложенья!

Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ!

Тамъ стрѣлы и колчуги!

Мы селы въ пепель, грады въ прахъ!

Въ мечи — серпы и плуги!

Злодѣй! онъ лестью приманилъ

Къ Москвѣ свои дружины!

Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ

Съ Кремлевскія вершины!

„Пойду по спогнамъ съ шоржешвомъ!

„Пойду — и все восплещетъ,

„И въ прахъ падутъ съ своимъ Царемъ!“

Пришекъ — и самъ шренещетъ!

Подвигло мщеніе Москву!

Вспылала предъ врагами,

И грянулась на ихъ главу

Губящими стѣнами!

Ведижъ своихъ царей-рабовъ

Съ ихъ снаей въ область хлада;

Пробей шрону среди снѣговъ

Во срѣшеніе глада!

Зима, союзникъ нашъ, гряди!

Имъ запертъ пушь возерашный!

Пустыни въ пепль позади!

Предъ ними сонмы рашны!

Ошвѣдай, хищникъ! что сильнѣй,
Духъ алчности, иль мщенье?
Пришлецъ! мы въ родинѣ своей!
За правыхъ Провидѣнье!

В о и н ъ.

Ошвѣдай, хищникъ! что сильнѣй,
Духъ алчности, иль мщенье?
Пришлецъ! мы въ родинѣ своей!
За правыхъ Провидѣнье!

П ѣ в е ц ѣ.

Святому братству сей фіалъ
Отъ вѣрныхъ братій круга!
Блаженъ, кому Создатель далъ
Усладу жизни, друга!
Съ нимъ счастье вдвое; въ скорбный часъ
Онъ сердцу ушѣенье;
Онъ наша совѣсть; онъ для насъ
Второе Провидѣнье.
О, будь же, други, *святость узъ* —
Законъ нашъ подъ шатрами!
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И живи и паси друзьями!

В о и н ъ.

Друзья! да будетъ *святость узъ* —
Законъ нашъ подъ шатрами!
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И живи и паси друзьями!

П ѣ в е ц ѣ.

Любви сей полный кубокъ въ даръ!
Среди борьбы кровавой,

Друзья, святой пишайте жарь!
Любовь одно со славой!
Кому здѣсь жребій удѣленъ
Знашь тайну страсти милой,
Кто сердцемъ сердцу обрученъ;
Тотъ смѣло, съ бодрой силой,
На все великое лешитъ!
Нѣтъ страха, нѣтъ преграды!
Чего, чего не совершитъ
Для сладостной награды?

Ахъ! мысль о той, кто все для насъ,
Ты другъ нашъ неизмѣнный!
Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
Зримъ образъ незабвенный!
Она на бранныхъ знаменахъ,
Она въ огнѣ сраженья,
И въ шумѣ снана, и въ мечтахъ
Веселыхъ сновидѣнья.
Отвѣдай, врагъ, испоргнушь щитъ,
Рукою данный милой!
Святой обѣтъ на немъ горитъ:
Твоя и за могилой!

О сладость шайныя мечты!
Тамъ, тамъ за синей далью
Твой ангелъ, дѣва красоты,
Одна съ своей печалью;
Груститъ о другѣ, слезы льетъ,
Душа ея въ молитвѣ,
Боится вѣсти, вѣсти ждетъ:
„Увы! не палѣли въ битвѣ?“
И мыслитъ: „скоро ль, дружный гласъ,
„Твои мнѣ слышамъ звуки?“
„Лети, лети свиданья часъ
„Смѣнишь шоску разлуки?“

Друзья! блаженнѣйшая часть
Любезныхъ быть спасеньемъ!
Когдажъ предѣль нашъ въ битвѣ пашь,
Погибнемъ съ наслажденьемъ!
Святое имя призовемъ
Въ минушу смершной муки;
Кѣмъ мы дышали въ мирѣ семъ,
Съ пой нѣтъ и шамъ разлуки!
Туда душа перенесетъ
Любовь и образъ милой!
О други, смерть не все возметъ —
Есть жизнь и за могилой!

В о и н ъ.

Въ потѣ мирѣ душа перенесетъ
Любовь и образъ милой!
О други, смерть не все возметъ!
Есть жизнь и за могилой!

П ѣ в е ц ъ.

Сей кубокъ чистымъ Музамъ въ даръ!
Друзья! онъ въ героя
Вливаютъ бодрость, славы жаръ,
И мечь и жажду боя!
Гремятъ ихъ лиры — шаръ и младъ
Одѣлись въ бранны лапы!
Ничто имъ стрѣль свистящихъ градъ!
Ничто твердынь раскаты!
Пѣвцы, сотрудники вождямъ!
Ихъ пѣсни жизнь побѣдамъ!
И внуки внемя ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ!
О радость древнихъ лѣтъ, *Болиз!*
Ты арфой ополченный

Лешалъ предъ строями Славянъ,
И гимнъ гремѣлъ священный!
Петру возникъ среди снѣговъ
Пѣвецъ, подашель славы!
Честь Задунайскому Петровъ!
О Камскія дубровы!
Гордишься! вашъ *Державинъ* сынъ!
Готовъ свои перуны
Суворовъ, чудо-исполинь!
Державинъ грянешь въ струны!

О Старецъ! да услышимъ твой
Днесъ голосъ лебединый!
Не тщетной славы предъ побой,
Но мщенія дружины!
Простерли не къ добычамъ длань,
Бѣгутъ не за вѣнками;
Имъ подвигъ свящъ! то правыхъ брань
Съ злодѣйскими ордами!
Пой, Лебедь! свергнушь ихъ мечамъ
Съ племенъ поработенье!
Самимъ губителя рабамъ
Побѣды ихъ, спасенье!

Такъ, братья, чадамъ Музъ хвала!
Но я — пѣвецъ вашъ юный! . . .
Увы! почто судьба дала
Не звучныя мнѣ струны!
Доселъ шихимъ лишь полямъ
Моя играла лира!
Вдругъ жребій выпалъ: *къ знаменамъ!*
Прости, и сладость мира,
И опчій край, и кругъ друзей,
И шрудъ уединенный!
И все! . . . Я шамъ, гдѣ спукъ мечей,
Гдѣ ужасы военны!

Но буду ль ваши пѣшь дѣла?
И хищныхъ испребленье?
Бышь можешъ, ждешъ меня спрѣла,
И мнѣ удѣлъ паденье!
Но чтожъ? навѣки ль смертный часъ
Мой слѣдъ изгладитъ въ мирѣ?
Оспанешся привычный гласъ
Въ осирошѣшей лирѣ!
Пускай губишеля во прахъ
Низринешъ месъ кровава . . .
Родитъся жизнь въ ея струнахъ:
И звучно грянушъ: слава!

В о и н ъ .

Хвала возвышеннымъ пѣвцамъ!
Ихъ пѣсни жизнь побѣдамъ!
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

П ѣ в е ц ѣ .

Подыместъ чашу! . . . Богу силъ!
О братья, на колѣна!
Онъ искони благословилъ
Славянскія знамена!
Безильнымъ щипъ Его законъ,
И гибнущимъ спасишель!
Всегда союзникъ правыхъ Онъ
И гордыхъ испребишель!
О братья! взоры къ небесамъ!
Тамъ жизни сей награда!
Ошполь Отецъ незримый намъ
Гласитъ: Мужайшесь, чада!
Безсмертье! шикій, свѣтлый брегъ!
Намъ пушь къ нему спремленье!

Покойся, кто свой кончилъ бѣгъ!
Вы странники, перѣбные!
Блаженъ, кого постигнулъ бой!
Пусть долго съ жизнью хилой
Спарикъ препещущей стопой
Влачится надъ могилой —
Сынъ брани мигомъ ношу въ прахъ
Съ могучихъ плечь свергаешъ,
И бодръ, на молнійныхъ крилахъ
Въ мѣръ лучшей улетаешъ!

А мы! . . . довѣренность къ Творцу!
Чтобъ ни было, Незримой
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непоспимой!
Ему друзья опважно въ слѣдъ!
Прочь низкое, прочь злоба!
Духъ бодрый на дорогъ бѣдъ
До самой двери гроба!
Въ высокой долъ — проспота!
Не жадность въ наслажденьѣ!
Въ союзъ съ равнымъ — право!
Въ могуществѣ — смиренье!

Обѣтамъ — вѣчность! чести — честь!
Покорность — правой власти!
Для дружбы — все что въ мѣръ есть!
Любви — весь пламень спраспи!
Утѣха — скорби! просьбѣ — дань!
Погибели — спасенье!
Могущему пороку — брань!
Безславному — презрѣнье!
Неправдѣ — грозный правды гласъ!
Заслугѣ — воздаянье!
Веселіе — въ послѣдній часъ!
При гробѣ — упованье!

О, будь же, Русской Богъ, намъ щитъ!
Прострешь Твою десницу —
И мститель, громъ швой раздробишь,
Коня и колесницу!
Какъ воскъ передъ лицомъ огня
Растаетъ врагъ предъ нами!
О страхъ карающаго дня!
Бродя окрестъ очами;
Речешъ пришлецъ: „враговъ я зрѣлъ,
„И мнилъ: земли имъ мало!
„И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
„Протекъ — враговъ не стало!“

В о и н ы.

Речешъ пришлецъ: „враговъ я зрѣлъ!
„И мнилъ: земли имъ мало!
„И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
„Протекъ — враговъ не стало!“

П ѣ в е ц ь.

Но свѣтлыхъ облаковъ гряда
Ужь упрю возвѣщаетъ;
Уже восточная звезда
Надъ холмами играетъ;
Рѣдѣетъ сумракъ; сквозь шуманъ
Проглянули равнины,
И дальній лѣсъ, и шихій станъ,
И спящія дружины!
О други, скоро! . . . день грядешъ;
Недвижны рапи бурны,
Но рокъ ужъ жребіи беретъ
Изъ шаинспвенной урны!

О новой день! когда швой свѣтъ
Исчезнетъ за холмами,

Сколь многихъ взоръ нашъ не найдетъ
Межъ нашими рядами,
И се блеснулъ! . . . Чу! . . . вѣсповой
Перунъ по холмамъ грянулъ!
Внимайте! въ полъ шумъ глухой!
Смотрите! спанъ воспрянулъ,
И кони ржущъ, грызя бразды;
И строй сомкнулся съ строемъ;
И вождь лешихъ передъ ряды;
И пышетъ ратникъ боемъ!

Друзья! *прощанью* кубокъ сей!
И смѣло въ бой кровавой
Подъ вихоръ спрѣлѣ, на рядъ мечей,
За смертью, иль за славой! . . .
О вы, копорыхъ и вдали,
Боготворимъ сердцами!
Вамъ, вамъ всѣ блага на земли!
Будь Промыселъ надъ вами;
Всевышній Царь! благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здѣсь вѣрныя любви,*
Тамъ, сладкаго свиданья!

В о и н ы.

Всевышній Царь! благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здѣсь вѣрныя любви,*
Тамъ, сладкаго свиданья:

В. Жуковскій.

Къ портрету Свѣтлѣйшаго Князя.

Купузовъ! образъ твой Россія и вселенна
На олтарѣ сердецъ потщашся утвердить;
Святая истина, тобой возснановлена,
Въ вѣкахъ твоихъ дѣла должна изобразить.
Ты памятникъ себѣ воздвигъ не изъ мешалловъ;
Ты цѣпи снялъ съ Царей, народы свободилъ;
Ты гиду низложилъ богопрошивныхъ Галловъ;
Ты истребишеля вселенной истребилъ!

Н. И. Писар.

А к р о с т и ж ъ.

Нерона злобѣе, Калигулы гнуснѣе,
Апиллу лютостью, коварствомъ превзошелъ;
Шилъ кровь, ругался всѣмъ что въ мѣрѣ есть
святѣе,
Ограбивъ свой народъ, чужими завладѣлъ,
Лія коварства ядъ, союзы расторгая,
Европу въ дику степь хотѣлъ преобразить;
Опличень звѣрствомъ былъ, въ вѣкахъ бли-
спать мечтающая:
Но что всего страннѣй — мнилъ Россю по-
корить! . . .

Н. И. Писаревъ.

Сулружняя вѣра.

(Подражаніе Шанфору.)

Благочестивый мужъ! сколь вѣрою безмѣрной
Въ немъ успокоенъ духъ на самый женнинъ
счѣтъ!

Обманушъ такъ въ любви, увѣренъ такъ въ
невѣрной! . . .

Ахъ! еслибъ Гименей далъ кляшвенный обѣтъ
Принестъ мнѣ то же ослѣпленье,
Тожъ благодатное смиренье;
То честью вамъ клянусь,
Что завшра, съ радосією, женюсь.

В. И.

Городъ и деревня.

(Подражаніе Марціалу.)

Мой другъ! изъ Рима я на вѣки удалился:

Ты, сынъ роскошный, изумился;
Градскія зданія, великолѣпный Римъ,
Рысисый бѣгъ коней впряженныхъ въ коле-
сницы,

Всѣ игры пышныя столицы
Оставишь и бѣжать! Но будь судьей моимъ:
Я въ Римѣ скудный кровъ и уголъ небогатый
Цѣною злата откупалъ;

А въ сельскихъ куцахъ и безъ плашы
Обишель для себя обширную снискалъ.

В. И.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

~~~~~

О прекрасномъ.

(Продолженіе.)

Въ прошедшее Чтеніе имѣлъ я честь предложить вамъ, ММ. ГГ. о высокомъ какъ въ природѣ, такъ и въ сочиненіяхъ. — Теперь позвольте мнѣ осмѣливъ сію выспренность генія, хотя блистательную, но мгновенную, — для наблюденія другихъ удовольствій вкуса. — Изъ горнихъ предѣловъ, гдѣ созерцали мы величіе неба и пареніе орловъ, спустимся на цвѣшущій, пышный лугъ, украшенный всѣми прелестями весны и лѣта. Оми величественныхъ чудесъ и ужасовъ творенія. низойдемъ въ прекрасной разнообразной садъ, въ земной рай, въ копоромъ щедрая Природа разсыпала всѣ свои сокровища; гдѣ стройность и порядокъ расположили ихъ; гдѣ любовь и радость манятъ къ наслажденіямъ; небо безъ пучъ, безъ порывовъ бури, блистательно и крошно; — бархатная долина испещрена безчисленными цвѣтами, разливающими благовоніе; вдали зеленѣютъ горы,

покрытыя сѣнолиственными древами; слышно приятное журчаніе источниковъ, извивающихся по лугу; — солнце склоняясь къ западу, не обливаешь насъ пламенными лучами; въ ближнемъ лѣсочкѣ улыбаешься тѣнь спокойствія. А шамъ, взявшись рука за руку, шествуютъ величественной царь природы, человекъ съ прелестною своею подругою, съ послѣднимъ и совершеннымъ твореніемъ Всемогущаго. . . . Вы безъ сомнѣнія угадали мое намѣреніе: мы теперь будемъ бесѣдовать о красотѣ.

Предметъ неиспощимой въ своемъ богатствѣ, необъятной въ разнообразіи, превышающій мои силы! — Но я осмѣлюсь сдѣлать нѣкоторыя помяну объ немъ замѣчанія, особливо относящіяся къ образованію вкуса, и надѣюсь на свисходительное ко мнѣ благоволеніе почтеннѣйшихъ слушателей, а болѣе почтеннѣйшихъ слушательницъ. Онъ исключительно мои судьи: ибо имъ принадлежитъ прекрасное! . . . .

Прекрасное послѣ высокаго конечно болѣе всего льститъ нашему воображенію. Движеніе сердца, имъ возбуждаемое, весьма удобно можно отличать отъ того, которое производитъ въ насъ высокое: оно гораздо спокойнѣе, тише; оно разливается

въ душѣ нашей какую-то приятную явность. Впечатлѣніе высшего быстро и скоро-преходяще; впечатлѣніе прекраснаго удерживается гораздо долѣе. Предѣлы его обширнѣе; оно несравненно разнообразнѣе въ родахъ, видахъ, въ степеняхъ. — Всѣ чувствуютъ прекрасное; однако нѣтъ ничего столь мало опредѣленнаго, какъ слово: *красота*. Его приписываютъ всѣмъ предметамъ, которые дѣлняютъ слухъ или зоръ, всѣмъ приятнымъ сочиненіямъ, всѣмъ добрымъ свойствамъ и дѣйствіямъ нашего духа, и даже предметамъ и знаніямъ отвлеченнымъ. — Какимъ образомъ открытъ, при столь величайшемъ разнообразіи вещей, общее, принадлежащее всѣмъ имъ качество, посредствомъ котораго производятъ онѣ въ насъ приятное впечатлѣніе? — Это почти невозможно. — Еще прежде, говоря о выборѣ въ подражаніи, имѣлъ уже я честь замѣтить, что всѣ предметы, называемые прекрасными, нравятся намъ не столько сами по себѣ, сколько по отношенію ихъ къ намъ; скажемъ короче: приятность ихъ основана на различныхъ началахъ собственной нашей природы. — Это тѣмъ вѣрнѣе, что, при полномъ разнообразіи предметовъ, чувство, возбуждаемое ими въ сердцахъ, кажется всегда одно и то же; не смотря на разность

причинѣ, мы всегда ощущаемъ какую-то сладость, какое-то крошечное, любезное удивленіе въ душѣ, остановившей свое вниманіе на предметѣ приятномъ. —

Человѣкъ сперва наслаждается, послѣ того начинаешь изслѣдывать свои наслажденія, съ намѣреніемъ ихъ умножить, увеличить. Подобно Невтону, раздробляющему лучи солнечные, беретъ онъ умственную призму, и начинаешь раздроблять и сравнивать прекрасные предметы, его поразившіе. — Конечно, съ его разсужденіями въ это время случается то же, что съ чувствами воспорженнаго любовника: то есть, ему все кажется прекраснымъ въ предметѣ, который произвелъ приятное впечатлѣніе. Однако были такіе холодные и оспорожные умы, которые оставили намъ оспроумившія предположенія, дабы обьяснить общее всѣмъ предметамъ свойство красоты. Упомяну объ одномъ изъ нихъ. Говорятъ, что основа или существенность прекраснаго состоитъ въ *однобразіи*, или *единствѣ*, *являющемся среди разнообразія*. — Великолѣпной домъ съ флигелями и другими частями своими, находящимися въ равномъ разстояніи, въ одинакомъ отношеніи къ главному предмету, или, какъ говорятъ, въ симметріи; — двѣ горы, стоящія одна

прошивъ другой, и замыкающія въ себя тысячу приятныхъ сельскихъ видовъ, представляющихъ родъ нѣкоего сада; однимъ словомъ: красаа большей части фигуръ можетъ быть такимъ образомъ исполкована. Душа наша при семъ случаѣ наслаждается двумя способами: — она пребываетъ всегда новой пищи, съ удовольствіемъ переходить отъ одного предмета къ другому, и никогда не хочетъ видѣть конца: вотъ удовольствіе разнообразія. — Но она же по слабости своей можетъ и упоминаться; а потому, надобно щадить ее, то есть, переводить ее отъ предмета къ предмету по взаимнымъ ихъ связямъ и отношеніямъ между собою, и къ одному цѣлому. — Какое для нее наслажденіе, когда она можетъ, разбирая предметы опдѣльно, вдругъ увидѣть, обнять ихъ однимъ взоромъ, какъ нѣчто цѣлое! — Вотъ удовольствіе однообразія или единства. — Впрочемъ есть многіе предметы, въ которыхъ никакъ не можно прировнять сей системы; таковы на примѣръ: *цвѣты и движеніе*. Красаа самыхъ фигуръ зависитъ не всегда отъ сліянія разнообразія и единства: однѣ прелестны, не будучи разнообразны; другіе скучаютъ своей простотою. — Не станемъ привязываться къ системамъ; будемъ смотрѣть просто на Природу, будемъ разбирать соб-

спвенныя свои прищныя впечатлбнїя , шакъ чшобы усиля ума не охлаждали ихъ , неогорчали ихъ сладости. — Пробъ-жимъ предметы, наиболѣе поражающіе насъ своею красою; — можетъ быть, и удаст-ся намъ что-нибудь замѣнить въ нихъ общее прекрасное. Но съ чего начать? Конечно съ цвѣшовъ, которыми украшае-ся весна, которыхъ не пренебрегаютъ са-мыя Граціи; сама Любовь, не имѣющая нужды ни въ какихъ уборахъ, часто яв-ляется въ вѣнкъ изъ розъ, незабудокъ и лилій, собранныхъ на лугахъ маленьки-ми Амурами, — съ цвѣшовъ, которыми убираетъ Геній Поезію, которые были пер-вой жертвою Существу всемогущему и благому, принесенною человѣкомъ! Посмо-трише, съ какой роскошью обременена ими золотая лира Державина, какъ нѣж-но и легко приколошы они ко груди Богда-новичевой Душеньки, какъ осторожно и нехотя гордятся ими Дмипріева Сказки. И шакъ начнемъ съ цвѣшовъ, — эмбле-мы юности и красоты! —

Что представляетъ намъ *цвѣтъ*? — Характеръ красоты самой проспой. — Нѣтъ ни разнообразія, ни однообразія, ни другаго начала, которое можно бы было признашь началомъ красоты его. На-добно думать, что прелестъ цвѣшовъ за-

виситъ отъ строенія глаза, принимающаго нѣкоторыя образованія лучей съ большею приятностію нежели другія. Сколь различны у разныхъ людей степени чувствительности въ органѣ глаза, столь же различенъ и выборъ въ цвѣсахъ. Но отъ одного ли етого онъ зависитъ? — Очень вѣроятно, что *совокупленіе идей или средство ихъ* имѣетъ на сей выборъ великое вліяніе. Нѣжная супруга, ожидающая своего любезнаго съ поля чести, смотритъ съ удовольствіемъ на зеленой цвѣтѣ надежды; имъ препоясанъ легкой станъ ея; онъ же и въ намѣ ея перспія. Зеленой цвѣтѣ самъ по себѣ приятенъ, возбуждая въ нашемъ воображеніи картины сельскія, юность природы. Счастливая любовь украшаетъ себя розами: — на нихъ взираемъ съ удовольствіемъ, вспоминая свое счастье; на нихъ взираемъ, и сладко сѣтуемъ, воображая скоротечность его. — Бѣлой сливается съ мыслию нашей о простотѣ и невинности: ето цвѣтѣ Ангеловъ. Голубой возобновляетъ въ нашемъ воображеніи картину неба чистаго и яснаго, — Къ сему можно присовокупить еще замѣчаніе, похищенное изъ святилища красоты, или все равно съ шулетовъ красавиць: всѣ цвѣты блистательные, яркіе не столь приятны сколько тѣ, которые нѣжны, или имѣютъ нѣж-

ныя опшѣнки. Вѣрной и тонкой вкусом прелестнаго пола занялъ епо правило отъ самой Природы. — Такими цвѣтами украшаетъ она нѣкоторыя неподражаемыя свои творенія, напр. перья птицъ; таново же богатое разнообразіе цвѣтовъ, которыми облакается небо, встрѣчая солнце, выходящее изъ багрянаго шапра зари упренней, или провождая его въ золотыя черпоги запада! — Зрѣлище очаровательное, которое во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ было любимѣйшимъ подлинникомъ для живописной Поезїи! —

Какое зрѣлище! какой прекрасный пиръ
 Открылся всей ему Природы!
 Онъ видѣлъ землю вдругъ, и небеса, и воды,
 И блескъ планетъ,
 Тонуцій тихо въ юный рдяный свѣтъ.
 Онъ зрѣлъ, какъ солнцу пушь заря уготовляла,
 Лиловые ковры съ улыбкой разшилала,
 Врапа востока отперла,
 Крылашыхъ коней запрягла,
 И звѣздъ царя, сего вѣчнаго возницу,
 Румяною рукой взвела на колесницу;
 Какъ хоромъ упренныхъ часовъ окружена,
 Подвинулась въ сею пушь она,
 И возшумѣла въ слѣдъ съ колесъ ея волна;
 Багряны возжи наприглись
 По конскимъ блестящимъ хребтамъ;
 Летятъ вверхъ, пышутъ огонь, свѣтъ мещутъ
 по странамъ,
 И мглы подъ ними улеглись,
 Изъ коихъ выблищихъ сѣдинъ,

Челомъ сверкая золотымъ,
 Возстали горы изъ долинъ,
 И воскурился сверхъ ихъ понкій дымъ.
 Онъ зрѣлъ, какъ свѣша Богъ съ морями лишъ
 сравнялся,
 То алый лучъ на нихъ восколебался,
 Посыпались со скалъ
 Рубины, яхонты, кристалъ;
 И бисеры перловы
 Зажглися на вѣтвяхъ;
 Багряны тѣни, бирюзовы,
 Слилися съ элапомъ въ облакахъ; —
 И все сіяніе покрыло!
 Онъ видѣлъ, какъ сіе божественно свѣшило
 На высоту небесъ взнесло свое чело,
 И пропащей лице лучами разцвѣло: —
 Открылося морей огнисто пропаяенье. . . .

Отъ *цвѣтовъ* перейдемъ къ *фигурамъ*,
 которыя представляютъ намъ красоту въ
 великомъ количествѣ предметовъ. *Правильность*
 прежде всего обращаетъ на себя
 вниманіе; правильною фигурою называю ту,
 кою частью образованы по одному чер-
 тежу или правилу, сохраненному во всемъ
 составѣ цѣлаго. Многія правильныя фи-
 гуры приятны взору и воображенію; но не
 можно сказать, чтобы всѣ фигуры нрави-
 лись исключительно своею правильностію,
 и чтобы она была основою красоты; —
 приятное разнообразіе есть источникъ го-
 раздо обильнѣйшій прекраснаго. Умѣнье
 управлять симъ разнообразіемъ, сохраняя

въ немъ мѣру, есть главное средство очаровывать взоры наши! Вѣроятно, что правильность нравилися намъ пошому, что возбуждаетъ въ воображеніи нашемъ мысли о порядкѣ, справедливости, точности, приличіяхъ и пользѣ; ибо всѣ сіи качества ума и шцанія имѣютъ отношеніе къ образамъ правильнымъ и пропорціональнымъ. — Впрочемъ, человекъ слишкомъ правильной въ своихъ поступкахъ, молодая женщина слишкомъ и безпрестанно правильная въ словахъ своихъ, сочиненіе слишкомъ правильное, домъ правильной очень хороши . . . но не всегда прекрасны. Можетъ быть, особенная привязанность Ломоносова къ сей правильности въ его одахъ, всегда располагаемыхъ по планамъ спрогимъ и виднымъ, причиною того, что для многихъ онъ не столько нравилися, сколько Державинъ, всегда свободный, всегда разнообразный. Природа, сей безъ сомнѣнія искуснѣйшій художникъ, знающій совершенно шайну нравилися, въ сосщавленіи и украшеніи вещей вездѣ почти предпочитаетъ разнообразіе правильности. Окна, двери, жищница, имѣя цѣлю пользу, должны сохранять правила и отношенія пропорціи; но мы видимъ чрезвычайное разнообразіе въ цвѣтахъ, листьяхъ и шравахъ. — Прямой каналъ, проведенный по веревкѣ, отвращающеленъ въ сравненіи съ рѣкою, извивающеюся въ долину, между

двумя рядами горбъ возвышенныхъ. — Пирамиды прекрасны; но какъ жалко смотрѣть на бѣдныя деревья, обрѣзанныя пирамидами и конусами! И какъ онѣ прелестны въ натуральной своей свободѣ! — Для удобства жителей нужно, чпобѣ домѣ всегда расположенъ былъ правильно: но садъ, опредѣленный для удовольствія, потерялъ бы очень много, если бы онѣ расположенъ былъ также какъ домѣ. — Какъ скучно, сгавъ на одномъ концѣ сада, чрезъ прямую аллею видѣть мучительную загородку, которая ограничиваетъ мое зрѣнiе, и говоритъ душѣ моей, что она въ оковахъ, стѣснена! . . . Видѣть неограниченно значить въполнѣ обладать и наслаждаться; но зная, гдѣ конецъ, я уже разочарованъ и наслаждаюсь въ половину. — Не по ли же было бы съ нами на епой, болѣе или менѣ цвѣтущей аллей жизни? — Милосердый Творецъ нашъ, желая чпобы мы наслаждались ею, скрылъ отъ насъ конецъ ея, — часъ смерти; мы увѣрены, что онѣ есть: но очарованiя, окружающiя насъ повсюду, гонящъ отъ насъ сiю мрачную мысль: по виды честполюбiя, по виды корысти, по виды прелестей показывающся намъ на каждомъ шагу: мы уклоняемся по въ шу, по въ другую сторону, не думая о будущемъ, закрытомъ въ синей отдаленности. Однимъ видомъ наскучили, несемъ

ся къ другому. . . . И такъ въ разныхъ переходахъ, — по по лѣсочкамъ любви и удовольствій, по по зыбкимъ мостикамъ знаменности и почестей, по кремнистою пролою несчастія, шествуемъ нечувствительно до шѣхъ поръ, пока спанемъ на краю *рва*, ограничивающаго поприще нашей прогулки въ этомъ мѣрѣ! — Такъ благоизволилъ всевышній Учредитель верхограда сего! такъ нопшупающъ маленькіе верхоградари въ маленькихъ садахъ своихъ, дабы удовольствовать врожденное спремленіе наше къ маленькимъ приятностямъ. Гогаршъ въ своемъ *Разборъ красоты* говоритъ, что фигуры, опредѣленныя кривыми линіями, вообще несравненно прекраснѣе шѣхъ, копоры ованчиваются прямыми линеями и углами. — Онъ представляетъ двѣ линіи, кои, по его мнѣнію, соспавляютъ красоту фигуръ: одна *извивающаяся* или кривая линея, копорая по удаляешь отъ примаго своего направленія, по приближается къ нему; — онъ называетъ ее *линією красоты*. — Она видна въ цвѣпахъ, въ раковинахъ, въ станѣ и спроеніи чловѣка, какъ прекраснѣйшаго шворенія природы; живописецъ, ваятель, изображавшіе мужесшвенныя красоты Аполлона, и очаровательныя прелести Венеры Медиційской, во всѣхъ черпахъ сохранили сію линію. Другая линія называется *линією прият-*

ностей; она ша же самая, обвиняя во-
 кругъ твердаго шѣла: шаковы колонны, со-
 спавающія украшеніе лицевой спороны
 зданія. И шакъ разнообразіе можно почестъ
 существеннымъ началомъ красоты; ибо
 главная прелестъ линей кривой, сполько
 предпочитаемой живописцами, состоитъ
 въ непрерывныхъ уклоненіяхъ, копорыя
 отдаляютъ ее отъ грубой правильности
 линей прямыхъ.

Движеніе есть другой источникъ кра-
 соты. — Движеніе безъ всякихъ другихъ
 пособій само собою нравится; и шѣла дви-
 жуціяся, или въ дѣйствіи находяціяся,
 предпочитаются шѣламъ неподвижнымъ.
 Прекрасное допускаетъ шолько умѣренное
 движеніе; если оно слишкомъ быстро, или
 насильственно, каковы напр. порывы раз-
 лившихся весной водъ; тогда принадле-
 житъ къ высокому. — Приятно смотрѣть
 на пшцу, которая плыветъ плавно и ши-
 хо въ предѣлахъ горныхъ; быстрей полетъ
 молніи величественъ и ужасенъ. Вы из-
 волише замѣтитъ, какъ близко здѣсь сте-
 кающіяся высокое и красота. Теченіе рѣки
 спокойное, ровное, есть одинъ изъ прекрас-
 нѣйшихъ предметовъ Природы; но когда
 она выходитъ изъ береговъ, наводняетъ
 долину, съ ревомъ низпровергаетъ все встрѣ-
 чающееся: деревни, дома и сграда; —

погда прекрасное исчезаетъ, оспаешся высокое. Молодое деревцо нравится; древній вѣтвистой дубъ возбуждаетъ нѣкоторое благоговѣнїе. — Чистое небо на зарѣ упренней очаровашельно, прелестно. — Звѣздная ночь — величественна. Замѣчено, между прочимъ, и совершенно справедливо, что движеніе прямое менѣе прекрасно, нежели движеніе искривленное или волнистое; движеніе въ верхъ болѣе приятно нежели движеніе въ низъ; — въ епомъ особенно удостоивряющъ насъ всѣ временно поржешествующіе честполюбцы, парящїе и ползущїе на высоты счастья. Взвивающїйся къ небу пламень, дымъ клубящїйся волнами надъ жижиной — прекрасныя зрѣлища. Всѣ движенїя необходимы, имѣющїя предметомъ пользу, совершаются по прямымъ линеймъ; всѣ предпринимаемыя для украшенїя, для удовольствїей, слѣдуютъ въ линейхъ уклоняющихся. Трудъ, знанїе и правота идутъ первою дорогою; — льстецъ, невѣжа и праздной выбрали себѣ другую. Балешы и шанцы доказываютъ то же. Орлы лешаютъ прямо или въ большихъ кругахъ. Голубки, Амурь, Граціи вьются, кружатся около насъ, и опускаютъ сердца съшьями своими.

И такъ цвѣтъ, фигура, движеніе, сами по себѣ суть начала красоты; но ихъ соединенїе въ большей части предметовъ

дѣлаетъ ее болѣе полною, совершеннѣйшею. Кустарники, деревья представляющъ вдругъ нѣжность цвѣтовъ, приятность фигуры и движенія при умѣренномъ вѣтрѣ. Нѣжной цвѣтъ лица, стройность спана, живость характера, составляютъ главные основы красоты женской. — Представыте себѣ Терпсихору, танцующую на лугу въ хорѣ чистой Діаны. Легкими споами своими она едва преклоняетъ головки цвѣтовъ и правъ; она лезаетъ; скромная, спыдливая улыбка сообразуется съ благородными и вмѣстѣ прелестными движеніями рукъ ея; персты нежатые, нераздѣленные, показываютъ какое-то упоеніе чувствованій, свободное, но тихое; глава преклонена на одно плечо; легкая, бѣлая одежда, какъ пуманъ упреннѣй, препоясана златымъ поясомъ: — она волнуется, и въ движеніяхъ своихъ показываетъ удивительную стройность прекраснаго спана; — иногда возвышая величественно, иногда преклоняя свою голову ухищренно и робко, она мететъ на васъ взоръ свой, сей всеговорящій взоръ, — по спыдливый, по пламенный, по исполненный какого-то сладостнаго помненія. Ничто не смѣетъ вздохнуть; каждой боится поперять малѣйшее ея движеніе: и взоры и души слѣдуютъ за нею безпрестанно.

Собраніе красотъ , соединенныхъ вмѣстѣ , самое полное , какое только можешь представить природа , есть безъ сомнѣнія прекрасной сельской видъ , обогащенный многообразіемъ приятныхъ предметовъ. — Вы видите поле , украшенное цвѣтами ; еще упреннѣе брилліанты свѣтятся на ихъ листьяхъ. — Вокругъ разбросаны маленькія рощицы , копорыя , подобно веселымъ семействамъ , будучи подвижны въпромъ , шумяшъ , какъ будто разговаривая между собою ; — долину раздѣляетъ рѣка ; на берегу ея видите молодаго челоѵка , держащаго удочку , которая наклонилась крупно дугою : знакъ благопріятной. — Вдали мостъ , по которому погонщикъ идетъ за тяжелой возомъ. Недалеко хижина , окруженная деревьями ; надъ нею вѣется голубой дымъ. — Въ отдаленіи великолѣпное зданіе , кровля котораго , отражая лучи солнечные , кажется пламенною ; горы , еще не возставшія изъ мрака ночнаго , ограничиваютъ горизонтъ. — Представляя сѣи предметы , мы наслаждаемся вдругъ и постепенно всѣми чувствованіями , возбуждаемыми красотою въ высочайшемъ совершенствѣ. — Тѣ , которые не имѣютъ взора и вкуса образованнаго , опытнаго въ выборѣ сихъ сценъ , которые не имѣютъ богатаго воображенія , тѣ никогда не усилятъ въ стихотворныхъ описаніяхъ. —

Красота физиономіи человѣческой болѣе сложна нежели всѣ шѣ, которыя основаны были доселѣ наше вниманіе. — Въ ней заключается красота цвѣта, состоящаго въ нѣжности опшѣнковъ и въ краснѣ фигуры, или различныхъ чертѣ, ее составляющихъ; но главная прелесть лица — черпаніе состоящихъ въ какой-то выразительности, которая, кажется, обнаруживаетъ наклонности души, или расположенія сердца, умъ, кропость, живость, опкровенность, чувствительность, благорасположеніе и всѣ другія любезныя качества человѣка общественнаго. Какая причина заставила предполагать споль близкое опношеніе между чертами лица и нѣкоторыми свойствами душевными? — Инстинктъ, или опытъ заставилъ насъ оплнчать сіе опношеніе, и судить о чувствахъ сердца по движенію, по начерпанію лица? — Не мнѣ судить объ епомъ; довольно сказать, что всѣми уже принято и признано, что красота физиономіи болѣе всего состоитъ въ помъ, что называется выразительностію. — Лице неговорящее, какъ бы оно правильно ни было, по же что гѣроглифъ Египетской, я смотрю на вырѣзанныя фигуры и незнаю, что объ нихъ подумаешь; — онѣ мнѣ чужды.

Чтобы судить о красотѣ человѣка, надобно знать, какое намѣреніе имѣла Природа при его сотвореніи. Она хотѣла, чтобы онъ способенъ былъ шрудиться и сражаться; питать и защищать робкую свою подругу и слабыхъ дѣшей своихъ. Спанъ и чершы человѣка показываютъ дѣшельность, силу, смѣлосшь, мужесшво. Мышцы гибкія и сильныя, образованіе опкрытое, формы, показывающія крѣпосшь и удобность дѣшельности перпѣливой и быспрой; спанъ, кошораго величавосшь и спройность не имѣешъ ничего изнѣженнаго, слабого, шяжелого; шѣсное опношеніе одной часши къ другой; во всемъ симметриа, равновѣсіе ешоль совершенное; что всѣ механическія работы для него легки и свободны; чершы лица, изображающія благородную гордосшь, самонадѣянность, опвагу, доброту, нѣжность, чувспшительность; глаза, въ которыхъ блисшаетъ душа и крошкая и великая; уста, готовые улыбаться любви и природѣ: все ешо сосшавляетъ характеръ прекраснаго мушны! — Сказать, что мушина прекрасенъ, значитъ сказать, что Природа, сотворяя его, знала что дѣлала, и сдѣлала, что хотѣла. —

Я обращаюсь къ изображенію прекраснаго, кошоров было послѣднимъ швореніемъ Всемогущаго. Съ робосшю и недоумвнїемъ

дерзаю изловить инокоторыя покломо черпты прелеснѣйшей подруги человека; ибо кшо ихъ всѣ въ силахъ исчислишь! —

Рожденная бытъ супругою и матерью, для покоя и удовольствія, для умягченія, — скажу болѣе — для образованія нравовъ мущины, для его счастья, — она сидитъ въ уединенной комнатѣ своей, занятая свойственнымъ прелестному полу рукодѣльемъ. Не буду говорить о красотѣ наружной; она, зависитъ отъ мнѣній различныхъ; она болѣе временна, нежели красота мущины; но за шо женщина едва ли не превосходитъ его въ сильномъ чувствованіи дружбы, иближайшаго участія и самаго пламеннаго доброжелательства; — ешо было намѣреніе, съ копорымъ создала ее Премудрость предвѣчная, пекущаяся о благѣ семейства. Въ чемъ же, спросите, красота ея? — — — Взорѣ, видѣ, пощупки: все обнаруживаетъ въ ней крошечь любезнѣйшаго владычества. Двѣ могущественнѣйшія прелести любви, спрасть и спыдливость, обнаруживающія въ ней милою чувствительностію и скромностію. Мущина взираетъ на нее, какъ на возмездіе благородной и пруднѣйшей побѣды; онъ хочетъ сыскать въ ней любовницу, а не рабу; она являешя ему, украшенная не столько наружными своими прелестями,

сколько чистотою и возвышенностию чувствованій. — И такъ красота ея заключаешъ въ себѣ скромность и гордость вмѣстѣ. Муцина гордится ею, и шѣмъ живѣе, шѣмъ пламеннѣе чувствуетъ всю высокость и прелесть славы, управляясь споль благороднымъ иворейемъ. — Она слаба; она требуетъ опоры и защиты со стороны мужа: сія самая слабость есть новое обвороженіе для чувствительнаго ея друга; — она дѣлаешъ ее робкою, бояливою! — А робость и бояливость женщины развѣ не предель? — Будучи врожденнымъ чувствомъ ея души, сія любезная робость живописуется въ ея помныхъ и полупребовательныхъ взорахъ, дышетъ изъ ея устъ, разливаетъ какую-то милую нѣжность на всѣ черты лица ея: но ея мольба сильнѣе всѣхъ царственныхъ повелѣній на свѣтѣ! — ешо гласъ божества, вѣщающій въ смиреніи. — Видѣ опроверженный, чистосердечіе, невинность, признанности просныя, по видимому неумышленные, копорыя, таясь, обнаруживаются, сіи тайны сердечной склонности, скрываемаыя, изменяющія себѣ самимъ нѣжноспію улыбки; сей печальной огнь въ робкомъ взорѣ, тысячи опшѣнковъ случайныхъ, внезапныхъ въ выраженіи глазъ и лиценачертанія: вотъ что составляетъ разительное краснорѣчіе лица женскаго! —

Когда оно холодно, тогда при всей правильности своей нѣмо, и ничего не значить. —

Самая величайшая сила женщины надъ сердцемъ мужчины заключается въ быспромѣ ея постиженіи, или проницаніи. Она и въ ту пору, когда устунаетъ мужинѣ, чувствуемъ въ тайнѣ сердца своего всю влась свою, чувствуемъ, что она щадитъ его и себя. Сія живая проницательность изображается въ хитрыхъ и крошкихъ глазахъ прекрасной женщины, а особенно въ томъ взорѣ, которой проникаетъ въ самые скрытые изгибы нашего сердца, чтобы опличить раждающуюся холодность, чтобы узнать тайную скорбь и облегчить ее, чтобы оживить радость и воспламенить любовь.

Мужина любитъ; но надобно плѣнить его совершенно, удержавъ его отъ непосоянства, отъ пороковъ, отъ скуки. . . Чтобы сдѣлать его лучше, ибже, чувствительнѣе, добродѣтельнѣе, общежительнѣе, — для того, какими неисчислимыми средствами одарила женщину Природа! — Она учитъ его, ни мало не оскорбляя самлюбія, способами крошкими, даже нечувствительными! — Она, чтобы избавить его отъ привычки, являетъ ему всегда новыя прелести, и, будучи одна и

па же , въ глазахъ возлюбленнаго кажешся
безпрестанно новою. — Ещо чудо имбешъ
основу свою въ ея живоспи , кошорая при-
даешъ красотѣ сполько блеску и силы. —
Легко способная ко всѣмъ движеніямъ во-
ображенія ума и души , она всегда быспро
обрѣщашъ средства ; въ ней , какъ въ зер-
калѣ , не сполько все живописуешся , но и
укращашся. —

Можно ли умолчать о красотѣ жен-
щины , какъ друга , какъ матери , какъ со-
страдапельницы , какъ ушѣщипельни-
цы ! . . . .

Характеръ друга прекрасенъ въ мущи-
нѣ ; но онъ несравненно прелестнѣе въ
женщинѣ . Первой вспомошествоешъ намъ ,
дѣлшъ съ нами всѣ прудности , всѣ опа-
сности , но онъ имбешъ способы и силы
къ пренесенію прудностей , къ преодоленію
опасностей ; — въ другой слабость , жи-
вляемая единственнo любовью и доброжела-
тельствомъ , дѣлешъ по же , или еще болѣе .
Мущина развлеченный заботами , не шакъ
быспро предвидшъ , какъ женщина ; умъ
его не можешъ замѣшшъ , уловшъ всѣхъ са-
мыхъ малѣйшихъ подробностей въ угождені-
яхъ , кошорыя чувство женщины различашъ
вдругъ и быспро . Кто можешъ лучше ус-
покоишь болѣзнь и старость ? — Если бы

у Едипа были и добрые сыновья, но одна только *Антигона* могла рѣшиться спростоваться, и покоить такимъ образомъ несчастнаго царственнаго старца. Вотъ красота ея! — Кто лучше можетъ соспрандать несчастному, утѣшить сбпующаго, ободрить унывающаго? — Въ мушинѣ часто основою всякаго добра дѣла бываетъ честполубіе и гордоспъ; женщина, по самой природѣ своей, не въ соспоянїи пишашъ двухъ спраспей вмѣстѣ, желанїя добра и въ шу же минулу гордоспи; она можетъ перейши опѣ одного къ другому чувспву; но самая слабосп помѣшаешъ ей пишашъ оба въ одно и шу же время. Я вижу ее въ часы своей прогулки, приближающуюся къ маленькому домику, въ копоромъ унываетъ нищета и болѣзнь. Закрышая, въ простой одеждѣ, съ простопшою сердца приближается она къ постели спранданїя, и исцѣляетъ раны его, или какъ утѣщитель, или какъ врачъ, или какъ совѣтникъ. — Самой другѣ не знаетъ объ ея благопворенїяхъ; но она ничего не скрываетъ опѣ него, а бережетъ шайну съ намѣренїемъ, подарить его ею — въ день рожденїя, или въ день его именинъ. Тамъ, при повѣспвованїи печальнаго происшеспвїя, она проливаетъ слезы; но съ какою биспропшою прогаешся она несчастїемъ, споль же биспро приходитъ въ восторгъ радости, при услыша-

нїи доброй вѣсти о перемѣнѣ фортуны ближняго: — въ епу минушу особенно блистаетъ красота женщины! Справедливо сказалъ Шиллеръ: тотъ не видалъ радости, кто не видалъ красоты радующейся, и тотъ не видалъ красоты, кто не видалъ ее въ слезахъ. Но сверхъ того, развѣ женщины не способны для дѣлъ великихъ, опасныхъ? — Тамъ любовію и вѣрностію подкрѣпленная Порція учитъ своего супруга умирать, какъ прилично гражданину; тамъ Аристія, твердостію своего избавляетъ мужа отъ позорной смерти. Тамъ юная подруга, не могши перенести разлуки съ своимъ возлюбленнымъ, отказывается отъ всѣхъ удовольствій свѣта; покрывая крепомъ печали, въ шомномъ унынїи испощивъ свои слезы, съ погасшими глазами, съ прогашельною блѣдностію въ лицѣ, во мракѣ бури, при медленномъ звукѣ колокола ближней церкви, спойшъ она подлѣ памятника своего возлюбленнаго, и дожидается часа радостнаго съ нимъ соединенія. — Въ епой блѣдности, въ епихъ померкшихъ глазахъ сіяетъ надежда, увѣренность въ свиданїи! — Вотъ предметъ прекрасной для живописи! —

А тамъ: — Какое зрѣлище для нѣжныхъ души,
 О Гріозѣ, дай кисть свою, иль самъ ты на-
 виши!

Въ румяной ясной день, при солнечномъ
 восходѣ,
 Тогда, какъ все цвѣтетъ и нѣжится въ
 природѣ,
 Все нектаръ пьетъ любви, весной своей гор-
 дясь :
 Климена скромная на люльку опускась

Ни молвишь, ни дышашь не смѣя,
 Любуется плодомъ безцѣннымъ Гименея,
 Любуется его улыбкою сивозъ сонъ,
 И чуть не говоришь : какъ милъ! . . . . и
 точно онъ! . . .

Но можно ли исчислить всѣ виды красоты женщинъ, какъ сестеръ, какъ дочерей, какъ супруговъ и какъ наставницъ, въ нѣдрахъ семейства, въ обществахъ блистательныхъ и дружескихъ, въ счастіи и несчастіи! — Взять на себя шакой трудъ значить по же, что пересчитывать всѣ цвѣты, которыми украшается природа, и всѣ лучи, которые истекаютъ изъ солнца. Горацій видѣлъ красоту сію неизмѣнную, даже возрастающую въ самой жестокости ихъ, въ самой вѣтренности, и даже въ самыхъ измѣнахъ; — и мы не смѣемъ не вѣрить Горацію, хотя и боимся того. Мы въ опроверженіе представляемъ безконечное различіе въ мнѣніяхъ о красотѣ женской. — И я признаюсь въ самомъ дѣлѣ, что суещность, нравы и обычаи, приходы народныя или част-

ныя, имѣющъ споль величайшее вліяніе на вѣсы, что чрезвычайно трудно, разбирая ихъ подвесити къ единству начала. — Нужды нѣтъ! — Избѣгая споровъ, мы хотѣли ограничить себя одними спольво наблюдѣніями.

Все представленное мною выше подаетъ случай замѣтити, что нѣкоторыя качества сердца и ума возбуждаютъ въ насъ чувствованія, подобныя приятному чувствованію красоты, какъ бы онѣ выражены ни были, словами, дѣйствіемъ, или фигурой. Нравственные качества раздѣляются обыкновенно на два рода: на блистательныя и возвышенныя добродѣтели, преобладающія чрезвычайнаго усилія, опасностей, шеривнія, какъ то воинственная доблесть, великодушіе, презрѣніе удовольствій, презрѣніе смерти. — Это все принадлежитъ къ высокому. Другой классъ заключаетъ въ себѣ добродѣтели мирныя: шакковы напр. состраданіе, дружба, крепость, благородство. — Сии послѣднія въ наблюдателѣ производятъ чувствованіе удовольствія, сполько сходное съ тѣмъ, которое ощущаемъ при представленіи предметовъ вещественныхъ прекрасныхъ, что мы можемъ ихъ причислити, не унижая, къ одному и тому же роду. — Это замѣтилъ я, въ оправданіе моего описушенія, можешъ быти, слишкомъ про-

спранныго, о красотахъ человека. — Пойдемъ далѣе.

Искусство составляешь родъ красоты опдѣльной отъ всѣхъ шѣхъ, о которыхъ я посю пору имѣлъ честь предложить. Чувство удовольствія въ семъ случаѣ, собственно сказать, есть слѣдствіе разсмотрѣнія средствъ, сообразныхъ съ намѣреніемъ и съ концомъ вещи, въ которой части всѣ расположены по взаимнымъ ихъ отношеніямъ, дѣйствию и цѣли. — Разсмотрише напр. составъ растенія: корень, колосъ, кора, листья, все способствуетъ его піянію, его растительности. То же точно увидимъ, разбирая части живописнаго, или какого либо изобрѣтенія въ искусствахъ, напр. строенія корабля; видя что всѣ части его связаны другъ съ другомъ и способствуютъ пользѣ цѣлаго, мы чувствуемъ удовольствіе красоты, хотя оно происходитъ отъ причинъ непохожихъ на тѣ, которыя возбуждали въ насъ то же удовольствіе при взрѣніи на цвѣтокъ, на движеніе фигуры, многообразіе. Мы представляють часы: — металлъ, фигура, или живопись возбуждають чувство красоты въ первомъ смыслѣ сего слова: я удивляюсь блистательному цвѣту, полировка, работъ нѣжной и точной; потомъ, открываю часы и разсматриваю ихъ строеніе; вижу

пружинны и колеса, дѣйствующія другъ на друга, и посредствомъ сего взаимнаго дѣйствія, производящія собственное независящее отъ силъ постороннихъ мѣрное и постоянное движеніе на извѣстное время: удивленіе и удовольствіе мое возраспакушъ: мнѣ приятно думать объ искусствѣ художника, копорой изъ разногласія противоположныхъ силъ сославляетъ силу соотвѣтствующую его цѣли. — Вотъ другое, такъ сказать, ученое чувство красоты, основанное на правильности и сохраненіи приличій: — мы испытываемъ отношенія частей съ цѣлымъ и съ концомъ, копорой мы знаемъ, или предполагаемъ, и швореніе нравишя по мѣрѣ того, сколько сія правильность и отношенія очевидны; — если етого нѣтъ, вся красота предмета исчезаетъ. —

Разобравъ прекрасное во всѣхъ родахъ, я обязанъ еще приуровишь сѣе слово къ сочиненіямъ въ стихахъ и въ прозѣ. Вотъ прекрасныя стихи! говоряшъ у насъ; вотъ прекрасная проповѣдь! — прекрасная эпиграмма! — Изъ сихъ выраженій видно, что красота въ сочиненіяхъ приписывается всему тому, что нравишя по слогу, или по мыслямъ. Въ обыкновенномъ разговорѣ прекрасная поема, или прекрасная рѣчь значяшъ не что иное какъ просто хорошее сочиненіе: ешо слово не

знаменуешь ни степени совершенства, ни рода. Однако есть другой смысл, не столько неопредѣленной, въ которомъ прекрасное или красота слога означаетъ заслугу. — Симъ словомъ стараются почитать сочиненія приятныя нѣкоторыхъ писателей по оборотамъ мыслей и реченій; въ нихъ нѣтъ ни страшнаго, ни высокаго, ни забавнаго, но есть все что возбуждаетъ въ читателя движеніе сладостное, подобное тому, которое чувствуемъ мы при появленіи прекраснаго предмета въ природѣ: оно не возвышаетъ нашего духа, не движетъ его сильно, но распространяетъ въ воображеніи какую то прелестную ясность. — Къ числу такихъ писателей, на пр: изъ Французовъ, принадлежатъ Лафонтенъ, Фенелонъ, Мармонтель, и другіе. Виргилій, хотя бываетъ иногда высокъ, можетъ также отнеситься къ сему классу; ибо главное достоинство его состоитъ въ прелестяхъ и красотѣ слога. — Цицеронъ болѣе прекрасенъ въ речахъ, нежели Демосфенъ. — Простота, сила и стремительность послѣдняго дѣлаютъ высокимъ. — Сочиненія Деметріева по сладости, приятности и чистотѣ слога можно отличить названіемъ прекрасныхъ. Херасовъ въ стихахъ, и особливо въ прозаическихъ своихъ сочиненіяхъ, напр: въ Кадмѣ и Гармоніи, сохранилъ также сію степень прекраснаго,

которая производитъ впечатлѣнїе сладостное. — Богдановичъ имѣетъ такое же достоинство. Въ семъ смыслѣ мы скажемъ очень правильно: прекрасныя пѣсни Нелединскаго - Мелецкаго! прекрасныя бездѣлки Карамзина.

Соединяя всѣ замѣчанїя наши о прекрасномъ подѣ общую почву зрѣнїя, мы видимъ, что оно въ природѣ и искусстввахъ дѣйствуетъ на насъ или посредствомъ мыслей, или посредствомъ чувствъ, или просто посредствомъ наружныхъ органовъ. Отсюда три рода прекраснаго: умственное, нравственное, вещное. Глазъ есть преимущественно органъ красоты физической. Слухъ, по превосходству, органъ красоты нравственной и умственной. Сила, богатство, разумнѣе, при качества, по которымъ даетъ себя ощущать красоту уму, сердцу и чувствамъ. Сила есть способность дѣйствовать; богатство — обилїе въ средствахъ лѣнїя; разумнѣе соспоешь въ искусствѣ полезномъ и благоразумномъ употребляя ихъ. Въ живыхъ находимъ мы при характера красоты, иногда соединенные, иногда раздѣленные, иногда подчиненные одинъ другому. Красота орла, льва, есть сила; въ павлинѣ красота — богатство; въ человѣкѣ — разумнѣе, которое должно господствовать.

Въ нравственномъ мѣрѣ: Сократъ между мудрецами есть прекрасной характеръ; — между героями Цезарь; или Сципионъ, прекрасной герой; между Царями Маркъ Аврелій; — прекрасной образецъ Царей. —

По той же причинѣ, задачи физики; математикки, изобрѣтенія механическія; соотвѣтственныя своей цѣли и предполагающія дѣйствія необыкновеннаго ума называющіяся прекрасными.

Сочиненія Державина дышущія какою-то особенною роскошью, обиліемъ въ мысляхъ и картинахъ, какъ средствахъ нравиться: онѣ прекрасны. — Можно сказать утвердительно обо всѣхъ предметахъ въ природѣ и искусствѣ, что они прекрасны; иногда когда природа или искусство совершенно исполнили въ нихъ свою цѣль, свое намѣреніе.

Къ удовольствіямъ вкуса причисляюшъ кромѣ высокаго и красоты — *новость*: Есть предметы, которые безъ всякаго другаго достоинства, кромѣ рѣдкости, или новосты, единственно сею прелестію производяшъ чувство живое и приятное. — Такого начало любопытства, свойственнаго всѣмъ людямъ; предметы къ намъ близкіе, знакомые съ давняго времени, производяшъ въ насъ слабое впечатлѣніе; все новое, не-

обыкновенное, чрезвычайное пробуждаетъ умъ отъ его сна. Черезъ сѣе объясняешь удовольствіе, почерпаемое нами въ чтеніи вымышленныхъ происшествій или романовъ; впрочемъ всегда надобно помнить, что предметъ, оплечающійся единственно своею новостію, не имѣетъ прочныхъ прелестей. — Онъ узнаетъ; — мода прошла — и забытъ.

У меня спросятъ наконецъ: какой классъ удовольствій вкуса принадлежитъ особенно къ Поезїи, или Красноречію? — Исключительно не одинъ: но всё вмѣстѣ. — Все, что можетъ льстить вкусу или воображенію, должно быть подъ рукою стихотворца. Пусть поражаетъ онъ высокоствію мыслей и чувствъ, какъ Ломоносовъ, или Державинъ; пусть пѣваетъ красною, искусствомъ стиховъ, какъ Дмитріевъ, Капнистъ, или Нелединской - Мелецкой; пусть дѣйствуетъ на наши нравы, учитъ насъ благочестію и любви къ Отечеству какъ Херасковъ; пусть забавляетъ, какъ Фонъ - Визинъ, пусть укоряетъ пороки, какъ Кантемиръ; цѣль достигнута: — ему вънецъ и слава.

Мрзлявъ.

О средствахъ сохраненія и распро-
страненія сочиненій древнихъ
писателей.

(Окончаніе.)

§ 8. Орудія, какими писали, были двоякаго рода. Нѣкоторыя служили къ писанію непосредственно, другія посредствомъ извѣстныхъ текучихъ матерій. Между первыми я разумю рѣзецъ и грифель (stilus), кои употреблялись при мѣталлическихъ, и при деревянныхъ, иногда налосченныхъ воскомъ доскахъ. Они были желѣзные, или костяные, съ остримъ концомъ, опаснымъ въ рукахъ сердитаго; по чему сочтено за пошребное ихъ запрешить (87). Но сіе запрещеніе дѣйствовало не долго. Тѣ, кои употреблялись для навосченныхъ дощечекъ, были съ одного конца шупованы, дабы письмо опять можно было спирашь (88) ими, и епо называлось

---

(87) Nouv. Tr. de Dipl. T. I. pag. 536.

(88) Lactantius Sympos. aenigma I.

De summo planus, sed non ego planus in imo:
Verfor utrisque manu, diversa et munera fungor.
Altera pars revocat, quicquid pars altera fecit.

Prudentius *περὶ Σεφλουῦ* 9, 51. De morte Calsianii
discipulis necati:

у Лашинниковъ *stilum vertere* п. е. (сперши, переправляшь написанное). *Монл-Фоконь* описалъ различные ихъ виды (89).

Орудія другаго рода: простынная пружка (*calamus*) и пшичьи перья. Къ изобрѣженію первой, кажешся, случай подала Александрійская бумага. Древнія Египетскія простыны почитались за наилучшія (90). Воспощные народы еще и пенерь употребляютъ шаковыя просточки (91). Писчее пшичье перо находятъ и въ кошорме даже у *Ювенала* (92). Извѣстно, что перья въ седмомъ вѣкѣ были во всеобщемъ употребленіи, какъ то видно изъ *Исидора* (93); которой упоминаетъ и о разченъ: *Calamus arboris est, penna avis, cuius acumen dividitur in duo: in toto corpore unitate*

Inde alii stimulos et acumina ferrea vibrant,
Qua parte aratis cera fulcis scribitur,
Et qua secti apices abolentur, et aequoris hirti,
Rufus nitescens innovatur area.

(89) *Antiquité expl.* Tom. 3. P. 2. lib. 5. cap. 7.

(90) *Martialis* 14. ep. 38.

Dat chartis habiles calamos Memphitica tellus.

(91) *Chardin.* Voy. de Perse, Tom. 2. pag. 108.

(92) Sat. 4. Anxia praecipiti venisset epistola
penna.

(93) *Orig.* 6. cap. 14.

seruata. Кипайцы вмѣсто перьевъ наводятъ черныя кисточками.

Жидкости состояли сперва въ черниль. *Диоскоридъ* (94), *Витрувій* (95), *Плиній* (96) и *Исидоръ* (97) показали различныя оныхъ приготовленія, которыя съ нынѣшнимъ мало сходны. О дѣланіи *Китайскаго* чернила находимъ извѣстіе у *О. Дю Галда* (98). Кромѣ того употребляли древнѣе *мурмуровую краску* и *киноварь*, или *сурикъ*; но симъ цвѣпнымъ черниломъ были писаны не цѣлыя книги, а однѣ только заглавія.

Nec titulus minio, nec cedro charta potetur. *Ovid.*

Пурпуръ и *киноварь* преимущественно употребляли воспочные Императоры при подписаніи своего имени, и только лишь въ двѣнадцатомъ вѣкѣ начали они раздѣлять сію честь съ своими ближайшими сродниками (99). Писаніе *золотомъ* нача-

---

(94) Lib. 5. въ послѣдней главѣ.

(95) Lib. 7. cap. 10.

(96) H. N. lib. 35, cap. 9.

(97) Orig. lib. 19, cap. 17.

(98) Hist. de la Chine. Tom. 2. pag. 245.

(99) Nouv. Traité de Diplom. pag. 554, и слѣд.

лось уже во времена *Иеронима* (100). *Монте-Фоконь* (101) показываетъ намъ способъ пригошьяннъ золото для сего употребленія. Честъ однако золотого письма была предоставляема только нѣкоторымъ книгамъ Священнаго писанія, и особливо Псалмири и Евангеліямъ, и чаще у Грековъ, нежели у западныхъ. Равнымъ образомъ государственные акты писаны были золотомъ (102). Евангельская книга, золотыми буквами написанная, хранился въ монастырѣ Св. *Емерана* въ Регенсбургѣ (103); въ библиотечкахъ Вѣнскихъ и въ монастырѣ Галленскомъ находятся такія же Псалмири (104); Есть и серебряныя рукописи, написанныя на пурпуровомъ пергаментѣ. Въ (прежней) Королевской Французской Библиотекѣ находится подъ No 1809 рукопись *Гри-*

---

(100) Ep. ad Eustochium: *aurum*, говоритъ онъ, *liquefcit in literas*.

(101) Palaeogr. pag. 5, 6.

(102) См. *Thulemarii* Comment. de Aurea bulla, с. 3. р. 11.

(103) См. Chron. Gottwic. pag. 47. Hist. lit. de la France, Tom. IV, pag. 285. T. V. pag. 514. Catal. Bibl. Monast. S. Emeran. Tom. II. pag. 1.

(104) См. *Reimanni* Bibliotheca aéroamatica, pag. 123; также pag. 188 и 202. Card. *Quirini* Epist. ad Ven. Feurlinum in Vicennialibus Brixienfibus, pag. 23.

горія Назіанзина, въ коей слова сего церковнаго Опца написаны серебромъ, а взяшыя изъ Св. Писанія — золопомъ; и въ Библиошкѣ Цирихской естъ такая же Псалширь, которую написалъ *Брейлингеръ* (105). Того же рода книга, *Codex Evangeliorum Ulphilae*, хранимая въ Упсалѣ.

§ 9. Надлежитъ теперь сказать и о шѣхъ, коимъ обязаны мы за сохраненіе сочиненій. Древніе сочинители, которые по большей части были знатные и богатые люди, содержали при себѣ рабовъ, умбующихъ писать искусно; симъ служителямъ они приказывали переписывать какъ свои собственныя шворенія, такъ и чужія, а иногда диктовали имъ свои мысли, сочиняя книгу. Такіе писатели имбли въ виду и другихъ людей, кои давали въ постороннія руки переписывать книги, и шорговали ими. Сїи назывались книгопродавцами (*bibliopolae*), и находились какъ въ Римѣ, такъ и въ городахъ провинціальныхъ (106). — Ихъ книжныя лавки (*lib-*

---

(105) In. Ep. de antiquissimo Turicensis Biblioth. Graeco Psalmorum libro in membrana purpurea titulis aureis ac literis argenteis exarato. Turic. 1748, 4 to.

(106) Plinius, Lib. 9. ep. 2.

gariae tabernae) часто были сходбищами людей ученых (107).

Переписчики вообще извѣстны были подъ именемъ *книжниковъ* (librarii), а нѣкоторые изъ нихъ именовались *краснолицами* (calligraphi), кои отличны хорошо писашь умблн, и *скоролицами* (tachygraphi), употребляющіе различныя замѣтки, начальныя литеры, сокращенія словъ и другіе произвольные знаки (signa). Изобрѣшеніе сихъ послѣднихъ *Плулархъ* приписываетъ Цицерону (108). Есть собраніе плавовыхъ знаковъ (notae), составленное, какъ говорятъ, Тиромъ, опущенникомъ Цицероновымъ; другое извѣстное собраніе приписывается *Сенекъ* (109). Но что Сенека не былъ изобрѣтателемъ онаго, въ томъ удостовѣряетъ насъ его 90 е письмо: Quid verborum notas, quibus quamvis citata excipitur oratio? *Vilissimorum mancipiorum* ista commenta sunt. Гораздо послѣ того оныя знаки были еще въ употребленіи, о чемъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя *дипломы*

(107) Gell. Noct. Att. L. 5. c. 4.

(108) In Cat. Utic. Tom. IV, pag. 232. edit. Lond.

(109) Въ изданіи *Сенеки* при *Коммелинѣ*, 1604. fol. и въ Gruteri Corpore Inscript. Tom. II. edit. nov.

Лудовика Крошкого (110). Касательно знаков Лашинскихъ, состоящихъ въ сокращеніяхъ, видѣть ихъ можно у *Іоанна Николаи* (111) въ Лашинскихъ словаряхъ, у собирателей древнихъ надписей и писавшихъ о дипломатикѣ, изъ коихъ славнаго Архиваріуса *Валтера* *Lexicon diplomatiscum* (112) по справедливости всѣхъ превосходнѣе. Греческія же сокращенія въ новѣйшія времена щцательно собраны и изъяснены двумя учеными Италіянцами, Графомъ Сципіономъ Маффеемъ (113), и *Едуардомъ Корсини* (114). Писцы (*notarii*) употреблялись для скорого писанія, краснописцы же (*calligraphi*) для письма чистаго

(110) *Alphabetum Tironianum, s. notas Tironis explicandi methodus; cum pluribus Ludovici Pii chartis, quae notis iisdem exaratae sunt, et hactenus ineditae.* — Labore et studio D. P. *Carpentier*, Lutet. Paris. 1747. fol. Частію выгравировано на Королевскомъ издженіи.

(111) *Tractatus de siglis veterum.* Lugd. Bat. 1703. 4 to.

(112) Выгравированный въ Гешпингенѣ изданъ 1747. fol.

(113) *Graecorum siglae lapidariae collectae atque explicatae.* Veron. 1746. 8vo.

(114) *Notae Graecorum, s. vocum et numerorum compendia, quae in aereis atque marmoreis Graecorum tabulis observantur.* Florent. 1749. fol.

и красиваго (115). Они сберегали и подкрѣпляли зрѣніе свое посредствомъ лѣкарства *ἀλάτων* (116). Иногда и женщины упражнялись въ чистопоисаніи (117). *Θенла* написала славный Александрійскій монускриптъ 70 ши полковниковъ, находящійся въ Королевской Библіотекѣ въ Лондонѣ; въ новѣйшее время извѣстною сдѣлалась монахиня Вессенбрунскаго монастыря, *Диемундисъ* (118).

Мѣсто древнихъ переписчиковъ заступили *монахи*; ихъ прилѣжанію мы одолжены за сбереженіе сочиненій и всѣхъ сокровищъ мудрости древнихъ (119). Всѣ монастыри раздѣляли между собою сіи труды, описанные *Петраркомъ* (120) и *Трилеміемъ* (121). Первой говоритъ:

(115) *Монтфоконъ* упоминаетъ о многихъ рукописяхъ въ своей *Palaeogr. Gr.* cap. 6, 7.

(116) Тамъ же, стран. 37.

(117) *Eusebius* Hist. eccles. lib. 6, cap. 23.

(118) *Leutneri* Hist. Westfontan. p. 166. sq. *Tiegelbauer* Hist. liter. Ord. S. Bened. part. III. pag. 494 и слѣд.

(119) См. *Ernst. Joach. a Westphalen*, praef. ad T. II. Monument. inedit. de RR. Cimbr. et Megapol. pag. 2.

(120) Lib. 9. ep. 5.

(121) In *Schelhorn. Amoen. lit.* Tom. VII, pag. 284.

„Alii membranas radunt, alii libros scribunt, alii corrigunt, alii illuminant, alii ligant, et superficiem comunt.“ А другой побуждаетъ своихъ подчиненныхъ монаховъ къ учрежденію новой библіотеки слѣдующими словами: „Unus corrigat, quod alius scripsit; alius rubro perornet, quod ille emendavit; hic notis distinguat, alius schematibus; conglutinet ille, aut liget codicem asseribus: tu aptabis asseres, iste praeparet ad ornatum; scindat alius pergamenum, alius purget, tertius lineando scriptoribus aptet; alius encaustum, alius pennas ministret.“ Сколько-то были прилѣжны древнихъ временъ монахи, коихъ работа надъ перепискою чужихъ трудовъ можеть быть полезнѣе сдѣлалась попомощву, нежели когда бы они сами изъ своей головы изобрѣтали.

§ 10. Самыя древнія книги состояли частію изъ дощечекъ швердаго вещества, какъ по свинцовыхъ, мѣдныхъ, деревянныхъ и изъ слоновой кости; частію же изъ гибкой матеріи, какова была Александрійская бумага, кожа и пергаментъ. Дощечки первого рода книгъ шивались проволокою и ремнями (122), опъ чего проис-

---

(122) См. *Christ. Gottl. Schwarzzi Dissert. IV de Ornamentis Librorum.* § 16.

ходивъ и наименованіе *Codex* (123). О другихъ внѣшнихъ украшеніяхъ мало извѣстно, кромѣ что иногда вырѣзанные на мѣди дипломы, какіе Императоры давали богатымъ людямъ, были украшаемы позолотою. Книги изъ слоновой кости преимущественно передъ другими нерѣдко отличались искусственнымъ великолѣпьемъ, а особливо такъ называемые *diptycha*; имѣемъ свѣдѣніе о немаломъ числѣ такихъ, на коихъ вырѣзываемы были масперскія фигуры (124).

Сгибающіяся маперіи были или свертываемы, или складываны въ ряды, какъ и нынѣ еще иногда пергаменныя написанныя таблицы или книги въ Китаѣ, или какъ Испанское положно, складываются. Книги послѣдняго рода назывались складочными (*plicatiles*), и носимы были въ особливомъ футлярѣ (125). Со свипками поступали слѣдующимъ образомъ. На концѣ

---

(123) *Seneca De brevitae vitae*, cap. 13.

(124) См. *Diptychon Leodiense ex consulari factum episcopale, et in illud Commentarius Alexandri Wilthemii*. Leod. 1659. fol. De diptycho Brixiano epistola epigraphica, auspiciis, jussu, et sumtibus Aug. Mar. Card. Quirini edita a Jo. Casp. Haegenbuchio. Turici, 1749. fol.

(125) *Christ. Gottl. Schwarz de libris plicatilibus*. Vet.

бумаги, или пергамента прикрѣпляема была круглая палка, называемая *umbilicus*, и сдѣланная изъ дорогаго дерева, или изъ слоновой кости. На нее наверхпывался весь кусокъ бумаги или пергамента, подобно какъ нынѣ большія ландкарты или чертежи; сѣи свитки потомъ связывались ремнями. Края обвитаго около палки свитка назывались *frontes*, а выдавшіеся ея концы — *cornua*. Сѣи концы украшаемы были золотомъ, серебромъ, драгоценными казнями и живописью; края пергаментнаго свитка также были расписываемы; но ихъ напередъ обрѣзывали и выглаживали пѣнковымъ камнемъ. Ко вѣршнему концу свитка прикладывалась покромка изъ выкрашеннаго пергамента, на коей означалось имя сочинителя и заглавіе книги. На конецъ весь свитокъ вкладывался въ особенной изъ пергамента, или изъ другой какой нибудь матеріи футляръ, копорой иногда украшаемъ былъ различными цвѣтами (126).

Трудность, соединенная съ употребленіемъ сихъ свитковъ, была причиною, что ихъ опмѣнили, и они сохранились только у Иудеевъ. Начали переплешать

---

(126) Chr. Gottl. Schwarzii Difs. alt. de orna-
ment. libr.

жннги такимъ образомъ, какъ у насъ теперь въ обыкновеніи. Скажемъ нѣсколько словъ и о сихъ переплесахъ. Оболочка была часпю изъ золопой и серебряной жести, часпю же изъ слоновой кости, изъ дерева и кожи (127). Золопая и серебряная жеть и слонопая кость накладывались на верхнюю сторону книгъ, кои въ то время не спавились, но полагались на налобъ. Сія жеть была обрною работою, и на ней были изображаемы библейскія фигуры; ее прикрѣпляли маленькими заспежками, и унизывали обыкновенными тогда драгоценными камнями, какъ по агапомъ, ониксомъ, яписомъ, пакъ же и жемчугомъ (128). Сіе великолѣпное украшеніе книгъ драгоценными камнями было уже въ обыкновеніи во время *Геронима* (129).

---

(127) Его же *Dissert.* 4. § 17.

(128) См. о семъ *Alex. Wilthemium*, in *App. ad Diptych.* Leod. pag. 13. *Thulemarium* de aurea bulla, cap. 3. pag. 11. *sequ.* и *Jo. Andr. Schmidii* *Dissert. de Cultu Evangeliorum.*

(129) *Ep. ad Eustoch.* *Inficiuntur membranae colore purpureo; aurum liquefcit in literas, gemmis codices vestiuntur, et nudus ante fores emoritur Christus.*

Послѣ шого окладывали книги досками, сперва очень толстыми. Доски обшягиваемы были кожею, и для прочности снабжаемы кожаными ремешками; а въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ вѣкахъ были окываемы мѣдными наугольниками и бляхами со всѣхъ чепырехъ угловъ; на заспежкахъ находились древнія изображенія. Есть книга *Codex Froissardi* въ Елисаветинской библиотекѣ въ Бреславѣ: на мѣдныхъ позолоченыхъ ея наугольникахъ видны орденскіе знаки *Золотаго руна*, изображенные по повелѣнію *Антонія Баскарда* Бургундскаго (130).

§ 11. Умножившееся число книгъ подало причину собрать оныя въ совокупность. Сему распоряженію одолжены мы немногими ошашками опѣ древней учености, до нынѣ сохранившимися. Не будемъ распространяться повѣспиваніемъ о древнихъ библиотекахъ, а представимъ только опшличнѣйшія изъ оныхъ. Самое древнее собраніе книгъ приписывается Египетскому царю *Озиманду*, копорой повелѣлъ поспавишь надъ нимъ надпись: *ψυχῆς ἰατρῆου* (131).

---

(130) *Gottl. Kranzii memorabilia Biblioth. Elisabethanae Wratislaviensis*, pag. 25.

(131) Т. е: лечебница души. *Diodor. Sicul. Bibl. Hist. Lib. 1. cap. 49, p. 32.*

Въ послѣдовавшія времена славилась библиотека Александрійская (132), собранная Птоломеемъ; по разореніи Александрій она претерпѣла уронъ отъ пожара (133). Ей соревновала *Аптальская* библиотека въ Пергамъ, копорую Триумвиръ Антоній, въ угодность Клеопатрѣ, наконецъ повелѣлъ перенести въ Александрію, гдѣ она составляла другую Александрійскую библиотеку.

У Грековъ (134) первую библиотеку учредилъ въ Афинахъ *Пизистратъ*; но Ксерксъ перенесъ ее въ Персію. Потомъ прославился *Аристотель* своимъ собраніемъ книгъ. У Римлянъ первый опытъ сдѣлалъ *Павель Емилій* и *Лукулль*. Первая публичная библиотека учреждена была Августомъ подъ надзираніемъ Азинія Полліона. Послѣ того явились и многія другія:

---

(132) См. Dissertation historique sur la Bibliothèque d'Alexandrie, par M. Bonamy, вв Mem. de l'Acad. des Inscr. Tom. IX, pag. 397; sq.

(133) См: о семъ *Jugleri bibliotheca historiae literar.* Во второй главѣ, въ коей повѣствуется de bibliothecis deperditis.

(134) *Монтфоконъ* приобщилъ большой реестръ Греческихъ библиотекъ къ своей *Palaeographia Graeca*; pag. XV; и слѣд.

Въ средніе вѣки наиболѣе старались о библіотекахъ въ монастыряхъ, особливо же Бенедиктинскаго ордена. Въ Германіи древностію и богатствомъ знаменишыя библіотеки находились въ Фульдѣ и Корвей (135).

Объ искусствѣ книгопечатанія.

§ 1. Въ предыдущихъ параграфахъ мы показали, какимъ образомъ посредствомъ письменнаго искусства творенія древнихъ сохранены и размножены. Впрочемъ, не взирая на всѣ приложенные труды, книги были подвержены опасности погибнуть безвозвратно. Предложенное нами доселѣ объ искусствѣ писанія доказываетъ, что для размноженія книгъ потребно было чрезвычайно много трудовъ и времени. Отъ того экземпляры не могли удобно распространяться, число ихъ было весьма не велико, а слѣдственно и гибель ихъ была очевидна. Надлежитъ только обратишь взоръ на книги *Поливія*, *Діона Кассія* и *Ливія*: находящіяся въ нихъ пропуски скоро насъ въ томъ удостовѣрятъ. Куда дѣвались шесць прочихъ книгъ *Ovidii Fastorum*? сколько оспалось намъ отъ мно-

---

(135) О Библіотекахъ Бенедиктинскаго ордена повѣствуютъ *Цигельбахеръ* и *Легипонтъ* in *Hift. literar. Ord. S. Benedict.* Том. I. сар. 6.

гихъ сочиненій *Плинія* старшаго? Не въ одной ли только рукописи уцѣлѣли для насъ *Минуцій Феликсъ* и *Лактанціева* книга *De mortibus persecutorum*? Не одна ли только рукопись монастыря *Корвейскаго* сохранила намъ первыя пять книгъ *Тацита*? Вотъ какъ близка была опасность невозвратной потери сихъ драгоценныхъ книгъ, кои, какъ свидѣтельствуетъ Историкъ Вопискъ (1), по повелѣнію Императора ежегодно десять разъ были переписываемы ради всенароднаго употребленія, и раздаваемы по библіотекамъ. Къ тому прибавить надобно другое обстоятельство, очень немаловажное: въ монастыряхъ мало по малу ослабѣвало раченіе о свѣтскихъ книгахъ; только немногіе начальники благопріятствовали мірской учености; всѣ же прочіе усремляли вниманіе свое къ обязанностямъ опшельнической жизни. По сей причинѣ монахи должны были заботиться о шѣхъ только книгахъ, кои настоятелями ихъ почитались за приличнѣйшія ихъ званію. Надобно взглянуть въ реестры рукописей въ монастырскихъ библіотекахъ, предложенные *Цигельбауеромъ* и *Легиллонгомъ* въ Ніф-

---

(1) In. Scriptor. Hist. Aug. ed. *Claudii Salmasii*, Paris, 1620. fol. pag. 6229. D.

toria literaria Ord. S. Benedicti, Tom. I.; понынѣ можно увидѣть, сколь ревностно гонимы были древніе свѣтскіе писатели. Они безъ сомнѣнія мало по малу пропали бы, еслибъ промыслъ Божій изобрѣненіемъ искусства книгопечатанія не уничтожилъ сей опасности, и шѣмъ не облегчилъ бы способовъ пользоваться писаніями древнихъ. Намъ оспается теперь еще предложить нѣчто и о семъ безцѣнномъ искусствѣ.

§ 2. Много было споровъ, какой землѣ и мѣсту принадлежишь честь изобрѣненія книжной печати. Нѣкопорые, находящіе удовольствіе свое въ вещахъ слишкомъ отдаленныхъ, производяшь книгопечатаніе изъ Мексики, или изъ Кишая. Мы не будемъ останавливаться на опроверженіи сего пустяго предположенія, которое безъ дальнихъ объясненій опвергнуто *Лессеромъ* (2). Согласіе всѣхъ Европейскихъ народовъ, исключая нѣкопорыхъ Голландцовъ, предоставляетъ Германіи сію почестъ. Споръ продолжается только между двумя городами, *Стразбургомъ* и *Майнцомъ*. Знаменимый уче-

---

(2) Въ его *Сокращенной Исторіи книгопечатанія*, на Нѣмецкомъ. Гл. 1.

носпію *Шелфлинъ* (3), Спразбургскій жишель, нашелъ средство оставишь при обоихъ городахъ сіе преимущество. О шѣхъ, кои прежде его писали о Спразбургѣ, онъ разсуждаетъ, что они хорошее дѣло защищали худыми и неосновательными доказательствами. Приведемъ здѣсь единственно то, что *Шелфлинъ* представляетъ къ защитенію чести своего опечеченнаго города.

Изобрѣшатель книгопечатанія былъ Маинцскій дворянинъ, *Іоаннь Зоргенлохъ*, по прозванію *Генсфлейшъ Гуттенбергскій*, вообще называемый *Гуттенбергомъ*, о коемъ пространно пишеть славный учитель Исторіи *Іоаннь Давидъ Кеглеръ* (4). Время рожденія его неизвѣстно.

Нѣкоторые *Гуттенберга* почитаютъ уроженцемъ изъ *Спразбурга*, но напрасно. Сіе заблужденіе чаятельно происходилъ отъ того, что *Гуттенбергъ* жилъ въ ономъ городѣ. *Шелфлинъ* пребываніе его въ

---

(3) Въ своей Dissertation sur l'Origine de l'imprimerie; въ Memoires de l'Acad. des Inscr. et belles Lettres. Tom. XVII, pag. 762.

(4) Въ своемъ превосходномъ *Защитеніи Іоанна Гуттенберга*, въ Лейпц. 1741. 4.

Спразбургѣ неоспоримо доказалъ изъ многихъ публичныхъ докуменшовъ и списковъ извѣстныхъ изданій (5). Имѣлъ ли онъ шамъ собственнѣйшій домъ свой, нѣтъ свѣдѣнїя. Какъ бы то ни было, но онъ 1434 года находился въ Спразбургѣ, и былъ женатъ на дочери одного тамошняго дворянина, что и по городскимъ книгамъ видно.

Въ 1439 мѣ году Гупшенбергъ заключилъ договоръ съ премея гражданами въ Спразбургѣ, дабы произвести въ дѣйство различныя искуства и удивительныя шайноши, копорыя однакожъ не упомянушы. Изъ сего документа явствуетъ, что Гупшенбергъ уже прежде съ однимъ изъ шѣхъ же гражданъ былъ въ товариществѣ, и вмѣстѣ съ нимъ занимался граненїемъ камней. Въ договорѣ хотя не упоминается о книгопечатанїи; однако изъ употребленныхъ въ ономъ выраженїи можно заключать, что рѣчь идетъ объ искуствѣ печатанш *подвижными литерами*, копорое сначала дѣйствительно почишалось за чудо и волшебство. Доказанное пребыванїе Гупшенберга въ Спразбургѣ, смаринныя свидѣтельства *Вимфелинга* (6) и *Кельн-*

---

(5) Тамъ же, стр. 765, и слѣд.

(6) In Epitome rerum Germanicarum, 'cap. 65.

скаго лѣтолища (7), и поржестиво въ память изобрѣшенія книгопечатнаго искусства, на 40 мѣ году каждаго споубнтя повпоряемое, неоспоримо подцверждающѣ, что Спразбургѣ справедливо хвалятся честію сего изобрѣшенія. Случай къ тому, сказывающѣ, подалѣ Гупшенбергу перспень сѣ вензелемѣ его имени (8). Начало сего искусства, правда, было весьма несовершенное (9). Сперва липеры упопроблены сдѣланныя изѣ дерева, однако подвижныя. Онѣ связываемы были нилвою, копорая держала ихѣ вмѣспѣ сколько можно, и часшо случалось, что онѣ выпалкнѣвались и перемѣщивались (*). Шленлейнѣ, Архи-

---

(7) Онѣ напечатанѣ *Io. Kельгоффомѣ* въ Кельнѣ, 1499, въ листѣ, стр. 312.

(8) *Io. Arnoldus Bergellanus* poemate encomiastico de chalcographiae inventione, vers. 57, squ. in *Io. Christ. Wolfii* monumentis typographicis, P. I.

(9) *Шенфлихѣ*, на вышепривед. мѣспѣ, pag. 769, 770.

(*) На книгахѣ перваго писненія, кои почишались за рукописи, не показано ни имени типографщика, ни мѣста печатанія, и почти никакого года. Онѣ по причинѣ немногихъ изданій рѣдки; почти всѣ онѣ небреженія пропали. Таковы суть слѣдующія, напечатанныя въ листѣ на бумагѣ:

1. *Soliloquium Hugonis*, на 10 ши листахѣ.

пекпорѣ города Спразбурга, жившій въ половинѣ 16 го вѣка, въ лѣтописцѣ своемъ, находившемся въ памошнемъ архивѣ, упоминаетъ, что онъ самъ видѣлъ деревянныя липеры, кои щцательно сохраняющя въ память сего изобрѣшенія.

По прошествіи нѣкопорого времени *Го. Гултенбергъ* оставилъ городъ Спразбургъ, и отправился въ опечество свое Маинцъ. Неизвѣстно, что побудило его къ сей перемѣнѣ. Всего вѣрояннѣе, что его доспапковъ испощился, и что онъ имѣлъ нужду въ иждивеніи для напечатанія Псалшири и Библии. По чему въ 1450 году всступилъ онъ въ товарищество съ значнымъ Маинцскимъ гражданиномъ, *Юан-*

2. *Gesta Christi*, на 11 ти листахъ, раздѣленныхъ столбцами.
3. *Heinrici de Hafsia* expositio super Dominicam Orationem, раздѣлен. по столбцамъ на 15 ти листахъ.

Сія три безъ годовъ. На четвертой показанъ годъ; она состоитъ изъ 36 ти листовъ. Надпись ея :

Liber de miseria humanae conditionis Lotarii Diaconi, Sanctorum Sergi et Bachi Cardinalis, qui postea Innocentius tertius appellatus est. Anno Dni MCCCXLVIII.

номъ Фустомъ, однако нѣ великой своей невыгодѣ: Фустъ недоспоинѣ былъ участвовашъ съ Гупшенбергомъ въ семѣ знаменитомѣ изобрѣшеніи. Гупшенбергъ открылъ ему свою шайну; Фустъ рѣшился помочь ему деньгами и обязался кромѣ того даватъ ему еще ежегодно по триста гульденовъ на издержки, на жалованье рабочимъ, на наемъ дома, на пергаментъ, чернило и проч.; а Гупшенбергъ съ своей стороны заложилъ ему всѣ свои орудія, принадлежащія къ печатанію.

Симѣ-то пособіемъ, составившимъ 800 гульденовъ, Гупшенбергу надлежало исправить и усовершенствовашъ свои орудія. Онѣ по и сдѣлалъ. Прежде печаталъ онѣ только деревянными литерами, которыя весьма скоро прищуплялись и цоршились. Онѣ приготоовилъ было другія изъ свинцу; но сіе вещество оказалось по мягкости своей неудобнымъ: онѣ соспавилъ литеры изъ мепалла; но и сіи опять негодились, ибо прокалывали бумагу и пергаментъ. Наконецъ прибѣгъ онѣ съ помощникомъ своимъ *Іоанномъ Фустомъ* и его служилелемъ *Петромъ Шеферомъ фонъ Гернстеймомъ* нѣ составленію литеръ изъ олова и другихъ маперіаловъ. Шеферъ, которой прежде въ 1449 году жилъ

въ Парижѣ и списывалъ шамъ книги (10), былъ человекъ умной, и новому изобрѣшенію книгопечатанія оказалъ важныя услуги. Онъ выдумалъ шакого рода формы (matrices), въ коихъ могли бытъ выливаемы липеры, и чрезъ то безъ великаго шруда и издержекъ размножаемы по произволу. Безъ сего изобрѣшенія предпринятое печатаніе Библии съ шрудноспію могло бы совершиться; поелику оное споило уже 4,000 золотыхъ гульденовъ, прежде нежели еще изгоповлена была шрепья шепрадь чешверолишпная. — *Шеферъ* шѣмъ снискалъ шакую благосклонноспь у своего господина, *Фуста*, что сей выдалъ за него свою единородную дочь, *Христину*.

Гуштенбергъ не былъ довольно оспороженъ, и *Фусту* слишкомъ много позволилъ увидѣшь изъ своего искусствва; а съ другой спороны *Фустъ* всего ожидалъ ошѣ оспроумнаго своего *Шефера*. Сказано уже, что *Фустъ* осудилъ *Гуштенберга* 800 гульденами; но сихъ денегъ было не довольно: онъ далъ ему еще сполько же, умышленно употребивши на то чужія деньги. Онъ видѣлъ, что *Гуштенбергъ* не въ со-

---

(10) Для того называється онъ иногда *Клерикомъ*.

споянїи былъ заплашишь ему долгу, и что слѣдственно весь его типографическій снарядъ долженъ былъ ему достаться. И такъ Фустъ началъ оказывать холодность къ Гутшенбергу, завелъ съ нимъ спяжбу, и требовалъ процентовъ на сумму, которую самъ у другихъ занялъ. Кончилось шѣмъ, что послѣ многихъ хлопотъ Гутшенбергъ принужденъ къ заплатѣ всѣхъ пребуемыхъ отъ него процентовъ и капишала, и Фусту отдана типографія Гутшенбергова. Съ 1455 года всѣ напечатанныя въ Маинцѣ книги издаваемы были уже отъ одного Фуста, безъ участія Гутшенберга, о которомъ совсѣмъ неупоминается.

Таковъ былъ плодъ долговременныхъ трудовъ Гутшенберга. Однакожъ изобрѣшатель не покинулъ своей охоты къ книгопечатанїю; вѣрный другъ его *Конрадъ Гумери* доставилъ ему типографической снарядъ, которой по смерти Гутшенберга въ 1468 году взялъ имъ обратно (*). Въ 1465 году Маинцскій Курфирштъ *Адольфъ* при-

---

(*) См. Прибавленіе W къ Гутшенберговой Апологіи на Нѣмецк. стран. 101. Оно есть росписка *Д. Гумери* въ полученіи отъ Маинцскаго Курфиршта *Адольфа* типографическаго снаряда.

нялъ Гупшпенберга въ число своихъ придворныхъ; но художникъ не долго пользовался сею милостію. Годъ и день его смерти неизвѣстны; впрочемъ по досповѣрно, что Гупшпенбергъ умеръ прежде 24 го Февраля 1468 года; ибо сей день означенъ на Гумеровой роспискѣ въ обратномъ полученіи шипографическаго снаряда. Вошъ его надгробная надпись, хотя и никакъ объ ней не упоминаетъ:

D. O. M. S.

Ioanni Genszfleisch, artis impressoriae repertori, de omni natione et lingua optime merito, in nominis sui memoriam immortalem *Adam Gelthus* posuit. Olsa ejus in ecclesia D. Francisci Moguntina feliciter cubant.

Т. е. „*Иоанну Генцфлейшу*, изобрѣ-
„пашелю книгопечатнаго. и скусства,
„всѣмъ народамъ и языкамъ великія услу-
„ги оназавшему, въ безсмертную память
„имени его, отъ *Адама Гелтуса*. Ко-
„сти его почивающъ въ Маинцской цер-
„кви Св. Франціиска.“

(Переведено съ НѢм. въ Вологод. Сем.)

Происхожденіе

Балантинъ (*),

или

куда Греческія и Римскія дамы прятали свои ключи и плашки?

Нѣмецкая ученость извѣстна; но многимъ неизвѣстна можетъ быть Диссертація ученаго Бешшигера о томъ, куда Греческія и Римскія дамы прятали свои ключи и плашки, и какъ родилися на свѣтѣ баланпины 18 или 19 вѣка. Развѣ ученые мужи, спросивъ какой - нибудь профанъ, разсуждающъ о подобныхъ предметахъ? Безъ сомнѣнія, если они могутъ при семъ случаѣ изслѣдовать памятники древности, перерытъ бумаги въ архивахъ и покрытыя пылью, священною для учености. Невѣжи назовутъ ихъ педаншами, но трудъ ихъ будетъ украшеніемъ науки. Такъ и ученый Бешшигеръ не принялся бы за перо, если бы не имѣлъ въ виду Греческихъ и Римскихъ дамъ, до которыхъ восходитъ въ своей ученой Диссертаціи. Такъ и я думаю,

---

(*) *Баланпины* называются уже *ридикюлами*. Но и *ридикюлы* вышли нынѣ изъ моды, которой полетъ быстрое времени. Извиняемся передъ читателями, что мы опшпали немного опы нашего вѣка. В. И.

что для Русскихъ чипапелей, знакомыхъ съ ученостію, пріятно будетъ узнать нѣчто о происхожденіи баланшинъ, о ключахъ и плашкахъ древнихъ дочерей Греціи и Рима, и проч. На Бешпигерово разсужденіе писали комменсаріи, какъ на Аристошеля; иные дополняли его: я буду пользоваться всѣми вообще замѣчаніями, не слѣдуя ни одному съ раболѣпнымъ подражаніемъ. Послѣ сего предисловія, весьма крашваго, приступаю къ дѣлу.

Люди, свѣдущіе въ дѣлахъ нашего времени и въ изобрѣшеніяхъ переняшихъ у Грековъ, знаютъ, что нынѣшнія женщины, подъ ихъ прозрачными покрывалами и въ самомъ легкомъ одѣянніи, не имѣютъ мѣста для кармановъ и слѣдовательно для ключей и плашка. Не вздумайте, ради Бога, что рѣчь идетъ о связкѣ огромныхъ ключей отъ кладовой, отъ погреба, отъ шкафа съ бѣльемъ; развѣ, милосливые государи, вы другаго вѣка, или изъ другой земли? Нѣтъ, конечно! но есть, какъ извѣстно, бумаги, письма, вещи, которыхъ не лзя не запирашь; и если бы ключи *шифонерокъ*, *слоликовъ* и *портфельей* были даже самыми укладисшими ключиками, какіе можетъ шольно произвести Англійское искусство, то и въ семъ

случаѣ надобно имѣшь мѣсто, куда ихъ положишь. И кромѣ того, куда дѣвашь плашокъ? Правда, что вошло было въ обыкновеніе вѣрять его кавалеру, который прислуживалъ дамѣ, такъ что наши мушкетеры превратились на время въ *платоносцевъ*, какъ нѣкогда герои были щипоносцами; а съ другой стороны новыя султанши раздавали и вручали плашки съ неизвѣсною ловкостію: надобно всѣмъ отдавать справедливостъ. Между шѣмъ кавалеры и дамы расходились; случалось имъ стоять на двухъ концахъ залы; и Богъ знаетъ до чего доводило опускствіе жлашносца! Наконецъ, одинъ изъ шѣхъ великихъ умовъ, которые умѣютъ налагать дань на всѣ вѣки для украшенія нашего, пересмотря всѣ надгробные камни, надписи и памятники, опыскалъ и опрылъ въ землѣ гошическую спашую 14 вѣка, у которой на поясъ висѣло съ опахаломъ, чепками и зеркальцомъ. . . родъ кошелька, извѣснаго въ помѣ вѣкѣ подъ именемъ *благостыинницы*. Сіе важное опкрытіе случилось въ опечествѣ зефирныхъ Французовъ. Топъ часъ предлагающъ дамамъ гошическій образецъ. Дамы въ восхищеніи. Оспроумившія изъ нихъ шрудятся, какъ бы опдѣлашь лучше по новому вкусу новыя кошельки и снурочки, на которыхъ надле-

жало висѣшь имѣ. Оспаешся одно запру-
дненіе. Имя *благослышницы* (autoniere
или escarcelle) не очень приапно для слу-
ха и воображенія. Какъ же бышь? Надобно
изобрѣсшь Греческое названіе, говорящѣ да-
мы; пускай ученые займущся симѣ дѣ-
ломѣ; не для того ли заведены Академіи,
а особливо *Национальный Институтъ*
нашъ? и дамы бѣгущѣ въ залу, къ члену
ихѣ Института. Mon cher Mr. Gail, най-
дише и скажише намѣ, какѣ называлась по-
гречески еша прекрасная игрушка, висящая
на поясахѣ нашихѣ? — Красавицы, mes
belles dames, опѣвѣчаешѣ Академикѣ не за-
пинаясь: ешо называлось *баланшинами*. —
Чувствительнѣо вамѣ обязаны; и пакѣ ешо
баланшиня! — На другой день на пре-
красныхѣ снурочкахѣ качались и лепали
у дамѣ баланшины ошѣ пояса до колѣна.
Нѣкошорые забавники сравнивали ихѣ съ
гусарскими *fabre-taschen*, и ушверждали
чшо новыя Гречанки походящѣ болѣе на из-
вѣспнаго Шевалье д'Еона нежели на *Коринѣ*
и *Делій*, воспѣшыхѣ Тибуллами. Но къ
сожалѣнію, ешь безпорядочные умы, ко-
шорые ошспающѣ ошѣ своего вѣка.

Ешь другіе люди, хошящіе всегда знашь
причину всякой бездѣлки. Для чего, гово-
рящѣ они, называшѣ древнимѣ именемѣ

новую вещь? Развѣ дамы Греческія или Римскія носили *балантинны*? — Нѣтъ. — А карманы? — И этого нѣтъ. — Куда же онѣ прятали свои ключи и плашки? — На сей вопросъ, какъ и на другіе, должно отвѣчать основательно, не смотря на имя перланша, которымъ неблагодарныя Парижскія дамы пожаловали, какъ сказываютъ, нашего собрата.

Въ разсужденіи ключей, ни въ Афинахъ, ни въ Римѣ дамы не имѣли, и слѣдовательно не носили ихъ. Перспень служилъ имъ вмѣсто печатки, и вмѣсто ключа. Онѣ не говорили: я заперла сундукъ и буфетъ; но — я запечатавала ихъ. Пѣшухъ, символъ бдительности; рогъ Амальтеи, рогъ домашняго изобилія искусно вырѣзанный на аметистѣ или другомъ камнѣ, и выпечатанный на мягкомъ воскѣ, были тогда запорами и поруками безопасности. Можешь быть такіе запоры недостаточны для нашего времени. Но тогдашнія женщины рѣдко выѣзжали и выходили изъ своихъ покоевъ. Ихъ окружала всегда шолпа невольницъ, которымъ поручены были различныя должности: одна сперегла двери, другая уборъ головной, прешья плашье, иная обувь; та носила вѣеръ, а та зонтикъ. . . ; Ихъ называли: *флабеллифе*

ре, амбелифере, библиотекари и проч. и проч. (*). . . . На что замки и запоры, когда невольницы ошебчають жизнь за покрывала, за мебели, за драгоценныя вещи? Одновременно были у нихъ нѣкотораго особеннаго рода замки и ключи, совсѣмъ не похожія на наши, — но только для храмовъ, и для домовъ. Героическіе вѣки представляють пому примѣръ достопамятный. Въ началѣ 21 книги Гомеровою Одиссеи, Поешь изображаетъ Пенелопу, возвращающуюся въ ея *Гинецей* (gynaecium):

Прекрасная рука подвемлетъ ключъ рѣзной,
Гдѣ кость и спаль блестятъ работою дорогой.

Нѣкоторые изъ сихъ ключей имѣли такую тяжесть, что надлежало ихъ носить за плечами. Безъ сомнѣнія тогдашнія дамы водили за собою невольницу, на которую могли бы, въ случаѣ нужды, сложить тяжелую ношу. У насъ замки размножились, а искусство дѣлать ихъ увеличилось, между тѣмъ какъ смягченіе нравовъ уничтожило обыкновеніе водить за собою невольницъ. Надлежало новымъ механизмамъ и придуманными орудіями изъ

(*) См.: Columbarium Liviae съ комментаріями Біанчини: Camera ed iscrizioni sepolchrali de liberti, servi et ufficiali della casa di Augusto.

деревь и мешалла замѣнить то, что выполнили люди, обращенные въ машины.

Теперь спрашивающъ: куда погдашнія дамы прятали ихъ плашки? Никуда; ибо у нихъ не было носовыхъ платковъ, также какъ и ключей. По сему видно, какъ поништя древнихъ о здоровьи и числѣ дѣл были ошъ поништя нашихъ. У древнихъ другой свѣтъ, другіе обычаи, другіе нравы. Мы можемъ нынѣ платкомъ обпереть себѣ лобъ безъ всякаго стыда. Въ Греціи и въ Римѣ не позволяли того. Женщина не могла въ публикѣ упопрелять платка своего безъ нарушенія скромности и вѣжливости; въ шакомъ случаѣ ее опослали бы домой какъ больную. Молодая дѣвушка опогнала бы всѣхъ жениховъ своихъ; и многіе мужья разводились за то съ женами. Ювеналъ (сат. 6, стихи. 145) говоришъ о любовницѣ, оставленной за сей порокъ. Можно видѣть въ *Хвастливомъ солдатѣ* Плавша (дѣйствіе 3. явленіе 1, стихи 192), какихъ свойствъ пребуешъ знамокъ ошъ жемаемой имъ невѣсты; а въ *Геркулесовомъ щилѣ* (стихи 267) увидише, какъ Гезіодъ дописываетъ мерзкой поршпрешъ богини мрака.

Впрочемъ спрогая благопристойность требовалась не ошъ однихъ женщинъ, но и ошъ мужчинъ, особливо въ шоржесшвед-

ныхъ случаѣхъ, при богослуженіи, и на позорищахъ. Тацитъ пишетъ, какъ былъ на поостороженъ Неронъ, котораго великая слава въ театру известна, и который, по словамъ сего историка, хвалился тѣмъ, что никогда не обширалъ лица своего въ театръ. Епиктетъ въ одной правоучительной бесѣдѣ восклицаетъ въ цинику: „осмѣлишься ли ты, неопрятный, вступишь въ наши храмы, гдѣ никто не дерзаетъ плевать и сморкаться?“ — Сія глава объясняетъ намъ, что древніе разумѣли подъ словомъ опрятность.

Кажется однакожъ, что въ обыкновенныхъ случаяхъ, даже въ судахъ и на пиршествахъ, на кошорыхъ никогда не присутствовали женщины, мужчины обширали пошью лица бѣлымъ тонкимъ платкомъ. Въ Плиніевой Реторикѣ, по свидѣтельству Квинтилиана, были предписаны правила, какимъ образомъ надлежало оратору употреблять ихъ *sudarium* (платокъ для опирания пошя). Его носили въ складкахъ хитона, или около шеи, наподобіе талстуча, какъ представлень Неронъ у Селонія, и Тримакціонъ у Цепронія.

Не лзя не удивляться конечно, что въ Афинахъ и въ Римѣ неизвѣстно было женщинамъ употребленіе платка; но размы

слимъ объ ихъ пищѣ, объ ихъ нравахъ, и удивленіе уменьшился. Вспомнимъ объ ихъ сидячей жизни. Не было ни шумныхъ обществъ, ни многочисленныхъ собраній, гдѣ бы соединялись оба пола; ни гульбищъ народныхъ, ни баловъ, ни концерповъ. Спыдливыя дѣвы и цѣломудренныя жены въ Римѣ и въ Аѣинахъ показывались передъ народомъ только при нѣкоторыхъ торжественныхъ обрядахъ и въ торжественномъ костюмѣ. Онѣ собирались или на служеніе богини, или на вечернія шаинства, или на священные пляски, и торжество совершалось подѣ открытымъ и прекраснѣйшимъ небомъ; въ цѣвѣшущее время года въ шѣхъ мѣстахъ не лзя было опасаться ни прѣспуды, ни кашля, ни насморка, и ничего подобнаго. Иное дѣло въ нашихъ холодныхъ и сырыхъ климатахъ, гдѣ всѣ забавы и бесѣды наши происходятъ при дымѣ горящихъ свѣчъ, въ залахъ оплвсюду запертыхъ и душныхъ, изъ которыхъ выходимъ на острый и рѣзкій воздухъ. Наши ромнашы, герметически зашворенныя зимою, наполнены мефизмомъ, въ которомъ органы дыханія распроиваются. Впрочемъ Гречанки не такъ легко одѣвались, какъ нынѣшнія полу-нагія Парижанки, съ которыхъ, въ стыду вѣка и нравовъ, взяли примѣры другіе народы въ Европѣ. Тѣ спрашно ошибаются, которые думаютъ, что

и копорые костюмы, изображенные живописцами, были обыкновенными женскими костюмами в приватной жизни. Къ тому же, у Грековъ мужчины, дѣвушки, женщины, всѣ ежедневно освѣжались въ купальняхъ, въ баняхъ теплыхъ, въ ваннахъ, копорыя очищали шло отъ мокротъ, и черезъ благошворныя испаренія поддерживали чистоту и здоровье самымъ дѣйствительнымъ образомъ. Когда, въ позднѣйшихъ вѣкахъ, христіанское благочестіе почти испребило обыкновеніе купанья, Климентъ Александрійскій совѣщаетъ пользоваться ими въ своемъ *Педагогѣ*. Можетъ быть и то, что множество благоуханій, ароматовъ, душистыхъ испареній отъ цвѣтовъ и атмосферы, въ копорой дышали древнія женщины, уменьшало у нихъ потребность имѣть плавокъ, какъ напрошивъ того отъвращительное нюханье табаку у насъ увеличиваетъ ее такимъ безпокойнымъ образомъ. Что Ксенофонъ въ его Киропедіи рассказываетъ о сямъ Персіанъ: „гдѣ ни одинъ чело-“, „вѣкъ не плавалъ и не сморкался никогда,“ то разумѣется о всѣхъ благовоспитанныхъ людяхъ его времени.

Согласимся, скажетъ чищатель, что прекраснѣйшая половина жителей въ Римѣ и въ Греціи не имѣла нужды въ карма-

нахъ для ключей и плашковъ; но могли ли сѣи дамы не имѣшь мѣста, куда заперешь золотое колечко, любовный подарокъ, письмо съ шайными и вѣчными клятвами сердца? Если тысячи бездѣлокъ, копорыкъ не лзя ввѣрншь усерднѣйшей наперсницѣ, проворнѣйшему невольнику. Какъ же поступали въ семь случаевъ Греческїя дѣвы и жены? Онѣ имѣли широкіе пояса (зоны), за которые можно было прятать вещи драгоцѣнныя или шайныя. А мужчины запыкали кошельки за свой поясъ. Въ семь значенїи Греческая зона означала смыслу *балантіона*. Гораціево *zonam perdere* значитъ: потеряшь или утратишь деньги. Чтожъ касается до любовныхъ госпоинцевъ и писемъ, то не спорю, что онѣ имѣли иногда нужду прятать ихъ, и въ самомъ дѣлѣ прятали за поясъ и за шейный окольщекъ. Шейный окольщекъ входилъ въ уборъ дамскїй.

Fascia, crescentes dominae compræsse papillas;
Ut fit, quod capiat nostra tegatque manus.

говоритъ Марціалъ (l. 14, ep. 134): и Овидій, маспервъ сего дѣла, наславляетъ въ своей *любовной наукѣ*; какъ употребляетъ шейную оборку:

Inflatum circa fasciâ pectus eat.

(l. 3, v 274.)

Яблоко, гранатъ, померанецъ, или другой плодъ какойнибудь былъ нерѣдко повѣреннымъ иѣжной спрасши. *Квилъ* называется донынѣ въ Сицилиі ротто del zitto, *яблоко обрученнаго*. *Саламсъ*, сей иѣмый и краснорѣчивый залогъ, столь славный въ любовныхъ мѣшописяхъ восточныхъ народовъ, соспоитъ только въ собраніи цвѣшповъ и плодовъ. Въ древности есть множество примѣровъ сихъ цвѣшочныхъ емблемъ, копорыя могутъ объяснить намъ яблоко *Париса*, яблоки разсыпанныя *Илгоменою* передъ прекрасною *Атлантаю*, и другія басни, гдѣ яблоки играють ролю. Другой значительный опвѣтъ любви былъ пошъ, чшобы опкусить яблоко и обратно кинуть его къ обожашелю. Благочесшивые и свѣшпые мужи воспашвали даже прошивъ сего любоспрасшнаго укушенія (рета адморза), и находили въ немъ опношеніе къ исторіи первобышнихъ прародителей нашихъ. Какъ бы то ни было, молодая дѣвушка всегда припашала любовные подарни къ бѣющемуся своему сердцу. Капуллъ выводитъ изъ шого прекрасное сравненіе въ одномъ мѣспѣ своихъ сочиненій. У одного древняго комика, котораго слова приводитъ *Ноній Марцелль* (Nonius Marcellus), красавица восшлицаетъ:

Me miseram! quid agam? inter vias epistola ex-
cidit mihi,
Infelix inter tunicam et strophium quam collo-
caveram.

А лукавый Овидій, истинный судія
въ семъ дѣлѣ, говоритъ такъ въ любовной
науцѣ о способѣ вручать письмо любовни-
ку самымъ скрытнымъ образомъ:

Conscia cum possit scriptas portare tabellas
Quas tegat in tepido fascia lata sinu?
Cum possit sura chartas celare ligatas,
Et vincto blandas sub pede ferre notas?

(l. 3, v. 621.)

Нѣтъ нигдѣ ни слова о нарманахъ. И
такъ на вопросъ:

*Гдѣ Римскія и Греческія дамы
прятали ихъ ключи и платокъ?*

Можемъ, въ ожиданіи лучшаго разрѣ-
шенія задачи, отвѣчать: *нигдѣ.*

На что же походятъ бывшіе *балан-
тинки* или *ридикулы*? Ни на что въ
древности, а развѣ на Діогенову копомку.
Еще не очень вѣжливо! Но виновата древ-
ность, если находимъ только у циниковъ
нѣкопорою образецъ сей моды.

В. Ш.

III. С М Ъ С Ъ.

О прочности славы.

Одинъ содержатель питейнаго дома въ нѣкоторомъ Англійскомъ городѣ прибыльно, удачно и долго продавалъ пиво свое подѣ вывѣскою *Короля Французскаго*. Началась война между Англіею и Франціей; патриотизмъ заставилъ хозяина снять прежнюю вывѣску, и выставить другую съ изображеніемъ *Венгерской Королевы*. Но скоро попомъ своиравные посѣщители незахотѣли пить пиво подѣ симъ знакомъ, и требовали новаго героя. Надлежало снять Венгерскую Королеву и выставить *Короля Прусскаго*. Преданіе не говоритъ, кто смѣнилъ послѣдняго.

Такимъ образомъ и во мнѣніи толпы народной, всегда склонной къ переменамъ, временные герои, подобно Кишайскимъ шбнямъ, уступаютъ мѣсто одному. Есть люди, готовые усердно удивляться симъ блестящимъ метеорамъ; но удивленіе ихъ не составляетъ прочной славы: они, какъ дѣти, очень скоро бросаютъ прежнюю игрушку, и требуютъ новой.

Исторія примѣрами своими учитъ насъ, какъ мало надобно полагаться на

восклицанія людей, которые ищущь случаев удивляясь чему бы то ни было.

Папа Александръ VI вѣзжая въ нѣкоторой маленькой находящейся близъ Рима городѣ, незадолго передъ шѣмъ оставленный непришельскимъ войскомъ, увидѣвъ на площади гражданъ, изъ которыхъ одни снимали съ висѣлицы собственнѣйшій портретъ его, а другіе разрушали спашую, представлявшую его непришеля, съ шѣмъ чшобъ на мѣсто оной поставишь образъ Папы. Иной наказалъ бы льстецовъ за ихъ подлость; но Александръ удовольствовался шушкою. Онъ улыбнулся и сказалъ своему сыну, Боргѣи: „Vides, mi fili, quam leue discrimen patibulum inter et statuat. Видишь ли, сынъ мой, какъ недалеко отъ висѣлицы до спашуи.“ Изъ сего урока должны бы сильныя мѣра сего научишься, сноль зыбкое основаніе имѣешь ихъ слава; ибо толпа народная часшо удивляется мнимымъ заслугамъ, равно какъ она же слишкомъ поспѣшно осуждаетъ за мнимыя преступленія.

Промвеля при жизни загнушали похва-
лами; послѣ смерти шрупъ его вырышь
былъ изъ могилы и привязанъ къ висѣ-
лицѣ.

Память Робеспьера погибла съ шумомъ. Нѣтъ нужды говорить о приближенныхъ льстецахъ Бонапарша; кто не имѣлъ ихъ? Но мы слышали крикуновъ, которые на краю Европы, единственно по легкомыслію, изо всей мочи возглашали о безпримѣрныхъ его подвигахъ, величали его *героемъ века*, называли его *первымъ историческимъ лицомъ нашего времени* — безпокойнаго смѣльчака, хищника пресполовѣ, грабителя и утѣсниителя народовъ, возстановителя невѣжества и варварства, осквернителя святыни, опустошителя отъ вѣры! Онъ гонялся за мнимою славю, и будешь награжденъ ею по заслугамъ.

Мнимая слава походитъ на своенравную кокешку: любовники ея хлопчутъ, безпокояшся, мучашся, и на послѣдокъ въ награду получаютъ презрѣніе. Напрошивъ того истинная слава есть женщина благоразумная: почишатели ея не клѣвняются ослѣпительными мѣлочами, и не зашѣвуютъ пагубныхъ предпріяшій; они не суетяшся, не видаюшся изъ угла въ уголъ какъ бѣшеные; они спокойно трудяшся для общей пользы, наслаждаясь живошворною увѣренностію, что по мѣрѣ заслугъ своихъ получаютъ достойную мзду отъ щомства. Т.

Анекдотъ объ учителяхъ Французяхъ.

Мосье *Ворьянъ* и мосье *Филу*, давнишнїе приятели между собою, жили въ двухъ разныхъ домахъ на всемъ содержанїи богатыхъ своихъ хозяевъ, и по обыкновенїю за дорогую плату развращали дѣтей ихъ, шо есць уча пищикомъ своихъ Французскому языку, словами и поступками, умышленно и безъ умыслу, тайно и явно вперяли въ нихъ уваженїе къ Франціи и презрѣнїе къ ихъ ошечесству. Тутъ иной читатель попроситъ своей вздумашь остановишь насъ множествомъ вопросовъ: „Какъ? развѣ Французской языкъ сшитъ шога, чшобы для изученїя оному подвергашься почти неизбѣжной опасности развращенїя? Развѣ безъ Французовъ нельзя научишь сему языку сколько, сколько надобно знанъ благовоспитанному юношѣ для чпенїя хорошихъ писателей? Развѣ ученикъ въ состоянїи понимашь о чужомъ языкѣ правила, извясняемая ему не на природномъ его языкѣ? Развѣ надобно приучашь дѣтей съ малолѣтства мыслишь пофранцузски, забывать о томъ, что они должны бышь приготовляемы для обращенїя съ людьми, копорымъ мысли ихъ будущъ казашься спранными, а слова буквально переводимыя въ разговорѣ варварскими? Развѣ приобрѣ-

шаемыя посредствомъ чужаго языка свѣдѣнїя полезны, когда мы не можемъ сдѣлать изъ нихъ никакого употребленїя, не будучи въ состоянїи приноровить ихъ къ предметамъ того круга, въ кошоромъ судьбою опредѣлено намъ дѣйствовать по обязанности общечеловѣческой, и когда не умѣемъ сообщать ихъ на опечесченномъ языкѣ своимъ одноземцамъ? Развѣ? развѣ? . . .“

Охъ, милоспивые государи, оставьте свой возраженїя. Ихъ опровергнувъ двумя непобѣдимыми доказательствами: *во первыхъ*, у Французовъ числая прононсїя; *во вторыхъ*, такъ водится. — — Злой духъ позавидовалъ дружескому союзу учипелей: они поссорились, побранились и даже подрались, если вѣришь преданїю. Филу рѣшился опмстить врагу своему вѣчнымъ посрамленїемъ; онъ бѣжидъ прямо къ господину N. N., опцу дѣшеи воспитываемыхъ *Ворьенемъ* (ибо къ г-ну N. N. всякой Французъ имѣлъ свободной доступъ), и послѣ взаимнаго пожашїя руки, послѣ обыкновенныхъ привѣтствїей говоритъ ему съ видомъ горячаго учасшїя: „Вамъ надобно опсперечься; я узналъ важную шайну; мосье *Ворьень* безчестной человекъ; онъ публично заклеяменъ въ Парижѣ за разныя бездѣльничества; пусть войдешъ въ кабинетъ вашъ и при мнѣ покажешъ вамъ правое плечо свое.“

Смущенный N. N. велѣлъ позвать *Ворьеня*.

Рѣчь зашла объ учительскомъ плечѣ его, и *Ворьень* догадавшись, чѣмъ должна окончиться сія неприятная бесѣда, сказалъ на опрѣзѣ: „Такъ, я несчастливъ; но я пострадалъ невинно; ссылаюсь на общихъ нашихъ знакомыхъ, здѣшнихъ Французовъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями бѣдспвеннаго со мною приключенія. Но они же докажутъ вамъ, что исполнилелемъ судейскаго приговора надо мною былъ епопъ бездѣльникъ, объявившій вамъ поносную мою пайну.“ *Ворьень* и *Филу* принуждены были уѣхать изъ столицы и искать наживы у провинціальныхъ галломановъ; но ихъ должности скоро заняты были другими; ибо надлежало *окончить воспитаніе* дѣшей, для копорыхъ опцы не щадили никакого иждивенія: палача смѣнилъ ловной аббатъ, получавшій пенсію отъ одной преспарблой коешки, копорой онъ два года оказывалъ значительныя услуги, извѣстныя многимъ насмѣшникамъ; а мѣсто заклеяменнаго плупа заступилъ важный членъ какой-то, по собственнымъ словамъ его, весьма знаменитой Французской академіи, по словамъ же другихъ удалецъ, коего испорія мало чѣмъ уступаетъ походеіямъ Ваньки Каина. По крайней мѣрѣ чадолюбивые опцы, какъ сказываютъ, употребили съ своей стороны надлежащую предосторожность; ибо не прежде рѣшились упучнать новыхъ мен-

поровѣ, какъ по щашельномѣ осмопрѣ наставническихъ раменѣ и хребтовѣ ихѣ, да и всѣмѣ знакомымѣ своимѣ, любителямѣ Французскаго болпанья, подѣ рукою совѣтовали неупускать изѣ виду сей важной сшашьи договора. Т.

~~~~~

Къ Читателямѣ.

Окончивѣ издание Вѣспника Европы за 1812 годѣ, приятнымѣ для себя долгомѣ почишаю засвидѣтельствовашъ передѣ всѣми искреннѣйшую благодарность Начальству Университетской типографіи. Оно не лишило меня способѣ исполнить обязанность мою, и неусомнилось предпочестъ важность общественнаго довѣрія опасенію *затруднительныхъ* издержекѣ, отѣ которыхъ общее несчастье освобождало типографію благовиднымѣ образомѣ, шѣмѣ болѣе что и сама она поперпѣла весьма значительный убытокѣ отѣ пожара и расхищенія. Надѣюсь, что поздняя выдача первыхъ нумеровѣ 1813 года не навлечетѣ! нареканія господѣ подписавшихся: я незахотѣлъ возлагать на себя новой обязанности, прежде нежели освобожусь отѣ старой. При помѣ же неудобство вѣ сообщеніи сѣ заграничными краями не дозволяло намѣ, Московскимѣ жителямѣ, пользоваться иностранными журналами и вѣдомостями. Нынѣ, при возстановляющейся корреспонденціи, уже и здѣсь начинаютѣ появлятьсѣ сіи дорогіе гости, и къ общему удовольствію сѣ добрыми вѣстями. Вѣ два мѣсяца прежній порядокѣ выдачи возобновившѣся, а до того вре-

мени просимъ господъ подписавшихся вмѣсто одного нумера чишать вдругъ по два, то есть по десяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждыя двѣ недѣли. К.

ИВ. ПОЛИТИКА.

Письмо изъ Варшавы.

(Выписка.)

Весьма ошибаешься, кто думаетъ, будто большая часть Поляковъ и вообще такъ называемый народъ дѣйствительно привержены къ Наполеону. Поляки считаются добрыми католиками; а имъ извѣстно, что Папа предалъ Наполеона проклятію. Слѣдствія сего проклятія теперь очевидны: истребленіе большой Французской арміи есть конечно Божія казнь за великія обиды, нанесенныя Папѣ. Точно такого мнѣнія большая часть Поляковъ о бѣдственныхъ, недавно случившихся событіяхъ; къ нимъ прибавить еще должно тысячи опцовъ и маперей, женъ и дѣтей, коихъ сыны, мужья, опцы увлечены въ Испанію, и тамъ принесены на жертву ужаснѣйшему идолу бѣшеннаго властолюбія. Можно ли спастись, чтобы Поляки привержены были къ такому человѣку, кошорой оплученъ отъ цер-

кви; надъ копорымъ гремятъ проляшнѣ Папы и Божіе мценіе; и копорой мечтою Польской самобышности Фиглярски свиграли съ ними шушку столь плачевную?

Правда; мы увѣдомились шеперь; что великій Наполеонъ счастливо дошянувши благоразумную рещираду свою до самаго Парижа; съ горя обратился къ Папѣ; у копорого даже выманилъ конкордашъ; какъ онъ самъ увѣряетъ; однакожъ мы очень хорошо знаемъ швердой характеръ Папы; и пошому не можемъ удержаться отъ нѣкопорыхъ сомнѣній, особливо же когда скрываютъ отъ насъ содержаніе шого конкордаша. Положимъ на часъ; будшо оно и выгодно было бы для Наполеона; но мы недолжны забывать; что Папа ешь узникъ его; и что пока неполучишь онъ совершенной свободы; дошолъ вынуждаемыя у него распоряженія и на словахъ и на письмѣ столь же мало значашъ, какъ и шпреченіе Испанскаго Короля отъ престола, когда въ Байонѣ предложено ему было выбирать или смерть; или шпреченіе.

Всѣ знаютъ; съ какимъ насильственнымъ шщаніемъ подавляемы были извѣшя, заключающія въ себъ какую-нибудь истину неприяшную для Наполеона; вотъ чему приписашъ должно невѣр-

нѣе многихъ Поляковъ о помѣ, что такъ
 называемый возспановишель ихъ пораженъ
 Папскимъ проклятіемъ. Весьма желатель-
 но при нынѣшнихъ обспоятельстввахъ,
 чшобы духовенство посшаралось увѣдомишь
 народъ обо всемъ случившемся, надлежащимъ
 образомъ вразумишь его, и напомнишь, что
 всякой рапующій подъ знаменами прокля-
 таго челоѵка, по церковнымъ правиламъ,
 самъ подвергается оплученію. Баварцы,
 Австрійцы и другіе народы супъ шавже
 добрые наполики; почемужъ они доселѣ
 не подумали, что сражающся прошиву
 Папы? и чѣмъ сей крошкій Первосвящен-
 никъ заслужилъ споль ужасныя обиды отъ
 Наполеона? Не все ли онъ сдѣлалъ, что
 шолько было съ должностями его совмѣ-
 стно, дабы приобщишь къ церкви шакого
 челоѵка, которой въ Африкѣ явилъ себя
 чшишелемъ Магомета? Все было напрасно!
 Кто неимѣетъ нравспвенности, попъ и
 никакой вѣры въ душѣ своей имѣшь не
 можешъ.

Повторяю: мы здѣсь увѣрены совер-
 шенно, что лишь шолько духовенство наше
 надлежащимъ образомъ увѣдомишь народъ
 обо всемъ случившемся между Папою и На-
 полеономъ, обо всѣхъ бѣдспвіяхъ и унижаю-
 щихъ поступкахъ, которыхъ Свяшый отецъ
 принужденъ былъ вышерпѣшь, и о помѣ

какъ онъ громомъ проклятія, единствен-
нымъ своимъ оружіемъ, поразилъ без-
божнаго приписника; по каждой пра-
вовѣрный Полякъ не только перестанешъ
сражаться за губителя Европы, но даже
на него самого пошчасъ обратишь мечъ
свой.

(Изъ Кенигсб. Вѣд.)

*Отъ Варшавскихъ гражданъ къ ихъ
военнымъ собратіямъ.*

Воины! ни храбрость нашихъ солдатъ
и народа, ни всѣ многочисленныя пожер-
твованія наши не въ силахъ были сопро-
тивляться побѣдоноснымъ войскамъ Рос-
сійскимъ. Онъ вступили въ землю нашу,
овладѣли главнымъ городомъ нашимъ, и —
благодареніе Всемогущему! — сдѣлались
нашими друзьями. Всѣ ужасныя опасенія
наши преградились, когда начальствующіе
господа Генералы объявили удосповѣреніе
о даруемомъ для всѣхъ одноземцовъ нашихъ
покровительствѣ Великаго и Превознесен-
наго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА.

Ихъ и наши души, прежде еще сбли-
женныя языкомъ и сосѣдствомъ, соедини-
лись жъ соспавленію дружескаго союза шмъ

охопи́те , чѣмъ болѣе научены мы мно́гос-
лѣтними опытами :

Что Наполеонъ не о благоденствіи на-
шемъ и независимости заботится , но
только хочетъ нашею кровію , нашими
силами , храбростію нашихъ воиновъ по-
жорять народы ; и чрезъ то содѣлаться
единымъ всѣхъ властелемъ.

Великій народъ Россійскій показалъ
намъ , какія жертвы можетъ принести
нація , благородною гордостію одушевленная ;
готовая лучше поперять все нежели свою
свободу , свою независимость ; онъ соеди-
нился съ нами ; АЛЕКСАНДРЪ и Его Рос-
сіяне овладѣли не только войсками нашими ;
но и нашими сердцами.

Храбрые солдаты ; еще сражающіеся
подъ знаменами Наполеона , — сражающіе-
ся прошивъ братьевъ своихъ ; прошиву вы-
годъ цѣлой Европы ! оспавыте сіи знамена
позорнѣйшаго деспотизма ; возвратитесь
къ поваривцамъ своимъ , и докажите , что
вы достойны жить между нами ; между на-
ми , которые научены опытомъ , и копы-
рые ничего кромѣ блага не должны ждать
отъ благороднаго великодушнаго ИМПЕРА-
ТОРА АЛЕКСАНДРА.

Услышьте призываніе собратій вашихъ, поспѣшите въ объятія ближнихъ, возблывайте поля ваши, будьте опять гражданами и пашапелями вашихъ семействъ, или же воспримите награду храбрости вашей въ рядахъ собратій вашихъ, коихъ любовь не иначе приобрѣсть можете, какъ рѣшившись уже болѣе непроливать благородной крови своей за выгоды чуждаго, пришельца.

Заклинаемъ васъ именемъ святой нашей вѣры; возвратитесь! (Напечатано въ Варшавѣ на Нѣмецкомъ и на Польскомъ языкахъ.)

(Изъ Кенигсб. Вѣд.)

Объявленіе отъ Шведскаго Кронпринца жителѣмъ Помераніи.

Когда народъ Шведскій, одинъ изъ древнѣйшихъ и почтеннѣйшихъ въ Европѣ, предложилъ мнѣ обязанность управлять нѣкогда обществеными его дѣлами, и поднесъ мнѣ наслѣдственное право на престолъ Швеціи; тогда я оставивши Францію, прежде мое отечество, посвятилъ себя и сына своего берегамъ Балтійскаго моря; новому своему отечеству.

Съ той минушы въ искренности сердца почишалъ я каждаго Шведа за члена моего семейства, и только обезпечивая благо Швеціи могу я исполнить высокую свою должность. Не по одному только своему произволу и не по моему убѣжденію, но собственною гонимельностью движимый Его Величествомъ, нашъ Король, повелѣлъ мнѣ Шведскую армію привести въ военное состояніе для сопротивленія общему врагу сѣверной Европы.

Да не дерзнешь Франція укорять меня въ вѣроломствѣ, когда я принимаю начальство надъ храбрыми Шведами, дабы союзомъ съ Россією исцѣлишь раны, прежнею враждою нанесенныя благосостоянію Швеціи. Ибо по согласію самаго правителя Франціи нынѣ я принимаю участіе въ дѣлахъ народа, коего естественное положеніе не можетъ терпѣть продолжительной вражды противу сильнѣйшихъ державъ морскихъ. Союзъ же съ обладателями южной Европы не содѣлалъ бы счастливымъ бытія Швеціи; ибо весьма хорошо зная планы властолкбивѣйшаго человека нашего времени, я смѣло утѣряю одноземцовъ моихъ и всѣхъ обитателей Сѣвера, что не дружба, а единственно только сила возможетъ положить предѣлы его претребаніямъ, въ чемъ и самъ я удостовѣрился совершенно,

сражаясь при немъ и подъ его начальствомъ.

(Изъ Кенигсб. Вѣд.)

Положеніе Европы.

(Продолженіе.)

Прусаки! при первомъ взглядѣ на васъ, при взглядѣ исполненномъ радостной надежды, пробуждается воспоминаніе, прискорбное для сердца васъ любящаго. Несчастное расположеніе, господствовавшее особливо между военными людьми, въ разныхъ большихъ городахъ находившимися, давно уже произвело между солдатами и гражданами не только взаимное опчужденіе, но даже вражду и ненависть. Обыкновенно всю вину возлагали на военныхъ; но просите себя, граждане, не сами ли вы пому наиболѣе причиною? Въ мирное время высоко цѣня военныя права и преимуществва, не вы ли между шѣмъ дремали въ нѣгѣ и бездѣйствіи? Воинство есть часъ вашей націи, часъ васъ самихъ, оружіемъ охраняющая безопасность цѣлаго государства. Какъ же могло спастись, чшобы одни Прусаки, сего дня имѣющіе въ рукахъ своихъ оружіе, опважились презри-

щедно обходишься съ другими Прусанами же, еслибъ увѣрены были, что сіи послѣдніе рѣшительно готовы принять оружіе *завтра*, когда бы попреговала того общія безопасность? — Прусакі! несчастія, коими началась минувшая война, помрачили военную вашу знаменистость: но развѣ думаете вы, граждане и сельскіе жители, что перифальное ваше бездѣйствіе, во время оныхъ событій и при наславшемъ послѣ того угнѣщеніи отъ чуждаго пришельца, не уменьшило и славы народнаго характера вашего, показавъ слабость вашу со стороны самой невыгодной?

Теперь настало время опклонишь отъ себя постыдное подозрѣніе, и возстановишь народную честь вашу. Скоро Монархъ вашъ съ возобновленнымъ войскомъ выступитъ на поле брани для возвращенія утраченной независимости государства и для отмщенія за всѣ несправедливости, за весь стыдъ, вамъ нанесенный. Захотите ли вы, какъ овцы въ загорахъ, робко дожидаться конца сраженія между пастыремъ и волкомъ? Къ оружію, сыны опечесства! къ оружію всякой изъ васъ, кто чувствуешь силу въ рукахъ своихъ! собственное ваше мужество да научитъ васъ управлять онымъ. Въ началѣ минувшей войны жители малаго графства Маркскаго просили дозволенія овладѣть

крѣпостью Везелемъ, и они вѣрно бы то исполнили (*). Не довольно ли для васъ сего побудишельнаго примѣра? Когда Король вашъ, не взявши обратнo крѣпостей своихъ, пойдетъ мимо ихъ пропиву новыхъ ордъ, которыя Наполеонъ выслать собираешся; то вы восстаньте, и по крайней мѣрѣ обложите сіи ограждающія опечесство швердыни, насильшвенно у васъ похищенные. Да будетъ неизбѣжною жертвою смерти каждой изъ рабовъ похищителя, кто дерзнетъ выдти за крѣпостныя ворота! Изнемогши отъ голода и болѣзней, они скоро принуждены будутъ съ мольбами вручить вамъ ключи, и побѣдныя ваши восклицанія одушевятъ рашующихъ на полѣ собраній вашихъ къ новымъ подвигамъ геройскимъ.

Прусаки! всякой изъ васъ чувствующій свое достоинство, всякой-безъ сомнѣнія терзается скорбію объ упадкѣ опечесства, и она еще болѣе усиливается при гореспныхъ воспоминаніяхъ личныхъ оскор-

(*) Жаль, что имъ не дано просимаго дозволенія! Сей военной ихъ подвигъ, какъ ударъ электрическій, быстро подвѣшвовалъ бы на всѣ народы сѣверной Германіи, и минувшая война окончилась бы на Рейнѣ, а можетъ быть еще и за Рейномъ. Соу.

бленій; нанесенныхъ чести вашей и благосостоянію. Но я останавлиюсь на одномъ только предметѣ, священномъ, какъ я увѣренъ, для всѣхъ васъ. Прусски! вспомните о вашей Королевѣ, прекрасной, мудрой, благородно мыслящей Государынѣ, которую даже чуждые народы чтили съ удивленіемъ. Полипъ укоренившійся въ сердцѣ низвелъ ее въ могилу? Спросите врачей о причинѣ ея недуга; они скажутъ вамъ: продолжительная поспа, безнадежная, опчаянная гореспь. Прусски! убійца Енгѣна, наглый похищитель престола, среди васъ замучилъ и вашу обожаемую Королеву! Не въ вашей власти было защитить ее? Правда! Но вы заплашили бы съ величайшимъ презрѣніемъ тому челоуку, который смотрѣлъ бы только безъ сердечнаго участія на муку чужаго младенца. Пусть же пошъ изъ васъ недержающъ называющъ мущиною, кто не чувствуетъ обязанности опмстить за смерщельныя спрданія благородной, любви достойной женщины, и припомъ еще своей Государыни! Имя Луизы да будетъ военнымъ восклицаніемъ вашимъ на войнѣ, которая опечесшву возвратитъ прежнюю славу его, независимость и благосостояніе.

Д. Зисф.

Объ отлученіи отъ церкви Наполеона Палою Пиемъ VII.

Въ сѣверной Европѣ очень мало знаютъ объ отлученіи Наполеона отъ церкви, гораздо менѣе нежели сколько доспойна того важность дѣла и доспопамятная судьба Главы западнаго хрїстіянства.

Въ концѣ Января мѣсяца 1808 года Генералъ Мїоллисъ велѣ войско изъ Флоренціи къ Риму. На границѣ Папской области онъ остановился при Аваленденшѣ, съ намѣреніемъ дожидаться отъ Его Свяшѣйшества отвѣта на письмо, въ которомъ просилъ дозволенія пройти черезъ Римъ къ Неаполю; онъ увѣрялъ, что „желалъ бы для себя и для войска своего „имѣть крылья, дабы посредствомъ ихъ „по воздуху совершить походъ свой къ Неаполю, незная шуда иной дороги какъ черезъ Римъ; споль неохотно нарушаетъ „онъ тихое спокойствіе Его Свяшѣйшества „даже и однимъ видомъ оружія; ибо онъ „всячески спшарается, чтобы не было „слышно никакого шума во время перехода, „если шолько Папа дастъ на шо свое соизволеніе.“ Всѣ знали какъ о письмѣ, такъ и о данномъ отъ Папы дозволеніи пройти черезъ Римъ войску; почему ни-

тно и неудивлялся, когда во 2 день Февраля 1808 года въ прекрасное время шестлаго упра всступилъ Французской корпусъ въ городъ черезъ Народныя ворота (Porta del popolo). Войско продолжало шествіе по улицѣ Баббуино черезъ Испанскую площадь къ воротамъ Св. Іоанна, по дорогѣ ведущей къ Неаполю. Впереди везли нѣсколько полевыхъ орудій; за ними шла конница, потомъ пѣхоша, все тихо, въ строгомъ порядкѣ и безъ музыки. Но лишь только разбойническая шайка очутилась на большой площади передъ дворцомъ Монтекавалло, гдѣ самъ Папа тогда находился, какъ вѣроломный и коварный Міоллисъ вдругъ сбросилъ съ себя личину — пушки съ зажженными фитилями поставлены противъ дворца Папскаго подлѣ колоссальныхъ Діоскуровъ, которые лѣтъ около семи сошъ были богами храпшелями Аѳинъ, которые болѣе двенадцати столѣтій возбуждали удивленіе въ жштеляхъ вѣчнаго Рима, прежде нежели воздвигнуты были передъ черпгогами Главы каплицеской церкви, гдѣ находятся уже 225 лѣтъ, и которые въ продолженіе двадцати вѣковъ не видали столь ужаснаго оскорбленія всѣхъ правъ народныхъ. Въ то же самое время другой корпусъ вошелъ черезъ *Ангельскія ворота*, что близъ Вашикана, и занялъ *крѣпость Св. Ангела*, слабо охраняемую

Малочисленнымъ войскомъ; и недавшій нѣкому времени помыслишь о возможности такого неслыханнаго вѣроломства, Французы успѣли уже вездѣ смѣнить Папскую стражу; удвоить и упродить караулы и спокойно овладѣть всѣмъ городомъ!

Тогда оказалось странное отношеніе правительсва къ народу какъ въ Римѣ, такъ и во всей Папской области. Значительшіе и многочислѣншіе города, на примѣръ Чивитта - Веккія, Анкона и другіе, отъ которыхъ можно было ожидать сопротивленія, въ то же время и такимъ же образомъ были заняты; прочіе оставались въ прежнемъ положеніи. Папа, во внутренности огромнаго дворца удержавшій Швейцарскую свою гвардію; не показывалъ вида; будто замѣчаетъ происшедшія въ городѣ перемѣны; а Мюллисъ поскупалъ съ своей стороны съ нѣкоторою умѣренностію; однакожъ такъ какъ будто бы онъ давно уже былъ единственнѣмъ начальникомъ въ городѣ; и какъ будто ни дворца *Монтенавалло*; ни живущихъ въ немъ совсемъ не было на свѣтѣ. Сначала господствовала мрачная тишина въ народѣ и въ домахъ кофейныхъ; одинъ другому шопотомъ рассказывалъ о происшествіяхъ дня того, и всѣ исполнены были неперемѣннаго ожиданія, что впредь должно случ-

чишься. Казалось, что Римляне съ непамьяшныхъ временъ тогда еще въ первой шолько разъ совершенно забыли о празднованїи своего карнавала; вовсе непримѣшно было никакихъ пригоповленїй, и опышные спарики почипали епо ужаснымъ знакомъ шайнаго неудовольствїя въ народѣ. Французы шакже ничего не дѣлали ни въ пользу, ни прошивъ карнавала; но 21 Марша, въ день восшествїя Папы на престола, Мїоллисѣ приказалъ шоржество сїе ознаменовашъ пущечною пальбою изъ крѣпости Св. Ангела и освѣщенїемъ Церквы Св. Петра. Всѣ удивились, и не знали что подумашъ, когда, при всеобщей тишинѣ и мракѣ въ городѣ, ввечеру увидѣли ярко освѣщенными Апостольскую камеру по спаранїю Папскихъ чиновниковъ, а Церковь Св. Петра и Вашиканской дворецъ по заботливости Французскаго начальника. Мало по малу освѣщались и прочїе дворцы, шакже малые и большїе дома частныхъ людей, между шѣмъ какъ сосѣдственные зданїя оставались въ тишинѣ и мракѣ. Впрочемъ въ шеченїе года всѣ народныя и церковныя праздники оцправляемы были по шарому, и казалось, что шипели добровольно привыкаяшъ къ сему соспоанїю неизвѣстности, къ необыкновенному порядку вещей, къ тишинѣ шайнственной. Не было примѣра въ Европѣ, чтобы народъ,

подобно Римлянамъ, болѣе тысячи лѣтъ не имѣя никакой полиціи; могъ сославлять столь прочное Государство; и чѣмбы онъ могъ, подобно имъ, вести себя въ погдашнихъ обшюяшельствахъ. Такимъ образомъ Римляне показали, чѣм они имѣютъ опредѣленный свой характеръ, копорой въ печеніе многихъ вѣковъ неизмѣнялся, и копорой и въ семъ случаѣ необходимо долженъ былъ оспашься такимъ, какимъ былъ прежде. Они спокойно взирали на таинственную завѣсу, сокрывающую происшествія отъ ихъ взоровъ, и спарались узнать только о намѣреніяхъ Святаго Отца по его поступкамъ. Слѣдующіе два примѣра дадутъ понятіе вообще о поведеніи Его Святейшества.

Міоллисъ безпрестанно выдавалъ множество *бюллетеней большой арміи*, малозначущіе приказы геродскимъ жителямъ касательно перемѣнъ по части полицейской, и подобныя тому объявленія, копорыхъ не успѣвали печатать въ его типографіи; почему онъ далъ повелѣніе книгопечати Апостольской Камеры писнуть нѣсколько такихъ объявленій. Типографчикъ немедленно явился у Его Святейшества, и просилъ приказанія, какъ долженъ онъ поступить въ семъ случаѣ. Папа очень спокойно спросилъ его: „Въ чьей

„Службѣ ты находишься?“ — Въ службѣ
 Вашего Святейшества. — „И какъ, кто
 другой кромѣ меня можетъ тебѣ приказывать?“ —
 Типографщикъ пошелъ къ Французскому Генералу,
 и представлялъ ему о невозможности исполнить его
 повелѣнїе; шибѣ болѣе чѣмъ ему, типографщику;
 именно запрещено отъ Его Государя. „Im-
 prime, ou tu iras au cachot; печатай; или
 въ тюрьму!“ сказалъ Мюллеръ. Типограф-
 щикъ снова обратился къ Папѣ съ
 убѣдительнѣйшими просьбами и съ пред-
 ставленїемъ; что бѣдной гражданинъ не
 въ состоянїи противиться насильству но-
 выхъ Франковъ; сихъ жестокихъ варва-
 ровъ. „Непокорный!“ отвѣчалъ Папа: „ты
 болѣе не слуга мой; ты перестраешь бытъ
 имъ; ибо мнѣ неповинуешься. Я тебя и
 не принуждаю: Слупай; и повинуйся шибѣ;
 которые дѣлаютъ тебя рабомъ своимъ;
 ежели ты боишься ихъ насильства.
 „Подлецъ!“ Тронутый стыдомъ и раскаянї-
 емъ типографщикъ смѣло предсталъ пе-
 редъ начальника Фарисеевъ; и сказалъ
 ему: „я человекъ бѣдный; жена моя и ше-
 стеро дѣтей сидятъ дома безъ насущнаго
 хлѣба: но я служу Его Святейшеству, и
 не хочу печатать вашихъ объявленїй —
 ведите меня въ темницу.“ Его опустшили;
 потому что нечего другого было съ нимъ
 дѣлать. — Подобные примѣры давали знати

народу , какія намѣренія имѣешь Папа и какъ надлежало обходиться съ Французами.

Гораздо важнѣе слѣдующее происшествіе. Народъ непрестанно беспокоилъ Ошца Святаго. Городскіе жители и поселяне , которые всегда могли свободно видѣть Папу , убѣдительно просили , чтобы онъ дозволилъ и благословилъ имъ повшорить Сицилійскую вечерню. Они говорили , что все уже приготовлено къ произведенію въ дѣйство намѣренія — въ опредѣленный часъ предашь смерти всѣхъ Французовъ безъ извѣстія на всемъ пространствѣ Папскихъ владѣній. Свяшій Отецъ никакъ не хотѣлъ на то согласиться ; онъ ясно доказывалъ своимъ подданнымъ , сколько было бы опасно и вредно опваживаться на какіе либо возмущительные поступки. „Какихъ полезныхъ слѣдствій можете вы ожидать отъ кровопролитія , которое останется тяжкимъ грѣхомъ на вашей совѣсти?“ такъ говорилъ Папа своему народу: „Развѣ не знаете вы безчисленныхъ ордовъ разбойническаго ашамана? Лицемѣрь , все еще стараешься , чтобы почитали его справедливымъ ; ничего споль ревностно не желаешь онъ , какъ уловить важный предлогъ къ нанесенію намъ гибели. Сего дня истребишь вы немногочисленное спа-

„до Французовъ; а завтра адъ изрыгнешь
„безчисленные ихъ полчища, которыя ото-
„мспяшь вамъ съ дьявольскимъ остерве-
„нѣнїемъ. Подумайте, что Французы пе-
„редъ вашими глазами обезчестяшь женъ
„и дочерей вашихъ! подумайте, что они
„спанушь мучить васъ жесточайшими ис-
„пязанїями и потомъ предавать поносѣй-
„шей смерти! и вы не сможете встрѣ-
„шить смерть сію съ благородною твер-
„достью, ниже возвести невинныхъ взоръ
„своихъ на небо: проливая кровь опяго-
„шила бы очи ваши и на вѣки лишила бы
„васъ мученической пальмы. Современники
„и потомство будущъ укорять васъ; они
„скажутъ: священный Римъ унижился; за-
„быта духовная и свѣтская слава первопре-
„спольнаго града двухъ міровъ, постыдно
„низверженнаго въ прахъ Корсиканцемъ.
„Свѣтское безразсудство его упростило не-
„бо и землю, и Христовъ Намѣспникъ
„на земли неблаго разумно предалъ шронъ
„свой неисповспву нечестивыхъ. — Да не
„будешь сего! Помните, Римляне, славу
„свою и преимущество! Вознесишесь благо-
„родствомъ духа превыше наглыхъ рабовъ
„беззаконнаго разбойника! Сїе изчадіе ада
„не можетъ долго существовать въ мірѣ;
„пусть именуешь онъ вашу область и го-
„родъ, какъ хочеть. Можетъ ли кратко-
„временное бытіе дать ему истинное

„преимущество передъ вами? можетъ ли
 „оно въ лѣтописяхъ мѣра изгладить имя
 „ваше и ослѣпятъ очи попомства, ежели
 „вы сохранили свое достоинство? Вѣчное
 „Провидѣніе послало на насъ бичъ на-
 „родовъ и владыкъ земныхъ; уже давно
 „оказалось, что праведный гнѣвъ Божій
 „поразилъ виновныхъ: вы слышали, ка-
 „кому стыду подвергли себя Государи
 „Германіи безъ малѣйшей для себя вы-
 „годы. Помыслите, Римляне! не подвер-
 „гайте себя гнѣву Божію безразсуднымъ
 „мщеніемъ за чужія бѣдствія! смиренно
 „повинуйтесь судъ бамъ и временнымъ
 „испытаніямъ Божіимъ! Спасите вѣч-
 „ную славу имени своего на небѣ и на зе-
 „мли, швердосъ, достоинство и благород-
 „ную гордосъ Римскую поспавляя прошиву
 „копій и огненныхъ жерлъ похищителя че-
 „спи у народовъ.“

Такія увѣщанія Папы были правилами поведенія Римлянъ, и увеличивали въ нихъ любовь и почтеніе къ сему Государю, мужу по сердцу Божію, котораго они еще при жизни почитали праведникомъ, и которой споль часпо употребляемому во зло имени *Святѣйшаго ольца* возвратилъ высое и полное его знаменованіе. — Сія бесѣды Папы съ его подданными, продолжавшіяся почти ежедневно, были всѣмъ извѣсны; са-

мы даже Французы во всѣхъ обществѣхъ опзывались о нихъ съ великимъ уваженіемъ. Міоллисъ, Мёну и другіе генералы писали къ Императору своему въ донесеніяхъ, что единственно умѣренности и благоразумному поведенію Папы они обязаны жизнью своею и безопасностію, ибо расположеніе народа походило на мину съ порохомъ, кошорая ежеминутно угрожала взорваніемъ.

На конецъ надлежало прислушаться къ исполненію повелѣнія Наполеонова и пошребовать ошъ Папы военной подаши. Онъ ошвѣчалъ, что за неимѣніемъ денегъ посылаетъ драгоцѣннѣйшую вещь изъ своихъ сокровищъ, шѣмъ болѣе что она къ числу ихъ не принадлежитъ — шіару (*). Міоллисъ шопчасъ узналъ, что она была па самая, кошорую Наполеонъ подарилъ Папѣ во время своего коронованія въ Парижѣ; онъ не смѣлился принять сей шіары, и шребовалъ новыхъ насшавленій. Танимъ образомъ время шянулось.

Напослѣдокъ по прошешвіи года начались переговоры: Папѣ предложена годовая пенсія, важешся по *шести миллионѣ* франковъ, и мѣсно пребыванія въ Авиньонѣ за добровольное опреченіе ошъ прешола; но ему же угрожали вѣчнымъ заключеніемъ въ

(*) Царская корона.

темницѣ и даже смертію, если онѣ по упрямству несогласишь приняшь Наполеоновоѣ милосши. Въ самой шопѣ же день вездѣ по улицамѣ жипели одинѣ другому разсказывали о бывшемѣ поупру переговорѣ, и никто безѣ сердечнаго умиленія немогѣ говоришь о Кардиналахѣ Машпей и Аншонелли, о сихѣ почтенныхѣ спарцахѣ, подѣ шжесшію лѣшѣ поникшихѣ, но швердыхѣ прошивѣ угрозѣ и всѣхѣ несчастій.

Дрожащіе спарцы, поддерживаемые служипелями, онѣ имени Папы приняли повѣренныхѣ Французскихѣ. Едва шольно выслушали они дерзное предложеніе, какѣ вдругѣ ощутили въ себѣ юношескую крѣпосшь и гордо воскликнули: „спрашишесь, чшобы ваша безразсудная дерзосшь не была наказана проклятіемѣ!“ И самѣ Папа сказалѣ послѣ, что ему ничего неоспаешся прибавишь жѣ онѣшну Кардиналовѣ.

Расположеніе народа и мужесшвенная рѣшишельносшь его весьма хорошо оказались по случаю карнавала 1809 года. По велику сіе поржесшво было предметомѣ всеобщаго вниманія и любопышства; шо давно уже всѣми силами заботились о немѣ и хлопотали какѣ о дѣлѣ государсшвенномѣ. Главными дѣйсшвующими лицами были Испаліянскій Посланникѣ, находив-

пійся въ Миланѣ Вице-Король и Генераль Мюллисъ. Кончилось шѣмъ, что Евгений исходатайствовалъ у Императора повелѣнїе Мюллису учредить карнавалъ непременно, во что бы то ни стало. Но исполнить ешо было весьма трудно. Показались на всѣхъ перекресткахъ объявленїя о празднованїи карнавала въ Римѣ, и при томъ конечно въ первой еще разъ — *по повелѣнїю начальства*; но въ то же время появлялись невидимыми руками приклеиваемыя бумаги, копорыхъ не успѣвали отдирашь солдаты Французской полицїи, и копорыя въ разныхъ мѣстахъ безпрестанно возобновлялись. На нихъ написано было слѣдующее: „Римляне вопрошали Свя-„шѣйшаго Отца, надобно ли праздновать „карнавалъ. Онъ отвѣтствовалъ, что ко-„гда Апостолы Петръ и Павелъ помились „въ заключенїи; тогда кропки послѣдова-„тели ученїя ихъ поспились и опнудь не „помышляли о карнавалѣ.“ Весьма любопышно было видѣшь окончанїе сего дѣла; ибо съ одной стороны отвѣтъ Папы производилъ въ народѣ глубокое впечатлѣнїе, съ другой Французы хлопошались о карнавалѣ. Мюллисъ приказалъ раздашь маски и по нѣскольку денегъ всѣмъ женщинамъ, находившимся въ *рабочемъ домѣ св. Михаила*, и поелику ни просьбами, ни угрозами не можно было отъ жищелей доспашь

лошадей къ предполагаемому рысганію, по онъ велѣлъ ошрядить для того лошадей драгунскихъ. Насталъ первый день карнавала. Празднество начинается обыкновенно рысганіемъ; для удобнѣйшаго бѣганья площадь Корсо каждой разъ усыпаютъ пуццоланомъ; но на ешу пору Французская полиція не могла найти ни одного работника, и всѣ ея просьбы, угрозы, обещанія оспались щепетными; надлежало посылать въ Остію за галерными невольниками. Спось же трудно было найти наемныя карешы; всѣ извозчики условились между собою ни за какія деньги не вѣхать на площадь во время карнавала. Любопытные найдутъ въ сочиненіяхъ Геше описаніе разныхъ забавъ, которыя доходили до безразсудства, и которыми всегда отличался карнавалъ Римской. Но въ епо время не видно было ниже признаковъ обыкновенной веселости въ народъ; въ городъ всѣ лавки, всѣ кофейные дома, всѣ масперскія были опворены; жишели опправляли каждой свое дѣло какъ въ будни; шолько на площади Корсо господствовала мершвенная пишина и бездѣйствіе. Обыкновенно ввечеру карешы по данному знаку уѣзжали съ площади; и шеперь выпалено было изъ пушки, но совсѣмъ безъ надобности. Презде вывѣшиваемы были дорогіе ковры изъ оковъ, изъ которыхъ высмашривали пыш-

не разряженные лица при яркомъ сїлнїи безчисленнаго множества свѣчь; шеперь хозяева домовъ, прилежащихъ въ площади Корсо, посїбно запирали двери и окна. Такимъ образомъ одни только Французы были зрителями рысшлица, на которомъ бѣгали драгунскїя ихъ лошади. Сїя швердосшь народа очень ясно показывала непреклонное расположенїе его духа, и Мїоллисъ принужденнымъ нашелся прекратитъ свою заботливосшь. Кпо знаешъ, что въ Римѣ послѣднїй жипель отказывашъ себѣ въ самомъ необходимомъ, продаешъ снаряды свои и даже посшелю, что бы только повеселишься во время карнавала; шощъ понимаешъ, какую важносшь заключало въ себѣ сїе равнодушїе, которое во всякомъ другомъ мѣсщѣ было бы совсѣмъ незначительное общошельсшво.

Въ такомъ состоянїи находились дѣла, когда наступилъ день посвященїя Пїя VII, 21 Марша 1809 года. Праздникъ сей никогда не былъ народнымъ, и опшчался отъ другихъ дней обыкновенныхъ не болѣе какъ опшправленїемъ особливою обѣдни въ церкви Св. Пешра и освѣщенїемъ домовъ, принадлежащихъ Апосшольской Камерѣ. Но въ епо время народъ праздновалъ его съ такою шоржесшвенносшїю, какъ дни Апосшоловъ Пешра и Павла и Пресвѣшой

Дѣвы. На всѣхъ, окнахъ горѣли свѣчи и лампы, даже внутри дворовъ и въ пѣ-сныхъ переулкахъ; а въ неосвѣщенные дома, даже безъ умыслу и единспвенно по опсущ-ствію хозяевъ, народъ швырялъ камень-ями. Равная участь постигла недогадли-выхъ Французовъ; однакожъ Міоллисъ, многіе Французскіе офицеры и чиновники имѣли ошпорожность освѣтивъ окна въ своихъ кварширахъ. Опъ сумерекъ даже до 3 или 4 часовъ послѣ полуночи всѣ ули-цы покрыты были жипелями въ наряд-ныхъ пластьяхъ; вездѣ опсвѣчивалось се-ребро и золото; всѣ окна украшены были богатыми коврами; кареты и лошади въ пышномъ уборѣ двигались по всѣмъ боль-шимъ улицамъ — но въ по же самое время въ многолюдной шолѣ господствовало на-кое по таинспвенное молчаніе, по кошо-рому праздникъ сей былъ единспвеннымъ въ своемъ родѣ.

Гдѣ и когда народъ споль швердо, еди-нодушно и благоразумно обнаружилъ рѣши-тельную свою волю? Епо вывело на конецъ изъ шерпвнїя ширана Наполеона; пылая бѣшеною яростію, онъ присылалъ одного за другимъ Генераловъ своихъ съ повелѣніемъ *принудить Палу къ отреченію отъ престола*. Міоллисъ донесъ ему рѣши-тельно: „qu'il n'y a voit absolument rien à

faire avec cet homme qui mendoit le martire, что совершенно дѣлать нечего съ епимѣ человѣкомъ, которой ищеть вѣнца мученическаго,“ и совѣшовалъ присупишь къ явному насильству. Онъ и дѣйствительно получилъ на шо полную мочь, употребилъ хитрость и коварство, и исполнилъ препорученіе свое съ надлежащею осторожноспію.

Онъ усилилъ войско во всѣхъ частяхъ Церковной обласпи вдвое и впрое, и занялъ имъ всѣ города и мѣстечки; издавалъ повелѣнія свои просто *отъ имени начальства*; мало по малу вводилъ Французской порядокъ судопроизводства и внушршняго управленія; прежнихъ чиновниковъ, къ которымъ народъ привылъ, оставлялъ при должностяхъ ихъ, но уже вновь преобразованныхъ, или поручалъ имъ другія, но такія въ коихъ народъ немогъ замѣшнть значительнаго отъ прежнихъ опличія. Такимъ образомъ Папское войско и даже Римское Сбирры опредѣлены въ полки Французскіе. Кпо не хотѣлъ соображашься со вводимыми перемѣнами, того, безъ всякаго судебного изслѣдованія, по мѣрѣ вины, кошорая всегда оставалась неизвѣспною, слѣдственно по единственному произволу начальника, сажали въ погребъ, или подъ ирѣпкимъ карауломъ опсылали куда нибудь

въ заграничную крѣпость, или же наконецъ обременяли оковами съ тяжелою бомбою, какъ и дѣйствительно послуплено съ губернаторомъ города Чивиншпы - Веккии, господиномъ *Калечелатро*, и съ губернаторомъ же Орвиешы, котораго подозрѣвали въ сношеніяхъ по съ Папою, по съ народомъ. И все ешо дѣлалось *по повелѣнію начальства*, безъ показанія какого именно. Древніе законы и священныя обыкновенія были не только уничтожаемы силою издаваемыхъ повелѣній и объявленій, но даже съ явнымъ поруганіемъ нарушаемы, на примѣръ *право безопаснаго убѣжища въ церквахъ*, куда нерѣдко вторгались во время обѣдни Французскіе драгуны, и отсюда насильственно увлекали свои жертвы. Новые законы не были обнародоваемы, и всѣ объявленія правительсва касались до минувшихъ событій и заключали въ себѣ выраженія неясныя, возбуждавшія любопытство и недоумѣніе. Такимъ образомъ народъ мало по малу познакомился практически съ Наполеоновымъ уложеніемъ, даже объ имени его ничего не вѣдая. Мюллисъ безпрестанно забавлялъ знавшійшихъ Римлянъ обѣдами, ужинами, балами, концерсами; слюбился съ одною Римскою госпожею, совершенно приноровлялся къ мѣстнымъ обычаямъ, угождалъ всѣмъ общечеловѣческими своими качествами и всяче-

ски спарался, чшобы знашныя фамиліи не догадались обь опасномь его могуществѣ; дворецъ Памфильскій (Doria - Pamfili), въ кошоромь жилъ онъ, былъ средшочіемъ веселой безпечности. О Папѣ говорилъ онъ всегда съ величайшимъ уваженіемъ, привлекалъ къ себѣ многихъ духовныхъ особъ, и даже присущспвіемъ духовника своего Карпезіанскаго Аббаша и другихъ монаховъ умѣлъ пиршеспвамъ своимъ придашь нѣкоторой видъ принужденной важности. Народъ явно порицалъ споль коварное поведеніе, и нерѣдко случалось, чшо ходящіе по улицамъ указывали пальцами на сихъ духовныхъ, называя ихъ прокляшными яkobинцами (maledetti giacobini).

Такимъ образомъ приготошвлена была важная перемѣна. Въ 10 день Юня Французское правленіе въ Папской обласпи шоржеспвенно обнародовано публичными глашаташными и печашными обьявленіями при звукѣ флейшъ и барабановъ и при пушечной пальбѣ съ крѣпости Св. Ангела и съ Капишолія. Хотя сія шоржеспвенность ничего добраго не обѣщала Римлянамъ; однакожъ они по обыкновенію нешerpѣливо желали знашь расположеніе Папы. Почши ни одинъ человекъ неосшавался дома; въ продолженіе дня и ночи улицы наполнены были проходящими, и сіе движеніе засшавляло

ожидашь чего-шо весьма важнаго. Особливо же народъ толпился на площади передъ дворцомъ Монпекавалло; многіе присступали съ вопросами къ Капишану Швейцарскоѣ гвардіи, и ничего не могли отъ него свѣдать.

На другой день въ 6 часовъ поушру народъ успремился шолпами въ церковь Santa Maria maggiore. Храмъ наполнился людьми всѣхъ націй, а особливо художниками; но ни одного Француза не было между ними. Всѣ въ безмолвномъ благоговѣніи смотрѣли на дверь, ожидая Папы. На послѣдокъ Свяшый Отецъ явился, несомый подъ балдахиномъ, осѣняя предспоящихъ крестнымъ знаменіемъ руки своей. Всѣ принимали благословеніе съ чувствомъ доподолжной набожности. На лицѣ Первосвященника изображалась благородная душа его; въ свѣплыхъ взорахъ написана была важность силы побѣдоносно борющейся со спрасьями, и въ шѣхъ же взорахъ сіяла неизреченная благость, обладающая сердцами. Въ продолженіе службы Божіей народъ молился съ горячайшимъ умиленіемъ, и въ шакомъ-шо расположеніи былъ онъ, когда Папа въ короткой но сильной и прогашельной рѣчи предлагашь началъ о всѣхъ происшествіяхъ съ полученія перваго письма отъ Міоллиса,

какъ онъ приближился къ предѣламъ Церковной области. Окончивъ слово свое къ предстоящимъ, Папа возвысилъ голосъ и *предаль анаемъ Наполеона и всѣхъ лѣхъ, кои совѣтами своими содѣйствовали ему нарушать благо Церкви.*

Невозможно описать впечатлѣнїя, произведеннаго симъ дѣйствїемъ. Папа удался, и народъ вышелъ изъ церкви. Знакомые и приятели шли вмѣстѣ и встрѣчались, неговоря ни слова одинъ другому. Всѣ преисполнены были чувствомъ благоговѣйнаго ужаса, точно какъ будто бы недавно предстояли спрашному суду Божію.

Объявленїя на Латинскомъ языкѣ о произнесенномъ проклятіи на Бонапарта выславлены были на чепырехъ главнѣйшихъ зданїяхъ въ Римѣ, а именно при церквахъ Св. Петра Ватиканскаго, Св. Іоанна Латеранскаго, Св. Марїи (S. Maria maggiore) и Св. Павла (S. Paolo fuori delle mura). Площади наполнены были народомъ, который напередъ зналъ, что сему надлежало случиться; каждой съ безмолвнымъ любопытствомъ взиралъ на громовыя черпы проклятія. Непрежде какъ часъ или два спустя пришли служители Французской полицїи, и понесли домой къ себѣ Латинскїя объявленїя, чтобы шамъ разо-

братъ ихъ на досугъ. Ввечеру неизвѣстные люди ходили по домамъ чужестранныхъ министровъ и повѣренныхъ, при Папскомъ Дворѣ находившихся, и въ каждомъ оставили по одному письму запечатанному. Министры Рейнскаго Союза, Неаполитанскій, Испаліанскій и другіе, прочли ихъ, не зная напередъ, отъ кого имъ были доставлены. Сіи бумаги разосланы изъ Апостольской Камеры, и содержали въ себѣ обстоятельное извѣщеніе о произнесенномъ Папою проклятіи, написанное на Испаліанскомъ языкѣ, на кошоромъ обыкновенно отправлялись всѣ дипломатическія сношенія.

Прусскаго Посланника на ту пору не было въ Римѣ. Австрійскій Повѣренный въ дѣлахъ, получившій отъ Французскаго правительсва повѣніе удалиться изъ Рима и прежней Церковной области, отвѣчалъ, какъ сказываютъ, что онъ не знаетъ надъ собою другаго повелителя кромѣ своего Императора, и что подобныхъ приказаній не принимаетъ ни отъ кого другаго кромѣ того Государя, къ кошорому онъ присланъ. Немедленно явились Французскіе драгуны, принудили его сбираться въ дорогу и силою выпроводили за границу. Министра отъ Россійскаго Двора нѣсколько уже лѣтъ не было въ Римѣ. Оставались прочія дипломатическія особы, принадле-

жащія *великой* династїи и Рейнскому Союзу; но съ ними хлопоташь не было никакой надобности, — Мюллисъ безпрепятственно приглашалъ ихъ въ пышный свой дворецъ плясашь, ѣсшъ и веселишья.

Постоянная твердость Пїя VII, которую безъ сомнѣнїя онъ сохранилъ до конца своей жизни, не общала ничего добраго въ его пользу, и мысль сїя была мучительною для каждаго чувствительнаго чловѣка. Не менѣе прискорбно было думать, что Римъ, сїе древнее хранилище священи, историческихъ достопамятностей, художествъ и всего что только удобно возвыситъ душу въ чловѣкѣ, Римъ, почтенный памятниками вѣковъ, оскверненъ гнуснымъ насильствомъ новыхъ варваровъ и содѣлался позорищемъ ихъ мерзостей.

Въ половинѣ Іюля ночью, когда всѣ знашныя пировали въ кварширѣ у Мюллиса, Французской опрядѣ вломился въ главныя ворота дворца Монпекавалло, и окружилъ Швейцарскую гвардію, между шѣмъ какъ Генералъ прошелъ черезъ боковую дверь до самаго Кабинета. Тутъ выбивши дверь, онъ безъ околичностей объявилъ Его Свящѣйшеству повелѣнїе сбираться въ дорогу. Немоцный спарецъ, не говоря ни слова и не позвавши даже служителя,

вспалъ съ поспели, накинулъ на себя верхнее плащье и пошелъ въ слѣдъ за Генераломъ. Варвары увезли Пія VII изъ Церковной области подъ крѣпкимъ карауломъ.

(Сокращ. изъ Патриота.)

Извѣстія и замѣчанія.

Въ Парижскомъ Монисерѣ весьма гнѣваются на Англійскія газеты, въ которыхъ написано, будто бы Наполеонъ болѣнъ, и опровергаютъ сію клевету на вождельнное здравіе Героя тѣмъ, что онъ раза по три въ недѣлю ѣздилъ на охоту, по примѣру предѣспиника своего Императора Карла Великаго, и что мила по три ходилъ пѣшкомъ по снѣгамъ и ледянымъ глыбамъ. А дабы еще яснѣе обнаружить заблужденіе Англійскихъ журналистовъ, издатели Монисера обстоятельно описываютъ почти все шаги Наполеона, на примѣрѣ, что онъ въ такой-то день былъ въ театрѣ и смотрѣлъ трагедію *Гектора*; что въ такомъ-то часу присутствовалъ въ тайномъ совѣтѣ; что опслушавъ послѣ того обѣдню, былъ при разводѣ, и невзирая на грязь и дурную погоду, цѣлые три часа занимался осмотромъ и устройствомъ войска:

Во Франціи ни о чемъ такъ много не говорятъ и не пишутъ, какъ о Прусскомъ Генералѣ *Горхѣ*; даже о заключенномъ между Наполеономъ и Пруссіею мирѣ, о предводѣствіи Король Римскаго, о назнѣ-

ченіи регентства менѣ шуму, нежели о генералѣ *Юркъ*. Сенаторы, государственные совѣтники, министры, начальники когорты, городовые магистраты, всѣ швердяшъ объ генералѣ *Юркъ*. *Юркъ* испортилъ все дѣло! *Юркъ* всему причиною! *Юркъ* придвинулъ Европу къ безднѣ опасности! Даже общества маленькихъ городовъ и сель толкуютъ объ *Юркъ* въ своихъ посланіяхъ. Жители мѣстечка Нантера, которые до сего времени упражнялись въ печеніи булокъ и въ отсыланіи ихъ на Парижскіе рынки, шеперь пустились въ сужденія политическія и въ толки о поступкѣ Генерала *Юркъ*, заставляющемъ ихъ снарядитъ всадника. Жители Марсельскаго кантона (при рѣкѣ Оазѣ) увѣряютъ, что войско Генерала *Юркъ* соблазнилось золотомъ враговъ Франціи, и что сего ради представляютъ они прехъ всадниковъ. Кантоны Мелюонскій увѣряетъ, что при первомъ извѣстіи о поступкѣ Генерала *Юркъ* во всѣхъ деревняхъ раздался вопль негодованія и воспламенилъ въ нихъ патріотическую ревность снарядитъ — двухъ всадниковъ.

Историческая достоверность пребуемъ, чтобы мы неумолчали истины. Немного города и села *добровольно* вызываются снарядитъ конную армію, но даже сословія и частныя лица предлагаютъ усердныя свои приношенія. Парижскіе нотаріусы, цехъ шпографщиковъ и книгопродавцовъ Сенскаго департамента, адвокаты верхняго уголовного суда, актеры, музыканты и пѣвцы разныхъ театровъ, члены національнаго Института, Парижскіе практирщики и проч. деньгами и натурою помогаютъ правительству дости-

гнушь важной своей цблї. Открывается, что даже военные корпусы не хомятъ уступитъ въ усердіи гражданскимъ своимъ собратіямъ; ибо въ Мониторѣ напечатано прошеніе отъ 27 го пѣхотнаго полка о принятїи двухъ всадниковъ. А какъ извѣстно, что Нѣмецкія области изспари любили опличаться своею ревностію; по 18 я когорща, составленная изъ жипелей новыхъ Ганзейскихъ депаршаментовъ, приноситъ двухъ-дневное свое жалованье на жертвенникъ любезнаго отечества для сформованія конницы.

*

Пишутъ изъ Кенигсберга, что чины Прускаго Королевства оказываютъ нынѣ величайшіе опыты любви къ отечеству. По воззванію Генерала-Губернатора Гюрка они приносятъ важныя пожертвованія для приумноженія военнаго корпуса, состоящаго подъ его начальствомъ. Кромѣ того опредѣлили они вооружитъ со всевозможною поспѣшностію 20,000 человекъ земскаго войска (Landwehr), и на случай надобности устройтъ всенародное ополченіе (Landsturm). Успѣхъ столь дѣятельныхъ мѣръ приписываютъ неумоимости Барона Шпейна и безпредѣльной довѣренности Прускаго народа къ знаніямъ его и къ душевнымъ качествамъ. Всѣ Прусакї одушевились пламенною ревностію ко благу отечества, когда сей достойный министръ явился между ними. Извѣстно, что Баронъ Шпейнъ за приверженность къ своему законному Государю былъ жестоко гонимъ отъ Наполеона, которой въ чужомъ Королевствѣ дерзнулъ даже конфисковать его имѣніе.

Баронъ Гарденбергъ другой министръ, при особѣ Его Величества Короля Прусскаго находящійся, вызываетъ всѣхъ молодыхъ людей отъ 17 до 24 лѣтъ явившихся для опредѣленія въ стрѣлки, изъ которыхъ имѣющъ быть составлены при полкахъ особыя баталіоны. Сборныя мѣста назначены въ Колбергъ и Бреславль.

Въ Американскихъ журналахъ объявляютъ, что въ Мариландскомъ судилищѣ подписанъ приговоръ о расторженіи брака между двинцею Пашерсонъ и Жеромомъ Бонапартомъ; (нынѣшнимъ Королемъ Вестфальскимъ). Военныя новости почти неважны.

Въ Лондонѣ получено описаніе торжественной встрѣчи, какая сдѣлана была въ Лиссабонѣ Лорду Веллингтону по возвращеніи его изъ Кадикса. Онъ прибжалъ въ Лиссабонъ 16 Января и принялъ былъ какъ въ дворцѣ, такъ и въ театрѣ съ воспоргомъ и величайшими почестями. Въ театрѣ пѣли God save the king (Боже спаси Царя), и зрители болѣе занимались Героемъ, нежели представленіемъ драмы. Лордъ былъ въ полномъ мундирѣ. Его окружали члены правительсва, Англійскіе и Португальскіе министры и генералы. Увѣряютъ, что Кортесы Испаніи опредѣлили ввѣрить армію изъ 50,000 человекъ въ полное распоряженіе Лорду Веллингтону, и что сверхъ того будутъ составлены двѣ запасныя арміи, одна въ Андалузіи, а другая въ Галиціи.

Изъ многихъ поздравительныхъ рѣчей, которыя Наполеонъ геройски выслушалъ по возвращеніи своемъ въ добрый городъ Парижъ;

достойна особливаго замѣчанія произнесенная господиномъ Президентомъ верхняго суда уголовного. Будущіе Ксенофонты Франціи, назначенные судьбою къ описанію знаменитаго отступленія Французской арміи и прибытія верховнаго предводителя ея въ Парижъ, безъ всякаго сомнѣнія должны передать попомству слѣдующій отрывокъ: „Ваше Величество!“ сказалъ между прочимъ ораторъ: „мы уже не станемъ прибавлять ко славѣ вашей бесполезныхъ своихъ поздравленій съ окончаніемъ похода, которой ознаменованъ отчаяніемъ неприятелей вашихъ и слабостію всѣхъ усилій ихъ, невозможныхъ воспрепятствовать соединенію арміи вашей на покойныхъ и выгодныхъ зимнихъ квартирахъ, угошованныхъ для нее вашимъ предвѣдѣніемъ и опеческою попечительностію.“

Первый Президентъ Императорскаго судилища началъ свое привѣтствіе слѣдующими словами: „Въ то самое время когда мы думали, что Ваше Величество находитесь все еще на краю Европы, вы уже явились въ нѣдрѣ Франціи. Конечно высшая Сила, охраняющая особу вашу, въ нѣсколько минутъ перенесла васъ въ счастливую вашу столицу.“ Президентъ употребилъ шутъ реторическую фигуру; однакожъ шѣмъ неменѣе справедливо, что великіе гении, спасая дражайшую свою особу, скачутъ на курверскихъ съ необыкновенною быстрою, а особливо когда вздумаютъ осчастливить міръ славнымъ примѣромъ благоразумнаго отступленія.

Г. Маркони ораторъ депутаціи, присланной отъ Избирательной коллегіи Римскаго де-

парламента, въ рѣчи на Италіянскомъ языкѣ увѣрялъ Наполеона въ безпредѣльной признательности Римлянъ за оказанную имъ великую милость возведеніемъ города ихъ на высоту второй степени, и наконецъ прибавилъ: „Всемилоствѣйшій государь! для довершенія блаженства города Рима вамъ осмѣается только удостоить его вашимъ присутствіемъ и даровать ему случай узрѣть августѣйшую особу вашу на престолѣ, воздвигнутомъ въ чертогахъ Цезарей. Римляне увѣнчаютъ чело ваше лавромъ неувядаемымъ, и вѣщствіе ваше въ Капитолій будетъ ознаменовано порже-ственностію, гораздо восхитительнѣйшею и болѣе заслуженною, нежели всѣ пріумфы; оно помрачитъ всѣ прославленные вѣщствія древнихъ героевъ и знаменитѣйшихъ Императоровъ.“

— Наша публика уже увѣдомлена о получаемыхъ въ Парижѣ просительныхъ письмахъ отъ разныхъ которшъ народнаго ополченія къ Наполеону, всенижайше и убѣдительнѣйше умоляющихъ героя „всецѣдро низпросить къ нимъ великую свою милость и дозволить имъ раздѣлять опасности и славу“ *sit venia verbo!* „большой арміи.“ Часто повторяемые опыты давно уже сдѣлали извѣстнымъ толпѣ художественной способъ, которой весьма удачно употребляется при составленіи сихъ просительныхъ писемъ. Онѣ имѣли желаемое дѣйствіе при собираніи *добровольныхъ* голосовъ о десятилѣтнемъ консульствѣ, о пѣжизненномъ консульствѣ, объ Императорскомъ достоинствѣ, о приношеніяхъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, и вообще о всѣхъ пожертвованіяхъ, въ которыхъ имѣло нужду

этическое Наполеоново попечение — о благе великой своей династии.

— Приближенные льстецы, которыми Наполеонъ окружилъ себя, которыхъ онъ утучняетъ на счетъ бѣдныхъ Французовъ, и которые изъ благородной признательности говорятъ ему въ рѣчахъ своихъ то, что напередъ имъ приказано, сіи мнимые органы мнѣнія общественнаго съ надлежащею точностію исполнили должность свою по возвращеніи его изъ арміи. Ласкедъ въ поздравительной рѣчи упомянулъ между прочимъ о надобности короновать малолѣтняго Наполеонова сына, Короля Римскаго. Не мудрено догадаться, что извѣстный заговоръ Генерала Маллета послужилъ къ тому побудительнымъ поводомъ, а можетъ быть еще и предчувствіе о неизбежномъ потрясеніи окровавленнаго престола, послѣ несчастной войны и постыднаго бѣгства. Императоръ, которому себя уподобляетъ Наполеонъ весьма охотно, называя себя преемникомъ его, Карлъ Великій подалъ примѣръ подобнаго коронованія. Въ 780 году онъ приказалъ вѣнчать въ Римѣ двухъ сыновъ своихъ, пятилѣтняго на королевство Испаліи, а трехлѣтняго на королевство Аквитанское. Но между сими священными обрядами столько разницы, сколь велико разстояние между восьмымъ столѣтіемъ и началомъ девятнадцатаго. Карлъ, какъ набожный Государь, почиталъ Папу наместникомъ Божиимъ, имѣющимъ препорученіе объявлять волю небесъ земнымъ обитателямъ; точно такъ думали и его современники. Обрядъ вѣнчанія былъ священнымъ дѣйствіемъ, посредствомъ коего природныя государи содѣлывались помазанниками Бо-

жики, и силою благодати получали власть управлять судьбою смертных. Но спашься можетъ Римскіе католики спросятъ: какъ Наполеонъ думаетъ о семъ обрядѣ? почитаетъ ли онъ его священнымъ? вѣруетъ ли, что при совершеніи онаго дѣйствуетъ сила Божія? почитаетъ ли онъ Папу намѣстникомъ Божиимъ, видимымъ орудіемъ воли Царя небеснаго? и въ какихъ обстоятельствахъ теперь находится сей намѣстникъ? . . . Кому бы Наполеонъ ни велѣлъ совершить предполагаемое вѣнчаніе, не уже ли думаетъ онъ что обрядъ сей утвердитъ ничтожныя права его, и незаконныя приписанія содѣлаетъ законными? Можетъ ли быть, чтобы современники находили въ обрядѣ семъ ту святость, которую Наполеонъ придалъ ему хочеть? и можно ли спашься, чтобы вѣнчаніе произвело въ подданныхъ его тѣ набожныя понятія, которыя онъ самъ испробилъ въ нихъ, поругавшись надъ святынею вѣры, оскорбивши Церковнаго священника, и привелши церковныя дѣла въ крайнее замѣшательство? Не уже ли онъ волшебною силою соорудитъ новую систему исповѣданія и догматовъ, которая была создаема въ печеніе многихъ столѣтій? Не уже ли онъ уповаетъ вѣщнымъ обрядомъ, неимѣющимъ въ себѣ духовной силы, возбудить любовь и боязнь въ сердцахъ народа? Не уже ли обрядъ сей поселитъ вѣру въ невѣрующихъ и вдохнетъ довѣріе въ совѣсти непреклонной? Не уже ли на конецъ послужитъ онъ твердымъ оплотомъ для младенца? . . . Сіи вопросы и множество подобныхъ сами собою потчасъ представляются, когда слышишь о вѣнчаніи Наполеонова сына. На всѣ отвѣчать можно одною истинною: народная любовь есть вѣрнѣйшій оплотъ добрыхъ Госу-

дарей и ихъ наследниковъ; сердца народа служатъ порукою въ прѣчности ихъ постановлений и въ самомъ ихъ счастіи.

— Послѣ несчастнаго сраженія при Іенѣ въ Гамбургскихъ газетахъ печатано было множество запросовъ и объявленій касательно разныхъ военныхъ чиновниковъ Прусской службы, безъ вѣсти пропавшихъ. Отцы, матери, жены, братья, сестры, друзья и приятели просили увѣдомить объ участи людей, имъ любезныхъ. Нынѣ и въ нашихъ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ, а болѣе въ С. Петербургскихъ, помѣщаются просительныя объявленія объ извѣщеніи о значныхъ чиновникахъ Французской службы, судьба коихъ неизвѣстна людямъ, принимающимъ въ нихъ участіе. Велики бѣдствія, претерпѣнныя въ 1806 году Прусскою арміею; но ихъ опниудъ не должно спавить на равнѣ съ несчастіями, постигшими Французскую армію въ Россіи. Есть розница между разбѣніемъ арміи и конечнымъ ея испребленіемъ. Если бы родственники всѣхъ военнослужащихъ, или лучше сказать военнослужившихъ Французовъ, захотѣли опыскивать ихъ черезъ газеты; то всѣхъ періодическихъ листковъ, во Франціи и въ Россіи издаваемыхъ, недостало бы для помѣщенія запросовъ объ нихъ и объявленій.

— Нѣсколько Французскихъ писемъ, переваченныхъ Русскими, напечатано въ разныхъ журналахъ. Содержаніе ихъ показываетъ съ одной стороны жалосши достойное легкомысліе Французовъ, а съ другой довольно ясно изображаетъ состояніе арміи, къ которой принадлежали сочинители тѣхъ писемъ. Вотъ одно изъ Смоленска отъ 11 Ноября подписан-

ное какимъ-то R. . . . Въ немъ сказано между прочимъ: „Я искалъ случая вспрѣтись съ г-мъ L. . . . и вручилъ ему грамашку отъ милой госпожи St. R. . . . Онъ казался весьма пѣмъ доволенъ, и въ знакъ благодарности потчивалъ меня кускомъ сыраго лошадинаго мяса. Я не взялъ, извиняясь пѣмъ, что я лишь только сѣлъ кусокъ кошки, и что не надобно приучать себя къ лакомству. Впрочемъ онъ здоровъ, также какъ и я! . . . Когда-то мы будемъ въ Парижѣ? . . . Прости, другъ мой. Не скажу ни слова о томъ, что вокругъ насъ происходитъ, и проч. и проч. . . . Еслибъ я захотѣлъ послать къ вамъ нѣсколько шаровъ изъ снѣгу, то легко могъ бы это сдѣлать; ибо въ здѣшней сторонѣ снѣгу очень много; но я не хочу обременять письма, которое и такъ уже толстовато.“

— Генералъ Молишоръ въ письмѣ своемъ изъ Амстердама *проситъ* Французскаго военнаго министра о благосклонномъ принятіи трехъ когортъ земскаго войска въ дѣйствующую армію. Начало письма сего крайне забавно; вотъ оно: „Милосщивый государь! *двадцать девятый бюллетень* большой арміи довелъ до высочайшей степени мужество войска 17 дивизіи, любовь его и преданность къ Императору.“ Что подумаешь попомство, сравнивши письмо Генерала Молишора съ достопамятнымъ двадцать девятымъ бюллетенемъ? Чѣмъ извѣстивъ оно столь очевидную прошивуположность, какъ не подлостью души того кто сочинялъ письмо, и пѣхъ которые приказывали или позволяли сочинять его?

— Етого не довольно, что Наполеонъ бѣщеннымъ властолюбіемъ своимъ погубилъ мно-

гочисленную армию; онъ подвергъ еще презрѣ-
 нію и посмѣянію народъ Французской и на-
 всегда помрачилъ военную его славу. Во всѣхъ
 мѣстахъ, гдѣ уже болѣе нестрашна люпость
 врага человѣческаго рода, появляются въ вели-
 комъ множествѣ каррикатуры, представляющія
 въ самыхъ смѣшныхъ и разнообразныхъ видахъ
 безчестное бѣгство шайки его изъ Россіи.
 Живописцы, граверы, писатели испощаютъ
 воображеніе свое для достойнаго осмѣянія без-
 разсудныхъ предпріяній и слѣдовавшихъ за
 ними бѣдствій. Даже въ маскарадахъ явля-
 ются смѣшныя лица, одѣтыя подобно Фран-
 цузскимъ офицерамъ во время опустуленія
 войска *на зинія квартиры* — въ изорва-
 ныхъ мундирахъ съ мочальными еполетами и
 ексельбантами, въ пестрыхъ исподнихъ плать-
 яхъ изъ парчи и мѣшечной холстины, въ раз-
 нообразной обуви. Такія маски ошличались,
 какъ извѣстно, въ С. Петербургѣ, во время
 масленицы. Въ Кенигсбергѣ одинъ художникъ,
 показывающій восковыя фигуры, объявляетъ
 въ Нѣмецкихъ вѣдомостяхъ, что кабинетъ
 его приумноженъ новою группою, предсѣвляю-
 щою *бѣгущихъ Французовъ изъ Россіи*.
 Тамошніе жители, которые были очевидными
 свидѣтелями бѣдственнаго позорища, безъ со-
 мнѣнія съ удовольствіемъ сравниваютъ пор-
 треты съ подлинниками. Наполеонъ, уста-
 новитель *новаго* порядка вести разбойниче-
 скую войну, успѣлъ дать и *новое* направле-
 ніе движеніямъ сердца человѣческаго. До сихъ
 поръ всякой благомыслящій человѣкъ стыдилъ-
 ся насмѣшками обижать несчастныхъ; но ге-
 рой нашего вѣка умѣлъ заставить всѣхъ шу-
 тить надъ остатками изможденныхъ своихъ
 сподвижниковъ, и даже всякое нѣжное движеніе

сердца, къ пользѣ ихъ клонящееся, почиташъ пресступленіемъ противъ общественнаго благоденствія! Ето непослѣдняя милость изъ числа оказанныхъ имъ *великой* націи и ея союзникамъ!

— Въ разныхъ Нѣмецкихъ газетахъ, сочиняемыхъ подъ лозою Французскихъ цензоровъ, публика постоянно извѣщаема была о Французскихъ генералахъ, прибѣжающихъ въ Берлинъ все еще изъ *большой армии*. Всякой догадается, какъ приятно было Нѣмецкимъ газетчикамъ подъ благовидною личиною, неумышленности лукаво забивляться надъ знаменитыми подвигами *великой* націи.

— Между фиглярскими уловками и хитросоплями, которыя Наполеонъ употребляетъ въ чаяніи увѣковѣчить имя свое знаменитыми дѣяніями, достойна примѣчанія выдумка его издавать повелѣнія свои въ знатнѣйшихъ городахъ, имъ покоренныхъ. Известно, что онъ подписалъ въ Берлинъ и въ Миланѣ смѣшныя свои опредѣленія объ Англійской торговлѣ. Въ Шенбрунѣ также хлопоталъ онъ о разныхъ распоряженіяхъ, которыя бы могли быть сдѣланы въ Парижѣ. И въ Москвѣ заблаго разсудилъ онъ занявъ необъявпной умъ свой законодательствомъ для блага *великой* націи, чтобы послѣ можно было хвастать неусыпною своею попечительностію и разнообразіемъ упражненій. Въ Монидерѣ 15 Января помѣщенъ предлинной декретъ, подписанной въ Москвѣ 15 Октября, объ управленіи, устройствѣ и порядкѣ такъ называемаго *Французскаго Театра* въ Парижѣ. Октября 15 число новаго стилиа отмѣчаетъ 3 му

по нашему счисленію. Въ это время Наполеонъ въ отчаянномъ бѣшенствѣ конечно заботился болѣе о спасеніи себя нежели о введеніи порядка между Парижскими актерами, и Французы собирались уже бѣжать опрометью изъ опустошенной ими столицы. Новый законодатель думалъ всѣхъ одурачить такимъ грубымъ и желчнымъ шарлашанствомъ, какъ будто никто недогадается сравнить происшествія и открыть очевидное безстыдство!

Вотъ еще другой опытъ законодательныхъ талантовъ родни Бонапартовой. Возлюбленный пасынокъ Наполеоновъ, Вице-Король Италіанскій, продолжая богатырское свое бѣгство изъ Россіи, имѣлъ досугъ издать въ Ковно три декрета: одинъ объ аптекахъ, другой о поземельныхъ сборахъ, третій объ уничтоженіи права *droit d'aubaine* (по которому имущество умершаго чужестранца берется въ казну Государа) между Королевствомъ Италіанскимъ и княжествами Лукскимъ и Пјомбинскимъ. Кто бы ожидать могъ, что 12го Декабря, или 30го Ноября по старому стилю, по есть за три дни до перехода остатковъ Французской арміи черезъ Нѣмень, юный законодатель нашелъ удобное время ломать голову надъ соображеніями; споль отвлеченными и многочисленными; какихъ необходимо требовали упомянутые декреты, если судить по ихъ содержанію! Евгенийъ подражаетъ своему вопчиму въ хвастовствѣ и фиглярствѣ, дабы подобно ему сдѣлаться великимъ мужемъ, по есть поднаться на ходули.

— Въ извѣстіи; взятомъ изъ одного достойнаго письма и напечатанномъ въ Рижскомъ

Зритель, сказано, что во время перехода Французской армии черезъ Гжатскъ, прежде Бородинскаго сраженія, Наполеонъ остано- вился въ новомъ домѣ зажиточнаго купца Сп. Фед. Церевитинова. Опобѣдавши, онъ отпра- вился далѣе, но приказалъ напередъ *зажечь домъ своего хозяина*, стоившій болѣе 70,000 рублей. Это сдѣлано, прибавляетъ издатель *Зрителя*, на вѣрное для того чтобы не из- мѣнить костюму; надобно вспомнить, что Наполеонъ тогда еще принадлежалъ къ сонму существъ сверхъ естественныхъ, а у нихъ издревле въ обыкновеніи послѣ явленія своего оставлялъ что нибудь на память. У Виргилія на примѣръ Венера оставляетъ по себѣ запахъ амброзіи, другое извѣстное хрістіанамъ суще- ство сверхъ естественное (*) — смрадъ жу- пельный, а Наполеонъ — пожары и вопли се- мействъ разоренныхъ.

— Одинъ Вѣнскій житель, именемъ Ви- деманнъ, пребывающій нынѣ въ Парижѣ, из- далъ маленькую книжку о нынѣшней войнѣ, подъ заглавіемъ: *Les océanocrates et leurs par- tifans* (т. е. *обладатели морей и ихъ со- общники*). Онъ увѣряетъ, что „сожженіе Москвы отбросило Россію на сто лѣтъ на- задъ въ ея просвѣщеніи и лишило ее всѣхъ средствъ привести армию свою въ пре- жнее состояніе.“ Къ чему пугать насъ такъ безжалостно? Нужда заставишь умудриться. Развѣ въ Россіи одна тысяча военнопленныхъ Французовъ и Нѣмцовъ? Мы попросимъ ихъ; у нихъ сердца не каменные; они сжалятся надъ нами, и года въ два, а много что въ пять

(*) Рѣчь идетъ, кажется, о саранѣ. К.

лѣтъ, снова просвѣщая насъ. Чпожъ касает-ся до арміи, по о возстановленіи ея господинъ Видеманнъ съ полезными своими совѣтами можетъ лично отнестись къ нашимъ полководцамъ, которые по новѣйшимъ извѣстіямъ находятся теперь не очень далеко отъ мѣста его пребыванія.

— *Шабо*, бывший прежде Капуцинскимъ монахомъ, во время Французской революціи однажды воскликнулъ съ кафедры въ Национальномъ Конвентѣ: „У насъ теперь стоишь подъ ружьемъ нѣсколько сотъ тысячъ воиновъ!“ — Ты лжешь! возразилъ Коллонъ-Гербуа почтенному оратору: у насъ нѣтъ ихъ; твоихъ сошень тысячъ нѣтъ и небывало! — „Такъ чпожъ!“ отвѣчалъ Шабо: „положимъ что ихъ нѣтъ; но развѣ не должно утверждать, будто есть они?“ Въ Англійскихъ листкахъ, въ которыхъ упоминается о семъ опличительномъ анекдотѣ Французской революціи, прибавлено, что и Наполеонъ образовался въ ешой же школѣ.

9го *Марта*, 1813.

КОНЕЦЪ LXVI ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ШЕШТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Спран.

П Р О З А:

Рѣчь на торжество; по случаю побѣдъ, одержанныхъ Россійскимъ воинствомъ надъ Французскою арміею 1812 года Ноября 5го и 6го, говоренная того же Ноября 23го:	3
Чертоги случая:	169

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я:

Вождѣ побѣдителей.	12
Къ портрету Генерала Графа Випгенштейна.	16
Къ портрету Генерала Кульнева:	—
Къ моему старостѣ:	17
Эпиграфия безвѣстному:	22
Экспромтъ:	23
Стихи; написанные отъ одного жениха къ его невѣстѣ.	—
Къ памяти несчастной красавицы; которой мнѣ рассказали исторію на ея гробѣ.	24
Пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ:	176
Къ портрету Свѣшлѣйшаго Князя:	197

	Стран.
Акrostихъ. - - -	197
Супружняя вѣра. - - -	198
Городъ и деревня. - - -	—

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О гени; объ изученіи поэта, о высокомъ и прекрасномъ. -	24
О средствахъ сохраненія и рас- пространенія сочиненій древ- нихъ писателей. -	92 и 231
О прекрасномъ. (Продолженіе.)	199
Происхожденіе Баланшинъ. -	256

III. С М Ъ С Ъ.

Письмо къ Издателью Вѣстника Европы. - - - -	122
Письмо къ Преосвященному Ми- трополиту Платону. -	125
Московскія записки. - -	138
О прочности славы. - -	269
Анекдотъ объ учителяхъ Фран- цузахъ. - - - -	272
Къ Читателямъ. - - -	275

IV. П О Л И Т И К А.

Положеніе Европы. -	142 и 283
О внѣшнихъ доходахъ Франціи.	150
Переговоръ между Княземъ Купу- зовымъ - Смоленскимъ и Фран- цузскимъ Генераломъ Лористо- номъ въ лагерѣ при Тарушинѣ.	155
Письмо изъ Варшавы. - -	276
Отъ Варшавскихъ гражданъ къ ихъ военнымъ собраніямъ.	279

Объявленіе отъ Шведскаго Крон- принца жителямъ Помераніи.	281
Объ отлученіи отъ церкви На- полеона Папою Піемъ VII.	- 287
Извѣстія и замѣчанія.	159 и 309

О Ш И Б К И

въ 21 и 22 N№ Вѣстника Европы
1812 года.

Напечатано :

Читай :

Стран. Спр.

137 26 Плашому - Плашону

152 16 д'Иверуа - д'Ивернуа.

